

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»
Лаборатория «Народная письменная культура»

К.И. Бринев

**Теоретическая лингвистика
и судебная лингвистическая экспертиза**
Монография

Барнаул – 2009

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор П.А. Катышев (КемГУ);
доктор филологических наук профессор Т.В. Чернышова (АлтГУ);
доктор филологических наук профессор Н.Б. Лебедева (АлтГПА)

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор,
академик МАН ВШ

Н.Д. Голев

Бринев, К.И.

Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К.И. Бринев ; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.

ISBN 978-5-88210-464-0

Монография посвящена описанию нового вида судебных экспертиз – судебной лингвистической экспертизы. В монографии исследованы теоретические основы лингвистической экспертологии, охарактеризованы задачи, стоящие перед лингвистом-экспертом при проведении судебной лингвистической экспертизы, очерчены пределы компетенции лингвиста-эксперта.

Издание ориентировано на специалистов в области юридической лингвистики (преподавателей, лингвистов-экспертов), а также судей, следователей, дознавателей, адвокатов, юрисконсульты.

ISBN 978-5-88210-464-0

© Алтайская государственная
педагогическая академия, 2009
© Бринев, К.И., 2009

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора: Взаимоотношения языка, права и истины в монографии К.И. Бринева.....	7
---	----------

Введение

Теоретическая лингвистика, теория истины и судебная лингвистическая экспертиза.....	15
А) Субъективистская теория истины в теоретической лингвистике.....	16
В) Принцип реализма в теоретической лингвистике и его прикладное значение. Истина как соответствие фактам.....	21
С) Истина как соответствие фактам и необходимость лингвистической экспертизы.....	25

Глава I. Общая характеристика судебной лингвистической экспертизы

1.1. Судебная лингвистическая экспертиза как отрасль юридической лингвистики.....	30
1.2. Проблема разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе.....	33
1.3. Лингвистическая экспертиза в процессуально-юридическом аспекте	
1.3.1. Субъект экспертизы. Типы экспертиз.....	37
1.3.2. Место лингвистической экспертизы в процессе установления фактов, имеющих значение для разрешения дела.....	40
1.3.3. Выводы эксперта. Оценка экспертизы следственным и судебным органом.....	44
1.4. Лингвистическая экспертиза как исследование продуктов речевой деятельности	
1.4.1. Объект и предмет лингвистической экспертизы.....	47
1.4.2. Цели и задачи лингвистической экспертизы. Пределы компетенции лингвиста-эксперта.....	51

1.4.3. Проблема метода лингвистической экспертизы.....	58
1.4.3.1. Интроспективные методы.	
Метод субституции спорных смыслов.....	59
1.4.3.2. Экспериментальные методы.....	65
1.4.4. Исследовательский аспект выводов экспертного заключения.....	67
1.5. Проблема отнесения лингвистической экспертизы к определенному роду судебных экспертиз.....	70

Глава II. Общая характеристика экспертных задач, решаемых при производстве лингвистической экспертизы в рамках различных категорий дел

2.1. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении	
2.1.1. Общая характеристика экспертных задач по делам об оскорблении.....	73
2.1.2. Оскорбление как феномен права.....	75
2.1.3 Феномен оскорбления в правосознании лингвиста.....	82
2.1.4. Решение проблемы оскорбления в лингвистической экспертологии.....	86
2.1.5. Оскорбление как форма речевого поведения (оскорбление как речевой акт).....	95
2.1.6 Другие формы речевого поведения, способные вызывать перлокутивный эффект обиды (обвинение и понижение статуса).....	103
2.1.7. Проблемы экспертной квалификации неприличной формы.....	104
2.2. Судебная лингвистическая экспертиза по делам клевете и распространении не соответствующих действительности порочащих сведений	
2.2.1. Общая характеристика экспертных задач.....	107
2.2.2. Фактитивные и оценочные утверждения как феномен права.....	108
2.2.3. Проблема разграничения категорий «событие», «оценка», «факт», «мнение».....	109

2.2.3.1 Проблема разграничения категорий «сведений / мнение», «оценка / факт».....	109
2.2.3.2. Противопоставление определенных и неопределенных высказываний.....	116
2.2.3.3. Противопоставление оценочных и описательных (дескриптивных) высказываний.....	123
2.2.3.4. Проблема разграничения категорий «факт» и «событие».....	132
2.3. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о разжигании межнациональной, религиозной, социальной розни и призывам к экстремистской деятельности	
2.3.1 Общая характеристика экспертных задач. Призывы как феномен права.....	137
2.3.2. Призыв как речевой акт.....	140
2.4. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой	
2.4.1. Общая характеристика экспертных задач.....	142
2.4.2. Угроза как феномен права.....	144
2.4.3. Угроза как речевой акт.....	147
1..5 Некоторые задачи, решение которых не требует привлечения специалиста, обладающего познаниями в области лингвистики.....	
1..5.1. Установление наличия / отсутствия негативной информации о лице / группе лиц.....	150
1..5.2. Квалификация информации на предмет ее отношения к наркотическим и психотропным веществам.....	152

Глава III. Решение экспертных задач в рамках различных категорий дел

3.1. Решение экспертных задач по делам об оскорблении

3.1.1.	Экспертная	ситуация
1.....	154	
3.1.2.	Экспертная	ситуация
2.....	159	
3.2. Решение экспертных задач по делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений		
3.2.1.	Экспертная	ситуация
1.....	172	
3.2.2.	Экспертная	ситуация
2.....	178	
3.3. Решение экспертных задач по делам о разжигании национальной, религиозной, социальной розни и призывам к экстремистским действиям		
3.3.1.Экспертная ситуация 1.....	195	
3.3.2. Экспертная ситуация 2.....	211	
3.4. Решение экспертных задач по делам, связанным с установлением угрозы		
Экспертная ситуация 1.....	221	
Заключение.....	229	
Приложение. Типовые вопросы и пределы компетенции лингвиста-эксперта в рамках решения экспертных задач по различным категориям дел.....		
Список литературы.....	243	
Список условных сокращений.....	251	

От редактора:
Взаимоотношения языка, права и истины в монографии
К.И. Бринева

Специфическая отрасль научного знания – юрислингвистика, возникающая в настоящее время в зоне взаимодействия языка и права, – приобрела в последнее десятилетие в отечественной науке исключительную актуальность. В центральных и региональных изданиях выходят статьи и монографии, защищаются диссертации, проводятся конференции разного статуса. Регулярный межвузовский сборник научных трудов «Юрислингвистика», издаваемый в Барнауле и Кемерове, превращается в фактически специализированный журнал-ежегодник. Общественный интерес к юрислингвистике отражает Интернет, в котором легко найти сайты, страницы, дискуссии по вопросам взаимоотношений языка и права. Регулярно поступают сообщения об открытии все новых лингво-экспертных сообществ. Высшее образование откликается на социальную востребованность в специалистах по юридической лингвистике открытием соответствующих специальностей и специализаций. Нет сомнения в том, что катализатором этих процессов стала потребность в развитии лингвистической экспертизы разного статуса и содержания; в первую очередь – судебной экспертизы спорных текстов и экспертизы документов (законопроектов, договоров) при их подготовке и интерпретации.

На этом фоне монография К.И. Бринева «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза» – не рядовое издание, поскольку, обобщая накопленный опыт, она вводит его в новую парадигму, рассматривает взаимодействие языка и права с новых сторон и тем самым поднимает юрислингвистику на более высокий уровень.

Главную методологическую особенность исследования К.И. Бринева мы видим в совмещении в нем парадигм трех наук: лингвистики, юриспруденции и учения об истине. Лингвистическая экспертология составляет здесь особый аспект, выступая в роли своеобразной линзы, через которую рассматриваются и язык, и право, и истина. Одновременно лингвистические экспертизы играют роль материала, из анализа

которого исследователь извлекает знания о языке. Впрочем, в разных разделах работы лингвистическая теория и лингвистическая экспертиза (феномены, названия которых вынесены в заглавие работы) нередко меняются статусами объекта, предмета и материала исследования. Неоднозначен и ответ на вопрос (достаточно часто задаваемый юрислингвистам), в каком аспекте выполнено юрислингвистическое исследование: в аспекте «Лингвистика для экспертизы» (это направление обычно легко и охотно признается лингвистами, тем самым утверждается ее преимущественно прикладной характер) или в аспекте «Экспертиза для лингвистики» (такой аспект обычно приходится доказывать и доказательства не лежат на поверхности, поэтому до сих пор фундаментальное значение юрислингвистики для теории языка не раскрыто в достаточной мере). При всем понимании значимости научных результатов исследования К.И. Бринева для общей и лингвистической экспертологии, мы склонны видеть в центре его работы именно второй аспект. Впервые в отечественной юрислингвистике язык и отражающие его лингво-теоретические построения последовательно рассматриваются в аспекте параметров, задаваемых презумпциями судебной лингвистической экспертизы. Таковые презумпции определяются прежде всего тем обстоятельством, что в конечном итоге судебная экспертиза служит одним из важнейших способов доказывания истины.

Категория истины является одним из основных интегрирующих параметров исследования К.И. Бринева. Этот момент также является методологической чертой данной работы. Идея о потенциале проекции признаков истины на речевое высказывание (текст), способности речевых произведений объективировать истину и возможности человеческого сознания извлечь ее из речевого материала красной нитью проходит через всю книгу. Это, на наш взгляд, весьма важные для лингвистики моменты. Важные хотя бы потому, что до сих вопросы истины в языке и речи рассматривались в основном философами, логиками, лингвистами, работающими в смежных с формальной логикой областях, которые решали их преимущественно на материале формализованных языков или искусственно сконструированных фраз. Лингвистика естественного языка в связи с истиной

затрагивалась лишь в основном в направлениях линвопрагматики и суггестивной лингвистики и в лингвокогнитологии, в связи с концептами истины, лжи, обмана, справедливости. В монографии К.И. Бринева логическое направление «моделирования» истины органично соединяется с изучением отражения и выражения истины в естественном языке, средствами естественного языка. В гносеологическом плане это направление предстает в монографии как извлечение истины из естественных речевых произведений, заданное целевыми установками судебной лингвистической экспертизы как способа доказывания судебной истины. Понятие «судебной истины» также имеет свою специфику в парадигме ее многочисленных разновидностей и нередко становится предметом теоретической юриспруденции. В отличие от истины, отражаемой в естественном языке и в естественно-научном познании, судебная истина в большей мере конвенциональна, поскольку она в существенной мере детерминирована конвенциональной природой правовой системы.

Известно, что философия, теория общего и специального познания, логика и психология выработали разнообразные представления об истине. Считается, что философское понятие истины впервые введено Парменидом как противопоставление мнению, причем изначально в античной философии считалось, что критерием истины является тождество мышления и бытия. У Аристотеля учение об истине предстает как соответствие или несоответствие высказывания действительности. Мы говорим об этом по той причине, что в монографии К.И. Бринева актуализируется именно такое, аристотелевское, представление об истине. Из всех критериев истины К.И. Бринев отдает предпочтение критерию соответствия содержания высказывания действительности. С точки зрения автора, в лингвистике до сих пор доминирует реалистический (а не номиналистический) принцип объяснения, который почти всегда ведет к дискуссиям по поводу употребления лингвистических терминов и практически никогда не ведет к описанию того, каково положение дел в мире; например, вопрос о сущности текста при таком подходе способен привести только к определению того, как мы будем употреблять слово «текст» по отношению к фрагментам реальной действительности;

все ищут истинный смысл слова «текст», называя это поисками сущности текста, тогда как такого смысла нет, равно как и сущности текста; таким образом, текст при таком подходе превращается в категорию смысловую, но не фактическую.

Отсюда, по К.И. Бринеу, вытекают соответствующие лингво-экспертные презумпции: лингвистическая экспертиза должна описывать реальные факты, а не определять, в каком смысле употребил законодатель то или иное слово, скажем, «оскорбление» или «неприличная форма» (это не более чем частная проблема юридино-лингвистической герменевтики). При этом то обстоятельство, что лингвистическая экспертиза **должна** делать истинные описания, не может быть выведено логически и теоретически из каких-либо фактов, но является просто нашим решением или ценностью, которую мы либо разделяем, либо нет. Этот тезис может быть спроецирован в область лингвистической этики. Если, например, полагает К.И. Бринеу, мы знаем (= уверены), что все утверждения – это утверждения мнения (а такая точка зрения нередко высказывается в экспертном сообществе), то тогда, выполняя экспертизу и выделяя фактические утверждения, мы, в том числе, принимаем и решение о том, что даем заведомо ложное заключение. Мы, конечно, можем несерьезно относиться к нашей деятельности – лингвистической экспертизе – («играть в нее»), но в этом случае мы должны быть готовы, что когда-то нас привлекут по статье 307 УК РФ. Таким образом, в концепции К.И. Бринева тесно переплетены логика языковых значений и значимостей, логика научного познания истины и значимостей правовых и социальных отношений.

За «объективистским» подходом к лингвистической истине, реализуемым в монографии, стоит скрытая полемика с современными тенденциями в теоретической лингвистике, особенно с антропоцентрическими. В известной дискуссии, начатой Августом Шлейхером, который противопоставил лингвистический натурализм и филологию, и продолженной в 60-70-х годов в отечественном языкознании, где ставился вопрос о лингвистике как науке гуманитарной или естественной. Отдаление от полюса «гуманитарности» особенно значимо для судебных лингвистических экспертиз, поскольку нередко приходится

слышать, что она, в отличие, скажем, от судебно-медицинской или трассологической экспертизы, не может быть «несубъективной» (= объективной). В этом аспекте автор обсуждаемой монографии последовательно отстаивает возможность приближения лингвистического исследования - вообще и экспертного в частности - к «объективистскому» полюсу. Антропоцентрическое изучение языка К.И. Бринев сближает с субъективным и интуитивным изучением.

В силу активизации антропоцентрического подхода в лингвистике в настоящее время доминирует субъективная теория истины в форме гносеологического плюрализма, который, по мнению К.И. Бринева, влечет за собой едва ли не снятие оппозиции между истиной и ложью: если ничего не может быть даже в воображении ложным, то тогда оно ничего не говорит о реальном положении дел. Это означает, что у него отсутствует содержание относительно фактов и реальной действительности. Вслед за К. Поппером, автор обсуждаемой монографии утверждает, что такие описания никогда не могут столкнуться с реальной действительностью, потому они являются описанием состояний уверенности того, кто является лингвистом. Редактор, являющийся автором ряда статей, в которых развиваются идеи субъективного плюрализма в лингвистике как гносеологической ценности и множественности интерпретации как реального механизма функционирования языка, считает себя обязанным высказать реплику-вопрос: «Разве сами слова-понятия «факт реальной действительности» и «соответствие таковым фактам» не являются ко всему прочему продуктом субъективной деятельности не только в их генезисе, но и в их непрерывном функционировании (= употреблении этих «слов»)? Отвечая положительно на этот вопрос, мы соглашаемся со следующим мнением:

«...Можно ли, как это обычно делается, противопоставлять друг другу факт и его оценку или суждение (мнение) о нем? Вообще: есть ли факт нечто совершенно объективное? А оценка или суждение о нем - наоборот, субъективное? Или: факт есть нечто первичное, а суждение о нем - нечто вторичное? Нет. Факт становится таковым и становится нам доступным только в форме суждения (высказывания, пропозиции). Реальность существует

независимо от человека, а факт - нет: он, этот человек, выделяет в действительности какой-то фрагмент, а в нем - определенный аспект (событие); затем он "переводит" свое знание о действительности (событии) на "естественный" язык, строит в виде суждения о предмете, затем проверяет, истинно ли данное суждение или ложно (как говорят, "верифицирует" его). И только тогда - если окажется, что суждение истинно - то, что описано в этом суждении, становится фактом!». И если это так, то отношения субъективной и объективной сторон истины, равно как и отношения интерпретации слов и реального положения вещей оказываются не в отношениях разделительных (или / или), а в отношениях дополнительности (и / и), даже в том случае, если они гносеологически (и логически) несовместимы.

К.И. Бринев попытался проанализировать данную ситуацию в разделе, посвященном делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений (см. параграф 2.2.3.4), где выдвигается гипотеза, что разграничение фактов и событий (как это представлено в приведенной цитате) – это словесное разграничение и что принцип верификации не имеет здесь существенного значения, поскольку ни одно высказывание о факте или событии не может быть верифицировано опытным путем. Автор считает, что все высказывания о событиях и фактах – это гипотезы, которые мы принимаем, потому что они согласуются с другими фактами или событиями. Если они не согласуются с ними, то мы их отбрасываем. Поэтому наши интерпретации не произвольны относительно реального мира.

Позволим себе оставить этот вопрос открытым, но отметим, что его критическое обсуждение может быть весьма продуктивным.

Мы солидаризуемся со следующей мыслью К. И. Бринева, касающейся соотношения фундаментальных и прикладных аспектов лингвистики. Любое лингвистическое описание основано на какой-либо теории, включая бытовые теории, противоречивые и неполные теории. Тезис о том, что существует описание само по себе и соответственно прикладная наука, не предполагающая какую-либо теорию, – это ложный тезис. (И это, конечно, так, с той ремаркой, что наличие теории и означает присутствие субъективной стороны в любом описании). Тот факт, что в

лингвистике классическая теория мало применяется в прикладных исследованиях, или то, что лингвисты не имеют представления о том, на каких теориях базируются прикладные исследования (а они могут быть основаны и не на классических теориях, а на теориях, например, основанных на здравом смысле), во-первых, не является необходимым, во-вторых, скорее, свидетельствует в пользу факта, что теоретическая лингвистика – «слабая» отрасль, что-то вроде игры. Поэтому если юридическая лингвистика «стремится» стать цельной дисциплиной, то тогда в каком-то смысле она должна быть основана на теории языка, то есть на истинностных описаниях структуры и функционирования языка, и если она будет вся описана через одну теорию, то только тогда она явит себя действительно цельной дисциплиной. Естественно, такая теория не является «окончательной», но является «лучшей» к данному моменту времени. Пафос цельности любой теории как ее неоспоримой ценности особенно справедлив по отношению к юрислингвистике в ее лингвоэкспертной составляющей. Непосредственно обслуживая судебную истину, деятельность лингвиста-эксперта стремится иметь единые, непротиворечивые и даже устойчивые правила исследования (в том числе и в первую очередь его теоретико-методические правила). Именно эти свойства экспертного исследования функционально синонимизируются с такими важными свойствами судебных вердиктов, как легитимность, непредвзятость и справедливость. Думается, что во многом именно по этой причине в монографии К.И. Бринева «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза» этот пафос стал основополагающим исследовательским принципом. Но все-таки экстраполяция тезиса об опоре экспертизы «на лучшую к данному моменту теорию» во все другие сферы научной деятельности, на наш взгляд, не может быть принята без существенных оговорок, связанных с невозможностью научной дефиниции понятия «лучшая теория» и с сомнительностью синонимизации таких определений теории, как «лучшая» и «современная». Так, сам К.И. Бринев достаточно убедительно показал, что актуальные сегодня антропоцентрические методики описания языка отнюдь не самые лучшие с точки зрения приближения к сущности языка.

Критика концепций, восходящих к учению о языке средневековых реалистов, реализована во второй главе, где лингвистическая экспертиза последовательно возводится к номиналистским концепциям, поскольку экспертиза, по убеждению К.И. Бринева, не должна решать (обсуждать?) вопросы о терминах и их понимании, а должна решать лишь вопросы о том, что происходит в реальной действительности. Автор в этой главе пользуется номиналистическим вариантом структурализма, согласно которому, например, речевой акт – это единица кода русского языка, тогда как такой единицы, как «неприличная форма» в русском языке не существует.

В заключении автор вновь возвращается к теории речевых актов, поставив вопрос о том, где границы применения гипотезы о речевых актах. Лингвисты, вероятно, не могут «эксплуатировать» эту гипотезу бесконечно, потому что рано или поздно на пути такой «бесконечности» лингвист придет к выделению совершенно конкретного речевого акта: «Петров Иван Андреевич сообщил (или, скажем, использовал то или иное слово) 11.10. 2008 г. в 13.57». В этом же духе объективизма и номинализма на материале конкретных экспертиз в третьей главе критически трактуются имеющиеся и активно используемые лингвистами в экспертной практике классификации инвективной лексики.

Таким образом, системное появление парадигмы истины в первой монографической работе по юрислингвистике знаменует, на наш взгляд, новый и серьезный шаг в развитии юрислингвистических и лингвоюридических знаний.

Доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка КемГУ, академик МАН ВШ
Н.Д. Голев

Введение

Теоретическая лингвистика, теория истины и судебная лингвистическая экспертиза

Юридическая лингвистика возникла, бесспорно, как прикладная отрасль лингвистической науки. Но исследования в области лингвистической экспертизы сразу выявили то, что теоретическая лингвистика не готова решать конкретные исследовательские задачи. Эта ситуация неслучайна, она обусловлена состоянием теоретического познания языка и речи, сразу необходимо отметить, что «теоретическое» в данном случае нами понимается в его «первичном» научном смысле, согласно которому теория – есть описание и, конечно, объяснение фактов или, другими словами, фрагментов реальной действительности. Решая конкретные экспертные задачи в рамках лингвистических экспертиз спорных речевых произведений, автор пришел к выводу, что в лингвистике практически отсутствует такая научная категория, как категория «факт»; в ней (лингвистике) есть материал, но нет фактов, всегда, например, относительно лингвистического исследования мы можем услышать вопрос: «На каком материале вы выполнили исследование?», но практически никогда: «Какие факты позволяют вам делать такие-то утверждения, и почему вы думаете, что эти факты позволяют вам утверждать то-то и то-то?».

Юридическая лингвистика (а точнее, ее подотрасль – лингвистическая экспертология) «выявила» проблему факта недвусмысленным и причудливым образом – с одной стороны, это глобальная проблема фактических описаний продуктов речевой деятельности, которая возникает в экспертных исследованиях. Эта проблема ясно может быть сформулирована, по нашему мнению, следующим образом: «Каковы те факты, которые могут быть установлены в результате лингвистического исследования?» или – с несколько другой стороны – «Как мы используем наши объяснения для того, чтобы утверждать, что в мире происходило (происходит) то-то и то-то?».

Вторая, на первый взгляд, сугубо техническая проблема, касающаяся разграничения фактов и мнений, событий и оценок,

которая возникает в экспертной практике по делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений и клевете, поставила вопрос об intersubjectивности естественного языка, который удовлетворительно можно сформулировать следующим образом: «Высказываем ли мы при помощи языка утверждения о реальности или все наши утверждения – это только интерпретации, которые на самом деле только наши интерпретации, и они не соотносятся с миром?»

Эти два вопроса, конечно, различны, но в экспертной практике, юридической лингвистике и теоретической лингвистике они нераздельны в том отношении, что лингвистика одинаковым образом «ведет» себя по отношению как к собственно языковому аспекту фактивности, так и к его металингвистическому аспекту, а решение проблемы факта, как нам кажется, определяет наше научное поведение как на уровне принципов построения теорий, так и на уровне наших деклараций об устройстве и функционировании естественного языка.

В данном случае оказываются важными две стороны решения этого вопроса, первая связана с проблемой субъективности / объективности языка, вторая – со статусом общих понятий в языке, первая «эксплуатируется» явно при описании языка-объекта, например, русского, вторая кладется неосознанно в основание лингвистических теорий. Решение, которое принято в современной лингвистике и первой, и второй проблемы, лишают фактивности любую деятельность, как деятельность, осуществляемую на естественном языке, так и деятельность, осуществляемую на языке науки (лингвистики). Следствием этого является тотальный интерпретационизм, относительно которого, думаем, будет справедливым сказать, что этот принцип никто не старается ограничить. Для того чтобы высказанные утверждения были максимально ясными, кратко рассмотрим эти две концепции и следствия, которые они влекут.

А) Субъективистская теория истины в теоретической лингвистике

Категория субъективного и объективного долгое время принималась в качестве инструмента (быть может, даже основного) описания языка, при этом, будучи заимствованной из философии была принята лингвистикой некритически и в настоящее время используется в лингвистике и лингвистической экспертизе также достаточно некритически (напомним о весьма популярных сегодня тезисах современной антрополингвистики и когнитивной лингвистики). В разное время эта категория «работала» в различных направлениях: в период расцвета диалектического материализма, она вводилась, для того чтобы подчеркнуть диалектическое единство субъекта и объективного мира, связь языка и речи как инструментов и видов человеческой деятельности с объективными отношениями – отношениями в реальной действительности. (Считалось, например, что категории языка обусловлены объективными отношениями в том смысле, что они (языковые категории) эти объективные отношения отражают). В настоящее же время очевиден субъективистский подход к решению данной антиномии. Язык и речь интерпретативны: в мире нет истины и лжи, кроватей, кошек и собак, отношений «слева» и «справа» и т.п. – все это суть человеческие категории (в терминологии Ф. Бэкона – «идолы рода»), от которых нельзя избавиться, так что человек обречен интерпретировать мир, то есть приписывать ему свои человеческие категории, видеть его через призму этих категорий, в результате чего действительное положение дел, естественно, искажается, и поэтому мы никогда не узнаем, как обстоят дела на самом деле. Можно использовать и терминологию И. Канта: «Мы никогда не узнаем, какова на самом деле вещь в себе».

В книге развивается иная точка зрения на данную проблему, которая восходит к разработкам К. Поппера. Согласно этой позиции категории и суждения, действительно, являются человеческими в том смысле, что человек накладывает (как это понимал, например, И. Кант) эти категории на мир, но тот факт, что при этом человек способен ошибаться и фактически ошибается, говорит о том, что утверждения, несмотря на то, что они человеческие, это утверждения о мире в том смысле, что они могут соответствовать и могут не соответствовать реальному положению

дел. Таким образом, из факта потенциальной ложности вытекает другой факт: наши утверждения не произвольны относительно того, что называется реальностью, наши утверждения принимаются и отбрасываются в рамках принципа их соответствия действительности, но не в рамках принципа договоренности (конвенционализм) или практической их целесообразности (прагматизм). А отсюда – оппозиция субъективного и объективного в том виде, в котором она представлена в современной лингвистике, не является продуктивной как для описания свойств естественного языка, так и на уровне лингвистической методологии. С методологической точки зрения следствием субъективизации является, как мы уже отметили, безграничный интерпретационизм лингвистических теорий, фактически «узаконенный» в лингвистике как науке. Традиционная формула «Каждый прав со своей точки зрения» есть не что иное, как форма субъективизма, которая вырастает, в том числе, и из свойств языка, при помощи которого одно и то же можно назвать по-разному тем самым, придавая ему (одному и тому же) различной степени оттенки смысла от неуловимых до противоположных.

Поясним суть концепции интерпретационизма. Можно выделить две формы интерпретационизма – методологическую и фактическую. Методологический интерпретационизм присутствует на металингвистическом уровне, то есть интерпретационизм является одним из принципов построения научной лингвистической теории. Мы уже указали, что его основная формула «Каждый прав со своей точки зрения». Лингвистические работы, как правило, начинаются с перечисления различных точек зрения, относительно которых утверждается, что исследователю удалось описать какой-то аспект реальности и со своей позиции (или с позиции этого аспекта) он прав. Очевидно, что такой методологический интерпретационизм ведет к теории субъективной истины, где истина – это результат интерпретации ученым какого-то явления. В формулировке «все правы со своих точек зрения» этот субъективизм виден отчетливо и не требует усилий по доказательству. Если все истинно и ничего не ложно, то тогда, безусловно, что истина – это продукт ментальных состояний субъекта (ученого), но так же верно, что такая истина ничего не

говорит о мире, а только о ментальных состояниях породившего торию в том смысле, что он (ученый) **так видит** это положение дел, тогда как другой может **видеть** его совершенно **по-иному** и тоже будет по-своему прав. Время от времени возникающие в лингвистике дискуссии (мы думаем, что выражение «время от времени» очень точно отражает состояние критического обсуждения проблем в лингвистике) порождены только тем, что ученые не понимают друг друга, а не различными позициями по поводу решения вопросов относительно реального положения дел, и если они друг друга поймут (а это считается безусловно возможным), когда, например, договорятся в значении терминов, то проблема исчезнет сама собой.

Второй принцип объяснения различия точек зрения – через объективную категорию «аспект» – не так очевидно связан с субъективистским характером истины в лингвистике, но все же не перестает быть от этого субъективистским. Поясним данный тезис. Мы всегда можем употребить объективное слово «аспект» по отношению к новой интерпретации явления, более того, мы всегда можем придумать, если очень захотим, *что* это за аспект, поэтому в данном случае мы спасаем «субъективистский плюрализм» при помощи введения объективного слова. Если бы мы хотели, чтобы наши исследования являлись не только спасением субъективной теории истины, но и претендовали бы на статус описания фактов, то мы должны были бы иметь ответ на вопрос, каковы те ситуации, когда точка зрения не отражает никакого аспекта реального положения дел. Очевидно, что в лингвистике так вопрос попросту не ставится, а потому и относительно теории аспектов наличие противоречивых позиций объясняется субъективно – как тот факт, что люди просто говорят о разных вещах и не понимают друг друга. Если бы они поняли, о каких вещах они говорят, то проблема бы «ушла сама собой», так как все бы, очевидно, согласилось друг с другом. Отметим, что в каждом случае мы всегда можем придумать (и даже в некотором отношении – хотеть придумать) эти разные вещи, чтобы спасти истинность всех утверждений. Так что методологический интерпретационизм (или «субъективистский плюрализм») является весьма «слабой» теорией истины в том смысле, что вся теоретическая деятельность сводится к признанию

истинности любых утверждений, и этот факт определяет, что ученый, который отстаивает такую ценность, вынужден любыми способами спасать эти представления, когда они начинают противоречить фактам. Такая концепция защищает истинность, поэтому под то, что считается истинным (а истинным считается, как мы отметили, что все является истинным) «подстраивают» все остальные факты, которые в различной степени соответствуют исходному «истинному» утверждению, вплоть до фактов, которые противоречат этому утверждению. Самый удобный, кстати, способ спасения – попросту «не замечать» противоречащие факты, ссылаясь, например, на то, что любая теория неизбежно огрубляет действительность, а потому мы придумаем сначала теорию для той группы фактов, которые хорошо объясняются, а уж потом подумаем, как объяснить остальные (такие теории называются *ad hoc* теориями). Но необходимо напомнить, что отбрасываются теории, факты не могут быть отброшены, факты таковы, каковы они есть, и если теория не объясняет всех известных фактов, то именно она должна быть отброшена, но не отброшены те факты, для которых выдвинутое объяснение не является удовлетворительным.

Методологический интерпретационизм тесно связан с интерпретационизмом фактическим. Последний вытекает, по нашему мнению, из того факта, что при декодировании реальных речевых сообщений всегда остается возможность для индивидуального понимания этих сообщений. Фактический и методологический интерпретационизм связаны между собой, вероятно, как причина и следствие, и второй – проекция первого (хотя мы в этом не уверены) в сферу построения научных теорий. С фактическим интерпретационизмом мы встречаемся при преподавании практически всех лингвистических дисциплин, а более всего в тех курсах, которые посвящены интерпретации текста. Он заключается в том, что понимание текста зависит исключительно от субъекта декодирования, так что мы можем прийти до утверждений что текст, понимаемый X-ом в 13.00, отличается от текста, понимаемого тем же А в 21.00. Или предположим, что X каждый день, просыпаясь, видит перед своими глазами один и тот же текст, естественно вывести, что X понимает

этот текст каждый раз по-разному и у А нет ни одной тождественной интерпретации этого текста, потому что интерпретация субъективна и зависит, например, от психологического состояния Х-а. Когда разговор пойдет о двух людях, то очевидно, что субъективность ситуации еще более усилится, так как Х и У – это разные люди, а потому перед ними разный текст в том смысле, что он у них вызывает различные интерпретации. Не стоит говорить о том, что при таком подходе вопрос о том, каков этот текст на самом деле, излишен в том плане, что на него не может быть дан ответ (текст это непознаваемая вещь в себе).

В) Принцип реализма в теоретической лингвистике и его прикладное значение. Истина как соответствие фактам

Второй принцип, на котором основана лингвистическая наука, – это **принцип реализма** в объяснениях, который, на наш взгляд, в теоретической лингвистике занимает центральное место. Напомним, что реализм как философское течение решал спор об универсалиях в пользу существования абстрактных сущностей, таких например, как «благо», «дерево» и т.п. Вопрос о том, как возможно употребление общих слов по отношению к чему-то различному и одновременно чему-то тождественному (например, предметам) решался при помощи введения категории сущности вещи, которую Платон, например, выносил за пределы чувственного мира, а Аристотель помещал в саму вещь. К таким решениям можно относиться, по-разному, но очевидно, что реализм как тип методологической установки породил значимость вопросов «Что есть собака на самом деле?», вопросов, которые носят сугубо словесный характер. В лингвистике такие вопросы пока стоят в центре исследования. Вопросы «Что такое жанр, концепт, фрейм, лексическое значение» относятся к разряду принципиальных, несмотря на то, что с какой-то стороны они не имеют никакого значения. Эти вопросы осложняются проблемой точности определения терминов (а, скорее, слов), решение которой, по мнению ученых, является ключом к познанию явлений языка и речи. Отсюда главным признается вопрос: «Как понимается то-то и то-то?» или «Как нам понимать то-то и то-то?» Этот вопрос

считается важным всерьез, но очевидно, что при таком подходе лингвистика из науки о фактах превращается в науку об употреблении терминов. Эту проблему очень рельефно высветила юридино-лингвистическая проблема квалификации оскорбления, где реалистическая постановка вопроса в форме: «Что есть оскорбление?», и его реалистическое решение породили парадоксальное следствие – **эксперт в заключении не может употреблять термин «оскорбление», так как это термин юридический.**

Естественно, что данное положение не способствует фактическому описанию и объяснению оскорбления, где оскорбление «кусочек» реальной действительности, который не зависит от своего названия, и тем более не принадлежит лингвистике или юриспруденции, более того, он не «нуждается» и в существовании этих наук. Потому вряд ли эффективно искать ответ на вопрос, что значит слово «оскорбление» в быденном ли языке или языке юридическом (или сетовать при проведении экспертизы на то, что этот термин плохо определен), экспертный подход как раз предполагает другое – эксперт знает (или не знает) все (или не все) истинные предложения об оскорблении и умеет (или не умеет) ими пользоваться при ответе на вопрос, был ли факт оскорбления в данной конкретной ситуации, ситуации, которая является предметом судебного разбирательства. Такая номиналистическая переформулировка проблемы кажется нам продуктивной и ясной.

Предлагаемая вниманию читателя книга методологически основывается на принципе соответствия / несоответствия высказывания действительности, который в философии, например, именуется корреспондентной теорией истины. Согласно этому принципу истинным является утверждение, которое соответствует фактам, ложным соответственно, которое не соответствует фактам. В работе развивается идея о том, что языковые явления существуют объективно и независимо от юридических определений и юридических конструкций, частью которых являются эти явления, а также положение о том, что познание этих явлений не зависит от качества их определений в лингвистике как науке. Отсутствие четких определений этих явлений в лингвистике не способно

оказать заметного влияния на познание фактов этих явлений, скорее, сами определения их ясность и четкость могут быть поставлены в зависимость от качества их (объективных явлений) познания. Таким образом, основной единицей анализа и описания языковых явлений является научное описательное высказывание и его основное свойство – способность соответствовать и не соответствовать фактам, факт – это базовая категория лингвистической экспертизы, экспертное исследование назначается для установления фактов, значимых для рассмотрения того или иного дела по существу. Категория факта подчиняет себе все исследовательские параметры лингвистической экспертизы: мы устанавливаем факты и мы их объясняем, но не даем определения явлениям или терминам. Таким образом, оказывается неважным вопрос о том, что такое, например, «угроза», но очень важен вопрос, какими свойствами обладает и в каких отношениях находится тот фрагмент действительности, который мы условились (а в другом аспекте фактически называем) называть «угрозой», с другими фрагментами языко-речевой действительности. Определениям в экспертных исследованиях отводится вспомогательная роль, с одной стороны, они вводятся в коммуникативных целях и обеспечивают возможность взаимопонимания, с другой стороны, они сокращают научный текст. С этой точки зрения угроза, например, – это все известные в лингвистике как науке к конкретному моменту истинные высказывания об угрозе, и слово «угроза» заменяет эти истинные высказывания в научном тексте или в тексте лингвистической экспертизы, мы в принципе могли бы не пользоваться словом «угроза», а всегда говорить вместо «угроза», фразы, построенные по такому образцу: «То, что обладает свойствами X, Y, Z...Zn» лишь бы относительно такого употребления соблюдался закон тождества (этот принцип полно и ясно изложен в работах [Поппер, 2002; Поппер, 1992; Поппер, 1993]).

Таким образом, в работе принимается следующая позиция относительно собственно лингвистического и юридического слоев в лингвистическом экспертном исследовании. Целью лингвистической экспертизы является описание и объяснение определенных фрагментов реального мира, событий и фактов, при

этом описание производится в рамках категорий истина / ложь. В юридическом аспекте происходит квалификация описанных событий на шкале «запрещено / разрешено» и производных от этой шкалы категориях санкции, отягчающих или смягчающих обстоятельств и т.п., еще раз подчеркнем, что в **рамках юриспруденции происходит не переопределение понятий и терминов, а юридическая квалификация (=юридическая оценка) установленных событий и фактов**, которые способны за собой влечь определенные юридические последствия.

Такое представление является важным на фоне существующей позиции, в которой приняты следующие формулировки: «С юридической точки зрения оскорбление это то-то, тогда как с лингвистической оскорбление совсем другое». Мы предполагаем, что в каком-то отношении (по крайней мере, если мы хотим оставить за лингвистической экспертизой право на истинное описание действительности, то есть не отрицать за лингвистикой способности описывать свойства и отношения, которые существуют в реальном мире) для лингвистики и юриспруденции оскорбление должно быть одним и тем же предметом, который ими рассматривается с точки зрения своих целей. Цель лингвистики – установить и объяснить все истинные высказывания об оскорблении, цель юриспруденции – установить имело ли место такое деяние, как оскорбление и если имело, то дать его юридическую оценку. Таким образом, противопоставление юридической и лингвистической точек зрения, скажем, на то же оскорбление не имеет какого-либо значения, так как с какой-то стороны лингвисты и юристы обязаны иметь одну точку зрения на оскорбление, оскорбление – это фрагмент реальности, свойства и отношения которого с другими фрагментами не зависят от того, какие слова мы употребляем или как мы выражаем свои мысли.

В данном случае необходимо пояснить, почему мы употребили слова «вынуждены» и «должны». Этими словами мы хотим сказать, что тот факт, что мы выбираем описывать реальное положение дел является нашим решением, которое не сводимо к фактическому положению дел. То есть, другими словами, это наше решение, что экспертиза как процессуальное действие помогает установить объективную истину по делу и то, что юридическая

квалификация должна основываться на дескриптивных утверждениях, это тоже наше решение, оно может быть эмпирически обосновано, но не может быть логически выведено из какого-либо положения дел. Вполне можно представить себе ситуацию другим образом, когда экспертиза бы основывалась на авторитете ученого (что иногда имеет место в лингвистических экспертных исследованиях) или экспертный вывод принимался бы большим числом голосов. Например, нет ничего логически противоречивого в идее, чтобы по каждому делу экспертизу проводили все эксперты в данной области, а затем обсуждали бы расхождения в выводах и путем голосования решали бы, какой из экспертных выводов необходимо считать истинным. Такой принцип организации экспертизы породил бы свои проблемы и свои следствия для юриспруденции, и он возможен теоретически, а потому принцип соответствия действительности не является принципом, который вытекает из какого-то положения вещей в реальной действительности, скорее, он подчинен нашим решениям и ценностям в том смысле, что мы признаем в юридической деятельности и науке в качестве ценности – поиск ответа на вопрос об истинности или ложности определенных утверждений о фактах.

Резюмируем: концепция книги строится на двух принципах, первый из них связан с теорией истины как соответствия фактам, второй с номиналистическими принципами построения лингвистической теории. Эти принципы в книге будут обсуждаться в различных местах и с различной степенью подробности. Относительно каждой категории дел в книге осуществлена попытка, во-первых, переформулировки поставленных перед экспертом проблем в номиналистической форме, то есть в форме ответа на вопрос о действительности и фактах, а не в форме ответа на вопрос о значениях терминов и слов обыденного или юридического языка, и, во-вторых, в книге осуществлена попытка последовательного проведения принципа описания языковых и речевых явлений с точки зрения корреспондентной теории истины в духе А. Тарского и К. Поппера. С методологической точки зрения, таким образом, работа не является оригинальной: методологический номинализм (термин К. Поппера) стихийно сложился в естественных науках, в

философском же и логическом плане методологический номинализм был разработан К. Поппером и А. Тарским. Методологическая ценность работы заключается в том, что впервые осуществлена попытка применения этого принципа по отношению к изучению естественного языка и прикладной области лингвистических исследований – лингвистической экспертологии. Возможно, что это до конца не удалось, но нет никаких сомнений, что номиналистический принцип достаточно эффективен и способен решать конкретные лингвистические проблемы.

С) Истина как соответствие фактам и необходимость лингвистической экспертизы

Необходимо также коснуться еще одной проблемы, которая ставится, но не освещена достаточно подробным образом в предлагаемой читателю книге, хотя имеет, как мы считаем, большое значение. Эта проблема может быть сформулирована следующим образом: «Зачем необходима лингвистическая экспертиза? Или – в более категоричной форме – «Так уж ли она нужна?». Этот проблемный вопрос возникает из определенного фактического положения дел: любой следователь или судья являются носителями русского языка, и как получается так, что эти люди могут пользоваться русским языком во всех ситуациях за исключением ситуации следствия и судебного разбирательства? Основной ответ здесь может быть, конечно, сведен к тезису о том, что есть объективные ситуации, которые следователь и судья не могут решить относительно естественного языка, хотя фактом является то, что они его носители. Безусловно, это очень общий ответ, и он требует детальных разработок в области метаязыкового и собственно языкового сознания рядовых носителей языка, и пока лингвистическая экспертология не описала ситуации, в которых носители языка могут думать о языке то-то и то-то, когда на самом деле дела обстоят по-другому, проблема использования специальных лингвистических познаний будет оставаться проблемой.

Рассмотрим, например, следующую ситуацию: следователь, проработавший десять лет по расследованию дел о наркотических и психотропных веществах, приносит текст фоноскопической

экспертизы лингвисту с вопросом, идет ли в нем речь о сбыте психотропных веществ. Встает вопрос: «Какова цель, ради которой он это делает?» Думается, что в подавляющем большинстве случаев следователь в силу своей профессиональной компетенции знает больше, чем лингвист, относительно того, имеет ли данный текст отношения к психотропным веществам и их продаже, так как психотропные вещества и их продажа – это не слова и не предложения русского языка, а фактические ситуации в реальном мире, которые как-то называются словами русского языка, но *как* именно они называются, думаем, предполагаемому следователю хорошо известно, и он, как мы думаем, никогда не ограничивается словами в том смысле, что не кладет в основу доказательств только разговоры об этих веществах, но и старается установить факты, которые способны подтвердить гипотезу о продаже психотропных и наркотических веществ. Когда же у следователя нет иных доказательств по конкретному делу, за исключением фразы «Я продал ему герыч», тогда, что хочет узнать следователь, ставя перед экспертом вопрос: «Идет ли речь в тексте о продаже одним лицом другому лицу героина?» Возможен лишь один ответ на поставленный вопрос – следователь хочет узнать, имел ли он языковые основания для интерпретации данной фразы как относящейся к продаже героина или правильно ли он понимает, что в данном случае разговор шел о продаже наркотического вещества под названием «героин». Таким образом, вопрос о необходимости применения специальных познаний является открытым [Росинская, 2008, с. 7-24], без специальных исследований в этой области эффективное развитие лингвистической экспертизы, по нашему мнению, невозможно.

Но вопрос о необходимости имеет и более глубинные основания. Укажем и на них. В общем, вопрос о необходимости лингвистической экспертизы и любой экспертизы решается, как правило, таким образом. Если мы не будем принимать решения при разрешении конфликтов, основываясь на реальном положении дел, например, на том, как реально устроен объект (скажем, язык), то рано или поздно право перестанет быть эффективным в том смысле, что его решения не будут совпадать с реальным положением дел, что приведет к нелегитимности права. (Оно,

например, перестанет выполняться). Мы думаем, что теоретически такая формула неверна. Поясним это. С точки зрения фактической для права, чтобы быть эффективным необходимо, чтобы поведение людей, которое оно регулирует, было вариантным, чтобы относительно какой-то ситуации было минимум два варианта поведения, в противном случае правовая норма остается попросту декларацией, и она ничего не регулирует, то есть не выполняет своей функции. Действительно, нет никакой возможности предписывать или запрещать дыхание, но как только появится вариант поведения без дыхания, сразу же появится возможность его предписывать или запрещать. (Эту ситуацию легко вообразить, более того, прогнозируема подоплека такого запрета или предписания, эта подоплека будет, вероятно, связана с теорией неполноценности одной из форм поведения, например, формы поведения с обязательным дыханием). Все остальное не является важным для права, так как право – это не фактическая действительность, но решения по поводу фактов. Создавая норму, мы принимаем решение о том, как мы будем себя вести в некоторой фактической ситуации, и это решение никогда не сводимо и не выводимо из тех фактов, относительно которых оно принято. Так, мы приняли решение о том, что необходимо установление истины по делу. Это решение – **наше** решение, его необходимость нельзя объяснить никакими фактами, так что оно не вытекает логически и теоретически из фактов, и когда мы говорим о том, что если право не будет опираться на теорию истины, то станет нелегитимным, мы утверждаем не факт, а ценность, а именно мы утверждаем, что не хотим, чтобы право не опиралось на принцип соответствия действительности.

Почему такое утверждение не является фактом? Во-первых, любое решение, каким бы оно несправедливым ни казалось, может быть обеспечено силой. То есть мы способны принуждать кого-то поступать определенным образом, вопреки его желанию, тезис о том, что такие системы долго не живут, не может оказать на этот факт никакого воздействия, эти системы были и, возможно, есть, они называются словом «тоталитаризм». Таким образом, принцип соответствия действительности или принцип соответствия

массовым ценностям для права не является и эмпирически необходимым.

Во-вторых, так как право – это решения о поведении, то оно может всегда оставаться легитимным на том уровне, что эти решения могут изменяться. Относительно принципа соответствия действительности это значит, что право не нуждается в истине как соответствии, а может обходиться конвенциональной истиной и *ad hoc* теорией. Например, неприличные формы в праве могут запрещаться списком, и то, что не входит в этот список, будет считаться приличным. В этот список всегда могут быть внесены изменения (если например, много людей недовольны этим списком), он может быть расширен или наоборот сужен, понятно, что это предполагает договоренность, но не предполагает истинности (тот факт, что теоретически возможна такая ситуация, когда договоренность и истинность совпадут друг с другом, не имеет никакого значения).

Таким образом, когда мы утверждаем необходимость истинных описаний явлений, то мы, прежде всего, отстаиваем ценности, а не описываем какую-то фактическую необходимость, заложенную в природе права, но очень важно, что мы сами выбираем эту ценность и полагаем, что фактическое описание является ценным, тем самым мы косвенно решаем вопрос о том, **каким должно быть право**, которому мы хотим подчиняться в том смысле, что считаем целесообразным, чтобы оно определяло наше поведение.

В заключение необходимо сказать, что те утверждения, которые высказываются в книге относительно лингвистической экспертизы, не претендуют (и это, по нашему мнению, важно подчеркнуть) на окончательное объяснение языковых явлений, явлений права и взаимодействия первых со вторыми, но сформулированы в такой форме, что допускают критическое обсуждение. В работе все теоретические утверждения сформулированы в фактической форме, как утверждения, которые претендуют на то, что они соответствуют действительности (=реальному положению дел), поэтому данные утверждения могут быть потенциально ложными в том случае, если дела обстоят не так, как в них об этом говорится. И если обнаружится, что они не

соответствуют действительности, то автор сочтет возможным и необходимым отказаться от этих утверждений (от всех или их части), чтобы попытаться найти новое объяснение феноменам языка, речи и лингвистической экспертизы.

Автор выражает благодарность рецензентам монографии – доктору филологических наук профессору П.А. Катышеву (КемГУ), доктору филологических наук профессору Т.В. Чернышовой (АлтГУ), доктору филологических наук, профессору Н.Б. Лебедевой (БГПУ) – за ценные замечания, высказанные по поводу работы в ходе ее прочтения, а также за общую положительную оценку проведенного нами исследования.

Автор также выражает глубокую признательность научному редактору монографии доктору филологических наук профессору кафедры русского языка КемГУ академику МАН ВШ Н.Д. Голеву, основателю новой отрасли лингвистики – юридической лингвистики – за критику теоретических положений настоящего исследования и научное руководство исследованиями автора, которое продолжается уже в течение 14 лет.

Глава I. Общая характеристика судебной лингвистической экспертизы

1.1 Судебная лингвистическая экспертиза как отрасль юридической лингвистики

Юридическая лингвистика – отрасль прикладной лингвистики, предметом изучения которой является область пресечения языка и права, юридическая лингвистика как отрасль организуется тремя видами отношения между языком и правом. Впервые эти три вида отношений были выделены Н.Д. Голевым в его работе «Юридический аспект языка в лингвистическом освещении» [Голев, 1999].

Н.Д. Голев выделяет такие типы отношений: язык выступает как объект правового регулирования, язык выступает как средство, при помощи которого осуществляется регулирование, и язык является предметом исследования, когда, например, в судебном заседании исследуется спорный текст. Последнее отношение как раз и организует лингвистическую экспертологию – один из разделов юридической лингвистики. Безусловно, названное деление может быть принято, но, по нашему мнению, требуется уточнение: в отрасли, которую мы назвали «лингвистическая экспертология», речевое произведение, скорее, выступает в качестве «следа», отражающего юридически значимую информацию. В этом аспекте лингвистическая экспертиза не противопоставлена другим видам экспертиз, предметами которых являются определенные типы следов – материальных объектов способных отражать различного рода информацию [Белкин, 1997; Зинин, 2002, Сорокотягина, 2006, Россинская, 2008, Галяшина, 2003 и т.п.].

В [Галяшина, 2003] лингвистическая экспертиза включена в другую дисциплину, которая называется «судебное речеведение». В названной работе осуществлена попытка выделения новой отрасли лингвистического знания «судебное речеведение» на основе противопоставления теоретического и прикладного аспектов лингвистической науки. Безусловно, тот круг проблем, который имеет отношение, например, к лингвистической и автороведческой экспертизам, носит прикладной характер, но то обстоятельство, что

факты, выявленные в прикладных исследованиях, не входят в ядро теоретической лингвистики, скорее, говорит о качестве лингвистических теории, нежели о том, что они (факты) являются «только прикладными».

При очевидной неоднородности прикладной и теоретической отраслей знания эти отрасли необходимо связаны между собой. Так, по нашему мнению, теоретическая наука не может игнорировать ни одного интересного факта, выявленного в результате прикладных исследований, а тем более факта, который не имеет объяснения в рамках принятой лингвистической теории либо противоречит такой теории. Остается только сожалеть, что такие факты, как порождение речи в патологических состояниях (включая, например, состояние алкогольного опьянения), мера эффективности автороведческих методик, по-видимому, не представляют никакого интереса для теоретической лингвистики, но, как кажется, нет никакой необходимости в таком положении дел. Если в сферу интересов лингвистической теории будут регулярно включаться такие факты, то она, вероятно, в конце концов, может стать областью специальных познаний, которая способна являться инструментом для прикладных решений. Поэтому, мы считаем, что концепция судебного речеведения не может быть принята: лингвистическая теория не достигла еще того уровня, чтобы в ней складывались такие же отношения между прикладным и теоретическим знанием, которые свойственны, например, физике. Лингвистическая теория, как правило, построенная на реалистических основаниях и субъективной теории истины, почти всегда оказывается неприменимой к описанию реального положения дел, что отнюдь не свидетельствует в ее (теории) пользу. Ситуация «осложняется» тем, что такое положение всегда может быть объяснено через *ad hoc* принцип: оно, например, может считаться свидетельством в пользу того факта, что теория всегда относительно независима от практики. Таким образом, в теоретической и прикладной лингвистике складывается парадоксальная ситуация, которую, намеренно огрубляя, можно определить как такую, что теоретическая лингвистика занимается своими проблемами, а прикладная – своими. Хорошая теория, по нашему мнению, должна быть способна описать и объяснить все

факты, которые возникают в прикладных областях и весьма интересен вопрос о том, какое количество фактов, которые не рассматриваются классической лингвистической теорией, но известны из прикладных исследований, может быть объяснено при помощи этой классической теории, а какое – нет.

Возвращаясь к обсуждению концепции судебного речеведения, отметим, что данная концепция может быть принята только в том смысле, что в каком-то отношении не является важным, как называть отрасль знания, и в данном случае мы имеем конкуренцию номинативных моделей, а не проблему фактического характера. Так, со словесной точки зрения конкурируют две номинативные модели, первая из них связана с номинацией, организованной по типу «судебная психиатрия», «судебная медицина», вторая – по типу «юридическая психология». По нашему мнению, номинация «юридическая лингвистика» (сокращенно – «юрислингвистика») все-таки более приемлема. Юридическая лингвистика – отрасль лингвистики, предметом исследования которой является область пересечения языка и права, и судебная лингвистическая экспертиза является одной из подотраслей этой дисциплины, в этом плане современные исследования в области языка и права более похожи на исследования по юридической психологии, нежели по судебной медицине. Так, в сферу интересов юридической психологии входят не только проблемы психологической экспертизы, но и проблемы, не выходящие непосредственным образом в экспертную практику, например, в ней могут описываться такие предметы, как психология жертвы, психология преступника, психология допроса, психология осмотра места преступления и многое другое. Таким же образом в сферу интересов юридической лингвистики входят: проблема юридического языка, прикладные разработки в области судебного красноречия, область, получившая название «юридическая лингвоконфликтология», поэтому лингвистическая экспертиза является лишь составной частью выделившейся отрасли лингвистического знания. Вопрос о том, **называть** ли эту составную часть судебным речеведением, лингвистической экспертологией или судебной лингвистической экспертизой, не имеет принципиального значения. Именно два последних термина

(точнее сказать, словесных обозначения) используются как синонимичные в работе по отношению к разделу юридической лингвистики, который и посвящен экспертной проблематике.

1.2. Проблема разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе

В лингвистической экспертологии проблема разграничения «юридического» и «лингвистического» ставится и решается преимущественно как проблема терминологического характера. Ясно она может быть сформулирована в следующем, например, вопросе: «Чем является оскорбление с юридической и лингвистической точек зрения?». Проблема именно так и ставится и решается под эти углом зрения.

Такой характер постановки вопроса обусловлен, как мы уже отмечали, тем, что в теоретической лингвистике доминирует реалистический подход к построению теорий. В центре теорий находятся концепты (=слова и термины), а не соответствующие или не соответствующие действительности высказывания. В результате того, что слова прилагаются к фрагментам действительности весьма неопределенным образом (в том числе в лингвистике и юриспруденции) и иногда несхожим образом в различных ситуациях, делается вывод об истине как понимании (интерпретации), отсюда истина полагается зависимой от того, как кто-то что-то понимает и, соответственно, становится субъективной и релятивной.

Полагается, например, что в юриспруденции оскорбление – это умаление чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, а в лингвистике для оскорбления неприличная форма не является важной, отсюда выводится, что часть квалификаций речевых произведений как оскорблений в лингвистике будет ложной по отношению к квалификациям оскорбления в юриспруденции. Легко показать, что описанная ситуация не имеет отношения к принципу истины как соответствия фактам и не влечет необходимости принятия субъективной теории истины. Очевидно, что судья не решает (по крайней мере, не должен решать) проблему названий, для него не важно, как в лингвистике как науке называются определенные фрагменты реальности, а

важны совокупности фактов, которые могут быть описаны в истинных или ложных утверждениях и далее оценены как запрещенные или разрешенные совокупности фактов.

Это может быть объяснено, в том числе, и языковыми свойствами правовых норм как определенных типов высказываний. Правовая норма относится по своему характеру к деонтическим высказываниям, высказываниям, которые что-то запрещают и к чему-то обязывают. В теории речевых актов эти высказывания относятся к классу экзерситивов [Остин, 1999, с. 125]. Основная характеристика их заключается в том, что они являются действиями, тот факт, что кто-то говорит, «Я запрещаю.», является действием. Основное логическое свойство этих высказываний заключается в том, что они не могут иметь истинностных значений, и в этом смысле они оценочны. Эти высказывания являются высказываниями о ценностях, а не о фактах (см. об этом более подробно раздел 2.2.3.3.), но они имеют и фактологический (=дескриптивный) компонент, который является объектом оценки, так как оцениваются всегда факты (сходное утверждение высказывается в [Остин, 1999, с. 125]). Таким образом, все высказывания права можно охарактеризовать как высказывания, устанавливающие ценности, которые определяют наше поведение, в этом смысле они конвенциональны: мы «договариваемся» вести себя таким-то образом и не вести себя таким-то образом, этим исчерпывается функция этих высказываний.

Все юридические конструкции, такие например, как «состав правонарушения» или «презумпция невиновности» являются в этом смысле ценностями. Так, например, приняв презумпцию невиновности, мы утверждаем следующую ценность: пусть лучше будут отпущены фактически виновные, чем осуждены фактически невиновные (напомним, что согласно Конституции РФ неразрешимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого (ст. 49)). Предположим, что мы ввели презумпцию виновности. Тогда мы приняли решение о том, что будем наказывать тех, кто фактически виноват, хотя их вина не будет доказана, но при этом будут наказаны и невиновные. Но мы выбрали вести себя по-другому, и предполагается, что несем ответственность за этот выбор: будучи судьями, мы, например, не должны осуждать тех, относительно

которых существуют неразрешимые сомнения в вине или других обстоятельствах дела.

Поэтому мы согласны с А.Н. Барановым, который ставил под сомнение тот факт, что оскорбление является уголовным преступлением [Баранов, 2007, с. 550]. Действительно, вопрос о том, относить ли оскорбление к уголовным преступлениям, является нашим решением. Мы можем решить, что оскорбление – это гражданско-правовой деликт и, думаем, оскорбление без каких-либо трудностей не будет квалифицироваться как общественно опасное деяние, но будет квалифицироваться как то, что способно принести моральный вред и может «рассматриваться» только в гражданско-правовом порядке. Для такого решения, по нашему мнению, есть «сильные» метаязыковые показания, думаем, что проблема оскорбления трактуется в массовом сознании как личное дело каждого, но не как дело государственной важности, проведение массовых опросов, на наш взгляд, могло бы достаточно убедительно подтвердить данное положение. В конце концов, мы могли бы «вывести» оскорбление из состава правовых норм, принимая тем самым решение о том, что этот факт безразличен для права и что этот тип отношений должен регулироваться моралью и стихийно сложившимися нормами взаимодействия людей в обществе. И для такого решения возможно фактическое обоснование: большинство возникающих речевых конфликтов, в которых «фигурирует» оскорбление, именно так и решается. Думаем, что недалеко от истины утверждение о том, что в процентном отношении судебное решение дел по оскорблению невелико и в каких-то социальных группах решать проблему оскорбления в судебном порядке попросту не престижно. Но мы также можем не менять ситуацию с оскорблением и продолжать осуществлять уголовное преследование лиц, относительно которых имеются основания полагать, что эти лица совершили преступление называемое словом «оскорбление». Таким образом, любое решение никогда не может быть сведено к фактическому положению дел, но всегда является результатом действий и системы ценностей того, кто принимает это решение.

Но, как мы уже отметили, оцениваются именно факты, таким образом, норма всегда формулируется по отношению к

какой-то совокупности фактов. Так, действие, которое называется кражей и заключается в том, что Х взял у У-а Z так, что У не знал и не хотел, чтобы Х брал Z, оценивается как запрещенное и наказывается соответствующим образом. Когда же У знает, что Х берет у него Z, и У не хочет, чтобы Х это делал, при этом несущественно оказывал ли Х воздействие на У-ка с целью пресечь действия У-ка, это называется словом «грабеж» и влечет более строгие санкции. Диспозиция нормы и описывает фактическое положение дел, которое приемлемо или неприемлемо (уголовное или административное по преимуществу право), таким образом, норма и дескриптивна, т.е. в ней есть уровень описания тех фактов, которые являются предметом оценки.

Для установления этих фактов назначаются экспертизы, в том числе и лингвистическая. Закон определяет случаи назначения экспертизы, экспертиза назначается тогда, когда требуются специальные познания в области науки искусства и ремесла (ст.ст. 195, 283 УПК, ст. 79 ГПК, ст. 82 АПК, ст. 26.4 КоАП). Так что экспертиза, с одной стороны, – процессуальное действие, предназначенное для установления фактов с целью разрешения дела по существу, с другой стороны, экспертиза является исследованием, которое позволяет или не позволяет установить эти факты. С первой стороны экспертиза вид деятельности, регулируемый процессуальными нормами, предметом регулирования которых являются общественные отношения, складывающиеся в сфере отправления правосудия. Со второй стороны в экспертизе нет ничего юридического, в ней используются научные теории, которые описывают фрагменты реальности, изучение которых входит в предмет конкретной науки, то есть в ней используются научные теории и специально созданные методики, направленные на решение конкретных исследовательских задач.

Таким образом, выделенные стороны экспертного исследования, в общем, независимы друг от друга, поэтому далее они будут рассмотрены раздельно.

1.3. Лингвистическая экспертиза в процессуально-юридическом аспекте

1.3.1. Субъект экспертизы. Типы экспертиз

В процессуальном аспекте экспертиза назначается уполномоченным на то лицом (органом) (суд, следователь, дознаватель) для разрешения вопросов, требующих специальных познаний. Таким образом, экспертиза является одним из способов или средств получения доказательственной информации и назначается, когда эту информацию невозможно получить иными способами.

В результативном аспекте экспертное исследование, оформленное в виде письменного заключения, является источником доказательств, которые, наряду с другими доказательствами, оцениваются судом, следователем, дознавателем на основе своего внутреннего убеждения.

Законодательство следующим образом регулирует круг лиц, которые имеют право на производство судебных экспертиз – это лица, обладающие познаниями в области науки, искусства и ремесла, то есть экспертные задачи может решать любой человек, имеющий познания в какой-либо области. Фактически же вопрос о субъекте экспертного исследования решается относительно квалификации специалиста: тот, кто имеет определенную квалификацию, способен в процессуальном отношении стать экспертом. Такое нормативное решение относительно статуса эксперта (эксперт – это не только тот, кто работает в должности эксперта) имеет свои негативные следствия. Например, в области судебных лингвистических экспертиз такое следствие связано, очевидно, с невысоким уровнем экспертных исследований (см. об этом [Галяшина, 2002, с. 234-235]), но другое решение, которое бы приравнивало должность эксперта и процессуальный статус лица как эксперта, способно привести к другим негативным последствиям – к процессуальной невозможности пользоваться специальными познаниями в области тех наук (искусств и ремесел), относительно которых не сложились отдельные экспертные специальности. Таким образом, проблема статуса лица, которое имеет право на производство судебных экспертиз – это проблема принятия решений и эта проблема не может быть решена только на фактическом уровне.

Как мы уже отметили, с процессуальной точки зрения экспертиза – это вид деятельности, который направлен на получение доказательственной информации. Для того чтобы обеспечить полноту, качество этой информации и возможность установления ее значимости для разрешения дела по существу, в процессуальном законодательстве закреплены несколько видов экспертиз.

Экспертиза может быть **единоличной и комиссионной**. Единоличные и комиссионные экспертизы противопоставляются количественно: в производстве единоличной экспертизы участвует один эксперт, в производстве комиссионной экспертизы участвуют два и более эксперта одной специальности. Комиссионная экспертиза назначается в целях повышения объективности исследования (в так называемых «сложных случаях»). В этих же целях разработаны процессуальные требования к производству комиссионных экспертиз, если решения экспертов по конкретному вопросу совпадают, то экспертами подписывается одно заключение, если мнения экспертов расходятся, то каждый эксперт составляет свой ответ на вопрос, подписывая его со своей стороны. В последнее время при производстве судебных лингвистических экспертиз наметилась тенденция назначать именно комиссионные экспертизы. Пожалуй, это как раз связано с тем, что статус лингвистической экспертизы как инструмента достижения истины и в области массового сознания, и в области сознания самих специалистов-лингвистов не является однозначным.

Еще одним признаком классификации экспертиз является признак «объем исследования» по этому признаку выделяют **основные и дополнительные экспертизы**. Дополнительные экспертизы назначаются в случаях неясности экспертных результатов, полученных в ходе проведения основной экспертизы, при условии, что данные неясности не могут быть устранены в результате допроса эксперта [Зинин, 2002]. При дополнительной экспертизе эксперту ставятся те же самые вопросы и предоставляются те же объекты, которые исследовались в рамках основной экспертизы. Дополнительная экспертиза может быть назначена эксперту, который проводил основную экспертизу либо другому эксперту.

Следующий признак в теории судебных экспертиз формулируется как «время назначения». По данному признаку противопоставляются **первичные и повторные** судебные экспертизы. Название данного признака условно, оно не отражает содержания противопоставления. Как и в предыдущем случае, маркированным членом оппозиции является понятие повторной экспертизы. Повторная экспертиза назначается в случаях сомнения в данных первичной экспертизы (наличие в экспертизе противоречий) либо сомнений в компетентности эксперта и т.п. Повторная экспертиза назначается обязательно другому эксперту (комиссии экспертов). Последнее и призвано обеспечивать объективность результатов экспертного исследования.

В процессуальном законодательстве выделяются также **однородные и комплексные** экспертизы. Однородные экспертизы представляют собой исследования, проводимые в рамках одной отрасли знания, комплексные – в рамках двух и более отраслей знания. Комплексная экспертиза назначается в тех случаях, когда для исследования объектов экспертизы по вопросам, возникающим перед судом, следствием, органом дознания, необходимы познания из различных областей науки, техники, ремесла. Результат комплексной экспертизы – описание одного и того же объекта с различных сторон. Судебная лингвистическая экспертиза назначается, как правило, как один из компонентов комплексной психолого-лингвистической экспертизы, например, в рамках дел, предусмотренных статьями 280, 282 УК РФ. Существуют случаи назначения комплексной лингвистической и автороведческой экспертизы, лингвистической и фоноскопической экспертизы (хотя эти виды экспертиз проводятся, скорее, по механическому принципу, и ничто не мешает назначать не комплексную экспертизу, а две однородных), а также факты назначения лингвистической и «переводческой» экспертизы.

Есть еще один признак, по которому экспертизы делятся на обязательные и необязательные, это признак «обязательность назначения». По этому признаку лингвистическая экспертиза входит в класс необязательных экспертных исследований, то есть назначение судебной лингвистической экспертизы не является для суда и следствия обязательным, если последние полагают, что

разрешение дела по существу не требует привлечения специальных познаний в области лингвистики.

1.3.2. Место лингвистической экспертизы в процессе установления фактов, имеющих значение для разрешения дела

Мы уже отметили, что лингвистическая экспертиза назначается для установления фактов, которые необходимы для выяснения истины по делу. Охарактеризуем место этих фактов в процессе следственного или судебного исследования обстоятельств дела и их юридической оценке.

Как известно, все правонарушения делятся по отраслям законодательства следующим образом:

1. Уголовные преступления.
2. Гражданско-правовые деликты.
3. Административные (трудовые) проступки [Венгеров, 2000, с. 406].

Любое правонарушение обладает субъективной и объективной стороной

По отношению к составу правонарушения факты, полученные в результате экспертного исследования, могут являться:

- А) главными фактами;
- Б) доказательственными фактами.

Под главным фактом понимают – «состав преступления во всех его элементах или факт отсутствия состава преступления» [Белкин, 1966, с. 19]. Под доказательственным фактом – «факт, из которого в совокупности с другими фактами можно сделать вывод о главном факте» [Белкин, 1966, с. 19].

Насколько мы понимаем, главные факты описаны в диспозиции нормы, тогда как доказательственные не выражены в ней. Проиллюстрируем сказанное. Когда перед лингвистом ставится вопрос о том, является ли выражение Х утверждением о фактах, то преследуется цель – установить главный факт, входящий в объективную сторону гражданско-правового деликта, но если в рамках той же категории дел задается вопрос о значении слова, то это, безусловно, доказательственный факт. Ставя перед

лингвистом такой вопрос, суд полагает, что ответ на него поможет доказать или опровергнуть главный факт.

Лингвистическая экспертиза назначается для установления как доказательственных фактов, так и главных фактов, прежде всего, объективной стороны состава правонарушения. Так, например, установление фактивности / оценочности информации является главным фактом по отношению к составу правонарушения, который фиксируется в диспозиции нормы п. 1 ст. 152 ГК РФ, либо по отношению к диспозиции нормы 129 УК РФ. Факт наличия / отсутствия неприличной формы является главным фактом, который необходимо установить по делам об оскорблении, но может являться доказательственным фактом по отношению к делам, разрешаемым в рамках статьи 151 ГК РФ.

Во второй главе мы более подробно рассмотрим характер отношения языко-речевых фактов и правовых норм, которые «запрещают» или «разрешают» существование этих фактов. В этом разделе же остановимся на освещении еще одной проблемы – проблемы доказательственного значения данных лингвистической экспертизы при установлении субъективной стороны правонарушения.

Данную проблему рассмотрим на примере уголовно-правовой категории «вина», которая как раз призвана фиксировать субъективную сторону правонарушения (в данном случае – уголовного преступления) и одной из ее частных форм – прямого умысла.

Как известно, юридическая категория вины – базовая категория уголовного права, которое основывается, в том числе и на принципе вины (ст. 5 УК РФ). Лингвистическая категория коммуникативного намерения (интенции или иллокутивной направленности) и юридическая категория умысла (одна из форм вины) не являются тождественными, другими словами, эти категории обозначают различные вещи, а не являются переименованиями одного и того же. Поясним сказанное. Так, например, сообщая ложь, говорящий ведет себя так, как если бы он выражал истину, при этом коммуникативное намерение (иллокуция) истины может соответствовать различным фактам, способным квалифицировать умысел. Так говорящий может вести

себя так, как если бы он а) утверждал истину и он утверждает истину, он может вести себя так, как если бы б) он утверждал истину, но утверждает ложь, в последнем случае б¹) он может знать, что утверждает ложь и б²) не знать этого, то есть быть уверенным, что говорит истину. Эти случаи порождают различные юридические последствия, так, например, случай а) порождает отсутствие состава преступления клеветы, в частности, и вообще состава какого-либо правонарушения, если, конечно, сведения не составляют государственную тайну или не являются распространением информации о частной жизни лица, относительно которой законом установлены ограничения на ее распространение. Случай б¹) порождает состав преступления клеветы, случай б²) влечет за собой прекращение уголовного дела о клевете ввиду отсутствия состава преступления, но является гражданско-правовым деликтом, который регулируется нормой ст. 152 ГК РФ.

Таким образом, лингвистические факты иллюкутивного порядка могут иметь лишь вероятностное значение для доказательства наличия / отсутствия умысла и его характера, в некоторых категориях дел данные явления тесно между собой связаны, но все-таки наличие одного не позволяет обосновать наличие другого. Поясним этот тезис на примере речевого акта оскорбления, где умысел и интенция, вероятно, наиболее связаны друг с другом.

Структура речевого акта оскорбления предполагает наличие коммуникативного намерения оскорбить и унижить адресата речи (см. раздел 2.1.5.). Таким образом, употребляя этот речевой акт неискренне, говорящий ведет себя, как если бы он был намерен оскорбить собеседника, поэтому намерение говорящего, скажем, спровоцировать конфликт несущественно для квалификации умысла. (В данном случае порождается эффект оскорбления, говорящий знает, что он оскорбляет слушающего, тот факт, что он делает это для того, чтобы посмотреть на поведение слушающего, в данном случае несуществен). Но вполне можно представить и такую ситуацию, когда говорящий употребляет инвективное высказывание, чтобы пошутить, при этом, искренне полагая, что

после его (высказывания) произнесения, он объяснит слушающему, что это была шутка, и что слушающий вследствие этого объяснения не сочтет произнесенную в его адрес инвективную фразу оскорблением. Вполне возможно, что слушающий впоследствии, несмотря на объяснения говорящего, будет настаивать на возбуждении уголовного дела по статье «Оскорбление», и суду предстоит ответить на вопрос, являлось ли данное поведение тем, что в статье 130 УК РФ называется словом «оскорбление», то есть был ли у лица прямой умысел на совершение данного преступления. Таким образом, даже в самых очевидных случаях речевого поведения соотношение между коммуникативным намерением и умыслом носит характер вероятностной связи. В этой связи следователь или судья, очевидно, принимает (или должен принимать?) решение по следующей схеме: «Если нет никаких фактов, указывающих на то, что говорящий был неискренен, то верно Х», отметим, что установление самих этих фактов на основе того речевого произведения, которое является объектом исследования, является невозможным, так что лингвист не может установить факт искренности (или неискренности) речевого поведения говорящего исходя только из этого речевого поведения.

1.3.3. Выводы эксперта. Оценка экспертизы следственным и судебным органом

Выводы. С процессуальной точки зрения выводы экспертизы – это фактические высказывания, которые устанавливают или опровергают юридически значимые факты.

Известна следующая типология экспертных выводов. Выделяются положительные и отрицательные выводы, условные и безусловные выводы, а также категорические и вероятностные выводы.

А) Отрицательные выводы опровергают факт (или устанавливают отсутствие факта), который необходимо было установить, тогда как положительные его подтверждают или устанавливают.

Б) Условные выводы противопоставлены безусловным в следующем аспекте: для того чтобы доказать истинность

утверждения, которое описывает факт, имеющий доказательственное значение, необходимо установить какой-либо другой факт, если установлен этот последний, то истинным является и утверждение, которое имеет непосредственное значение для разрешения дела по существу. Приведем пример. По делам об оскорблении, относительно которых заключение эксперта базируется на косвенных источниках информации о речевом произведении, возможно только условное заключение относительно оскорбительности / неоскорбительности высказываний в адрес потерпевшего, таким образом, вывод может быть сформулирован только следующим образом: «Если данные слова были произнесены в адрес Х-а, то они являются оскорбительными для Х-а», так как всегда сохраняется возможность того, что инвективные слова и словосочетания были высказаны в адрес другого лица или ни в чей адрес. Таким образом, если в результате экспертного исследования следователь или суд сталкиваются с условными выводами, то они вынуждены проверить истинность суждения, которое является условием истинности искомого (=необходимого для разрешения дела) суждения. При этом если условие оказалось истинным, то истинным оказывается и следствие, тогда как ложность условия не влечет ложности следствия и в данном случае может возникнуть вопрос о других условиях, при которых искомое следствие может быть истинным. Эта закономерность вытекает из логических свойств высказываний, связанных отношением импликации. Напомним таблицу истинностных значений импликации:

А	В	Если А, то В
и	и	И
и	л	Л
л	и	И
л	л	И

Напомним, что истинность импликации (Если А, то В) и истинность условия ($A = B$) гарантируют истинность заключения

(В обязательно истинно), это формулируется в известном правиле отделения:

Если А, то В

А

В

Ложность же условия А ($A = \text{Л}$) не влечет за собой ложности всей импликации. Отсюда нельзя вывести следующее: Если А, то В и неверно, что А, то неверно, что В.

В) Выделяются также категорические и вероятностные выводы. Основное отличие этих типов выводов заключается в том, что в категорических выводах относительно поставленной задачи формулируется высказывание, которое носит фактитивный характер: в этом высказывании утверждается, что установлено, что высказывание формы Х является истинным высказыванием, то есть данное высказывание описывает ситуацию такой, какой она была в реальной действительности. Вероятностные выводы являются не фактитивными, но предположительными, при этом никакая степень вероятности предпочтительного положения дел А перед положением дел В не является основанием для принятия А в качестве истинного. Вероятностные выводы не могут быть в общем положены в основу судебного решения, но только в связи с оценкой всей совокупности доказательств, например, в такой ситуации: факт наличия преступного деяния подтверждается обстоятельствами А, В, С и не противоречит данным проведенной по делу экспертизы в том смысле, что эти данные не исключают возможности совершения Х-ом преступного деяния. Категорические выводы могут составлять основу такого решения. Вероятностные выводы имеют большое значение для следственной практики, они способны оказывать влияние на ход расследования дела, способствовать разработке следственных версий, истинность которых затем проверяется в ходе проведения следственных действий.

Оценка экспертизы судом и следственным органом.

Согласно процессуальным нормам экспертиза оценивается судом и

следственным органом на основе своего внутреннего убеждения. Данные экспертизы не имеют заранее предустановленной силы (ст. 17 УПК РФ, ст. ст. 67, 187 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ). Это означает, что экспертиза должна быть оценена судом наряду со всеми доказательствами по делу (свидетельскими показаниями, вещественными доказательствами, документами и т.п.). В данном случае процессуальные нормы регулируют поведение лиц при расследовании и судебном разбирательстве. Так, при возникновении неясности в заключении эксперта предусмотрены такие процессуальные формы, как допрос эксперта (ст. 187 ГПК РФ, ст. 205 УК РФ) и дополнительная экспертиза (об этой процессуальной форме мы говорили в разделе 1.3.1.). Если в достоверности данных полученных в ходе экспертного исследования возникают сомнения, а также при сомнениях в компетенции эксперта возможно назначение повторной экспертизы, проведение которой обязательно поручается другому лицу. При таком подходе возникают проблемы оценки содержания экспертного заключения, так как очевидно, что ни следователь, ни суд, не обладая специальными познаниями в областях, специалистам в которых была назначена судебная экспертиза, не могут оценить экспертное исследование с точки зрения его научной обоснованности и достоверности [Аверьянова, 2006].

Еще раз подчеркнем, что данные нормы являются решениями, которые приняты в праве, возможны и другие ценности. В [Аверьянова, 2006 с. 464] описана концепция эксперта – научного судьи. Эта концепция была призвана решить проблему некомпетентности судьи и следователя в тех специальных областях знания, относительно которых назначается экспертиза. Укажем, что эта проблема не может быть решена в параметрах истинно / ложно, но только в оценочных параметрах приемлемо или неприемлемо. Очевидно, что мы не способны обучить всех следователей и судей разбираться в лингвистических вопросах на том уровне, на каком в них разбираются профессиональные лингвисты. Отсюда мы можем выбрать: сделать экспертизу заранее более ценным доказательством или предоставить все-таки судье право свободно оценивать данные экспертизы. Очевидно, что последнее решение более рационально, так как оставляет возможность исключить

подмену фактов в исследовании при оценке ее данных, так как эти данные оцениваются в системе всех доказательств по делу, к тому же остается возможность назначения повторной и дополнительной экспертизы. Бесспорно, что это не решает проблему тенденциозности самих следователей и судей, но это уже другой вопрос, который не имеет отношение к лингвистической экспертизе.

1.4. Лингвистическая экспертиза как исследование продуктов речевой деятельности

1.4.1. Объект и предмет лингвистической экспертизы

Объектом лингвистической экспертизы являются продукты речевой деятельности. Именно так сформулирован объект в перечне родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации (см. также [Ратинов, 2002, с. 213,]). Мы считаем, что данный термин в отличие от термина «текст» соотносится с большим количеством конкретных объектов (=обладает большим объемом), которые могут стать предметом экспертного исследования. Так, вряд ли под категорию «текст» может быть подведен анализ тождества / различия товарных знаков, тогда как, бесспорно, товарный знак является продуктом мыслительной и речевой деятельности конкретного человека или группы лиц. Но понимание текста как категории в принципе не так уж важно, так как вопрос о том, что такое текст – реалистический вопрос, вопрос, который связан с употреблением значений слов, а не с фактическим положением дел.

Если же ставить эту проблему в номиналистическом ключе и не ставить вопросов о том, что такое текст, то слово «текст» обозначает один из видов речевых произведений, которые обладают целенаправленностью (как бы это ни понимать), в отличие от спонтанных речевых произведений, цельностью, в отличие от речевых произведений с лакунами, и важен вопрос о том, какие следствия относительно реальности (событий, происходящих в действительности) порождает набор этих признаков. Это отдельный вопрос, требующий своего решения, и здесь мы не ставим цели ответить на этот вопрос. Но, по крайней

мере, у тех объектов, которые называются словом «текст» нет никаких преимуществ в кодировании информации перед теми, которые так не называются (и соответственно, не обладают выделенными признаками).

Что мы имеем в виду, когда говорим о следствиях? Это следствия, которые связаны с фактическими ситуациями при кодировании и декодировании сообщения, они могут быть сформулированы в следующих вопросах: «Чем отличается речевое поведение говорящего, когда он создает то речевое произведение, которое мы называем «текст», и что происходит с говорящим, когда он кодирует иное речевое произведение? (Закономерен, безусловно, и вопрос о слушающем).

Полагаем, что цельность не представляет какого-то исключительного и самоценного признака, и при исследовании поврежденных источников, например, печатного текста, в котором по каким-то причинам отсутствует какая-то часть, мы можем «достраивать» исходный материал до уровня цельности. Добавим, что цельность может и не находиться в части «дано» при экспертном исследовании, но быть в части «требуется доказать». Именно такие задачи решает лингвистическая экспертиза при исследовании продуктов речевой деятельности в аспекте наличия / отсутствия в них признаков монтажа.

По отношению к источнику информации об объекте экспертные исследования могут быть разделены на непосредственные и опосредованные. В первом случае эксперт анализирует непосредственный источник информации (например, спорную фонограмму или спорный печатный текст), во втором – объект анализируется через косвенные источники информации (показания свидетелей, протоколы судебных заседаний).

Существует точка зрения, согласно которой косвенные источники не могут являться объектом экспертной оценки. «...Объектами лингвистической экспертизы являются тексты, непосредственно отображающие речевое событие, представляющее криминалистический интерес. Не принимаются в качестве объектов показания свидетелей, в которых пересказывается речевое событие, протоколы и другие письменные тексты, в которых фиксируется устная речь, если предмет разбирательства – устная

речь, также переводы текстов на иностранном языке, если представляет интерес именно иностранный текст, так как во всех перечисленных случаях имеет место подмена объекта исследования. Например, если необходимо установить наличие или отсутствие лингвистических признаков оскорбления в ходе разговора, то протоколы допросов свидетелей и потерпевших являются не пригодными, так как в них речевое преступление представлено опосредовано, и, соответственно, по ним эксперт не сможет дать объективный вывод. На лингвистическую экспертизу в данном случае необходимо представлять фонограмму или видеофонограмму, непосредственно фиксирующую речевое преступление» [Мамаев, 2008, с. 276].

Такая позиция вряд ли может быть принята, так как возможность познания при таком подходе ставится в зависимость от наличия определенного класса «привилегированных» источников информации об объекте. Во-первых, вероятно, что существует множество источников информации об объекте исследования, и, во-вторых, ни один источник информации не может быть признан в качестве лучшего источника, безусловно, при этом, каждый источник ограничен в аспекте извлечения из него «нужной» (=необходимой для ответа на поставленный вопрос) информации. Таким образом, при некотором «неудобстве» исследования косвенных источников их невозможно совсем исключить из экспертного рассмотрения, потому что ложность / истинность любого исследования напрямую не связана с каким-либо типом источников информации об объекте (см., например, решение экспертных задач по косвенным источникам, представленное в разделах 3.2.1. и 3.3.1). Укажем также, что данное противопоставление относительно. Так, например, фонограмма, фиксирующая общение, является косвенным источником информации об этом общении по отношению к ситуации непосредственного общения, а фонограмма, представленная в печатной форме, в свою очередь, является косвенным источником по отношению к звуковой фонограмме, текст с отсутствующими фрагментами является косвенным источником по отношению к цельному печатному тексту. Безусловно, наличие аудио или печатного текста облегчает задачу исследования, но это лишь

означает, что относительно свойств косвенных источников (скажем, протоколов судебного заседания) не имеется достаточной информации для получения категорического заключения эксперта, а это, очевидно, гносеологический момент, так как незнание, как исследовать такие источники, не означает невозможности их исследования по поставленным перед специалистом вопросам.

В этом аспекте представляет собой интерес теоретический вопрос о пределах возможностей получения достоверной информации лингвистом из косвенных источников, т.е. о границах применения этих источников. В прикладном аспекте такие исследования могли бы, с одной стороны, вылиться в практические рекомендации для представителей следственных органов, которые могли бы применять их при работе со свидетелями по категориям дел, в которых «фигурирует» языко-речевой материал, с другой – к разработке специальных методик для работы эксперта с косвенными источниками информации.

Таким образом, необходимо различать **объект** экспертного исследования – речевое произведение, которое имело место в конкретном месте, в конкретное время, в конкретной обстановке, и источник информации об этом речевом произведении, который не равен этому речевому произведению.

Перейдем к описанию **предмета** судебной лингвистической экспертизы. **Предмет** экспертизы – какой-либо языко-речевой уровень (=срез) исследуемого объекта. Так, при исследовании текста на предмет наличия угрозы исследуется интенционально-жанровый срез речевого произведения, а при исследовании товарных знаков – эмический уровень системы номинаций товаров, услуг, названий фирм и т.п. В общем при решении экспертных задач лингвист-эксперт сталкивается с двумя типами предметов, которые соответствуют двум формам речевого поведения – говорению и восприятию, таким образом, предметом исследования при проведении экспертных исследований, с одной стороны, является речевое поведение говорящего, а с другой – содержание речевого произведения в том смысле, в каком в любое речевое произведение может служить источником реакций того, кто воспринимает это произведение, когда последний декодирует это произведение.

1.4.2. Цели и задачи лингвистической экспертизы.

Пределы компетенции лингвиста-эксперта

Цель любой судебной лингвистической экспертизы – проверка истинности / ложности (категорические выводы), возможности / невозможности (модальные положительные и отрицательные выводы) высказываний о предмете исследования, которые вытекают из вопросов, поставленных перед экспертом. Так, при исследовании спорного текста на предмет наличия / отсутствия в нем негативной информации о лице проверяется истинность / ложность утверждения «В тексте присутствует негативная информация о лице».

Для того чтобы достигнуть описанной выше цели, лингвист вынужден решать конкретные исследовательские задачи, которые так или иначе связаны с решением проблемы тождества. Таким образом, в любом экспертном заключении лингвист вынужден решать проблему тождества, например, если эксперту задан вопрос: «Присутствуют ли в тексте призывы?», то если мы хотим ответить на этот вопрос, мы как эксперты должны уметь отождествлять определенные фрагменты текста с призывами, или если задан вопрос: «Выражена ли оценка в неприличной форме?», то лингвист вынужден отождествлять фрагменты текста с тем явлением, которое называется именем «неприличная форма».

Существует точка зрения, и она весьма распространена в лингвистической экспертизе (как в ее теоретической, так и в практической части), что проблема тождества сводима к проблеме тождества значений употребляемых понятий. Это значит, что когда мы отвечаем на вопрос о приличности / неприличности высказываний, мы сначала должны определить или выработать четкие критерии того, что прилично, а что – нет, а затем уже решать поставленный вопрос. Но при таком подходе, как уже неоднократно отмечалось, мы описываем не фактическое положение дел относительно неприличности как фрагмента реальной действительности, а выясняем то, как мы употребляем слово «неприличное» по отношению к фрагментам реальной действительности. Еще до проведения «исследования» можно сказать, что безусловен факт, что такое употребление будет

размытым и нечетким, обычно из этого делается вывод, что неприличность как фрагмент реальности субъективен и релятивен по отношению к конкретному говорящему или социальной группе или даже по отношению к лингвистике и юриспруденции. Это является иллюстрацией реалистического подхода к словам и понятиям.

Но проблема тождества может быть поставлена и в фактическом аспекте (=номиналистический подход к словам, терминам и понятиям), при данном подходе «неприличное», например, – это перечень истинных утверждений о фрагменте действительности, который мы условились называть словом «неприличное», а проблема тождества сводится к описанию того, как ведет себя конкретный исследуемый в экспертизе фрагмент речевого произведения, при этом мы можем получать такие описания, что этот фрагмент ведет себя относительно таких-то параметров как неприличная форма, а относительно других – нет. На основании этого **фактического** описания юридическое решение принимает суд, таким образом, лингвист в принципе может не использовать **слово** «неприличное» в своем экспертном исследовании, но только указать перечень фактов, которые он выявил при производстве экспертизы.

Применительно к лингвистической экспертизе проблема тождества возникает в трех случаях: первый связан с тождеством на уровне кода, второй – с тождеством на уровне пропозиционального содержания сообщения, третий – с тождеством на уровне фактических намерений производящего сообщение и достижения сообщениями поставленных говорящим целей.

Тождество на уровне кода. Первый случай представляет собой традиционную лингвистическую проблему соотношения эмического и этического уровней, другими словами, проблему соотношения код / сообщение. Сюда относятся такие традиционные проблемы, как проблема отождествления звуков в фонемы, морфов в морфемы, высказываний в предложения и т.п. Следует пояснить, что эта проблема фактическая, то есть она не зависит от определения терминов. Как так получается? Прежде чем ответить на этот вопрос, зададим несколько другой вопрос: «Зачем в

лингвистику были введены термины «код» и «язык»?». Ответ будет, вероятно, таким.

Мы имеем следующие факты:

А) Вариативность речевых произведений такую, что мы можем с определенной степенью уверенности утверждать, что не существует двух тождественных речевых произведений. Если перед нами два тождественных речевых произведения, то это одно и то же речевое произведение (конкретные факты заключаются в том, что мы говорим различным тембром, в различных состояниях и ситуациях и т.п.).

Б) Очевидно, что общающиеся на одном и том же языке понимают друг друга хотя бы в том смысле, что они адекватно реагируют на определенные высказывания.

Встает вопрос, как такое возможно? Отсюда возникает гипотеза кода, который выполняет функцию отождествления – приводит разнообразие к виду удобному для декодирования.

К уровню проблем кода относятся следующие проблемы:

I. Проблема описания кодирующих возможностей продуктов речевой деятельности. В некоторых случаях необходимо описать значение речевого произведения или его компонентов, основной вопрос в данном случае следующий: «Что означает речевое произведение?». Этот вопрос не нужно понимать абстрактно, как вопрос, связанный исключительно с содержанием, которое заключено в тексте, конкретное речевое произведение при решении данного типа задач понимается как детерминанта поведения воспринимающего данное речевое произведение, другими словами, за исследовательскими задачами подобного рода стоит конкретный тип проблемных ситуаций. Принимающий речевое сообщение декодирует его определенным образом, и содержание сообщения может влиять на его поведение, при этом всегда возможна ситуация, когда декодируемое содержание не совпадает с содержанием текста (ошибки декодирования) или речевое произведение обуславливает различные варианты поведения (неопределенность сообщения). В данном случае возникают два подтипа задач, которые входят в компетенцию лингвиста-эксперта.

А) Задача по установлению содержания спорного речевого произведения (текста закона, договора, инструкции). Данный тип задач с процессуальной точки зрения не решается при помощи назначения судебной лингвистической экспертизы, так как в праве действует презумпция, что толкование, например, текстов законов или договоров входит в компетенцию суда. В юриспруденции описаны и «предписаны» определенные формы герменевтической деятельности, так что лингвист в данном случае способен процессуально выступать только как специалист, но не как эксперт.

Б) Задача по установлению кодирующих возможностей словесных обозначений. Данная задача ставится при исследовании словесных обозначений спорных товарных знаков на предмет тождественности двух спорных товарных знаков или на предмет различительных возможностей конкретного товарного знака.

В описанных случаях предметом исследования является отношение «продукт речевой деятельности / адресат, воспринимающий информацию, закодированную в этом «продукте». Позиция говорящего в данном аспекте не имеет значения, речевое произведение полагается тождественным самому себе и противопоставленным другим речевым произведениям, которые кодируют не такую информацию.

II. Проблема квалификации речевого поведения говорящего. В основе решения этих задач лежит гипотеза о возможности различных вариантов поведения говорящего относительно каждой конкретной ситуации. В данном случае задача лингвистической экспертизы – описать тот вариант поведения, который выбирает субъект речевого произведения в той ситуации, которая квалифицируется как юридический факт в том смысле, что влечет юридически значимые последствия. Сюда относятся задачи по выявлению следующих тождеств (в том смысле, что мы отвечаем на вопрос, кодирует ли говорящий соответствующую информацию в своем сообщении или нет).

1. Отождествление речевых актов:

- оскорбления;
- призыва;
- утверждения;
- угрозы.

2. Отождествление семантических характеристик высказывания:

А) Отождествление утверждения о фактах:

а) ментального состояниях субъекта, порождающего текст;

б) описывающих фрагменты окружающей действительности.

Б) Отождествление оценки.

Общим для всех типов является то, что они кодируются в сообщении. То есть в языке, с одной стороны, существуют эмические единицы такие, например, как «речевой акт оскорбления», которые способны отождествлять какие-то фрагменты речевых произведений как оскорбления или как призывы. С другой стороны, то, что выше отнесено ко второй группе задач, кодируется не при помощи цельной единицы, которая предназначена для извлечения информации (например, речевой акт), но кодируется, как правило, словами и выражениями (а также интонацией и др., например, «по-моему», «вероятно», «я видел», «я считаю», «я думаю», «плохо», «хорошо»).

Тождество на уровне пропозиционального содержания.

Очевидно, что когда мы решаем проблему, являются ли данные призывы призывами к экстремистской деятельности, мы вынуждены отождествлять речевые произведения на другом основании, нежели чем код (или язык). В общем случае для отождествления необходимо знать, призывы к каким действиям являются экстремистскими, очевидно, что в данном случае мы отождествляем исходя из внеязыковых оснований. В общем случае этот тип проблем находится за пределами компетенции лингвиста. К этому типу проблем тождества относятся следующие:

1. Является ли утверждение истинным или ложным?

2. Содержится ли в тексте информация о неэтичном поведении лица?

3. Содержится ли в тексте информация о нарушении лицом действующего законодательства и т.п.?

На приведенную типологию особенно в той ее части, где из лингвистического рассмотрения исключаются пропозициональные отождествления, возможно возражение: лингвист способен

установить, что некое высказывание кодирует информацию, выраженную, например, пропозицией «Захват властных полномочий». Так, лингвист способен отождествить путем трансформаций (как это, например, представлено в [Мельчук, 1975]) все те высказывания, в которых выражается идея захвата властных полномочий, например, сюда, очевидно, будут относиться следующие высказывания:

Призываю вас к захвату властных полномочий!

Давайте захватим властные полномочия!

Захватим власть!

Необходимо захватить власть!

Возьмем власть в свои руки! и т.п.

Такой трансформационный подход допустим, но при условии, что судья или следователь понимает, что это именно трансформационный анализ исследуемого фрагмента текста на предмет его тождества / различия с исходным фрагментом текста закона, а не установление факта отношения определенных реальных действий к разряду экстремистских. Если относительно этого достигнуто взаимопонимание, тогда судья, например, мог бы всегда взять произвольный фрагмент текста закона и поставить вопрос о тождестве этого фрагмента и исследуемого текста. При этом всегда сохраняется возможность, что какие-то действия будут «действительно» экстремистскими, но семантика исследуемого предложения не трансформируется к тексту закона. Вряд ли такие процедуры представляют ценность для суда, алгоритмами трансформации владеют все носители языка, таким образом, вряд ли такое развитие экспертных исследований возможно. В настоящее же время суд, как правило, хочет узнать, относятся ли действия, к которым призывают, при условии их возможного, например, осуществления к разряду экстремистских, а это, очевидно, юридическая проблема тождества, и мы подменяем предмет исследования, когда отвечаем на вопросы подобного рода.

Тождество на уровне целевого содержания и последствий, которые способно вызвать речевое произведение.

К данному тождеству относятся все проблемы, которые направлены на выявление реальных (=не коммуникативных) намерений говорящего или реальных реакций слушающего:

- хотел ли говорящий разжечь межнациональную рознь;
- хотел ли говорящий оскорбить;
- призывает ли говорящий к захвату властных полномочий;
- оскорбился ли слушающий;
- нанесен ли вред деловой репутации лица или субъекта делового оборота и др.

Решение названных задач также не входит в компетенцию лингвиста. Эти проблемы необходимо отличать от проблем, связанных с кодом, а именно от проблемы сформулированных по модели: «Является ли данное речевое произведение призывом?» Высказывать призыв – это, безусловно, значит «вести себя определенным образом», но реальная психологическая (=некоммуникативная) цель может не совпадать с той целью, которая кодируется в сообщении, этот факт вытекает из того, что речевые произведения могут быть употреблены неискренне.

Отметим еще одно следствие, которое вытекает из принятого объяснения. Высказывать что-то – это, безусловно, воздействовать на адресата, то есть каждое высказывание имеет какую-то предрасположенность воздействовать на конкретного адресата или неопределенную группу лиц. В целом любой говорящий на русском языке знает об этих предрасположенностях и умеет пользоваться данной информацией. Конкретная же степень воздействия конкретного высказывания на конкретного адресата – величина, зависящая от многих неизвестных, а потому не может быть установлена лингвистом. Всегда, например, возможна ситуация, когда кто-то не был оскорблен инвективным неприличным высказыванием (высказыванием, имеющим предрасположенность оскорбить слушающего, которая близится к единице), но подал иск в суд и утверждает, что он оскорблен. Очевидно, что такое положение дел не может быть в общем случае (а может быть, никогда) реконструировано при помощи лингвистического анализа сообщения.

Таким образом, только проблема тождества, возникающая на уровне кодирования информации, из всех выделенных типов тождества может являться предметом лингвистического исследования, и только относительно этой проблемы могут быть сформулированы соответствующие экспертные задачи.

1.4.3. Проблема метода лингвистической экспертизы

Проблема метода, пожалуй, одна из самых важных и нерешенных проблем лингвистической экспертизы, трудно не согласиться с утверждением, что «в настоящее время практика проведения лингвистической экспертизы осуществляется во многом стихийно, индивидуально-субъективно; эксперты (лингвисты, вузовские преподаватели, учителя-словесники, журналисты) опираются, с одной стороны, в основном на свой профессиональный (филологический) и житейский опыт и, с другой, – на некоторые знания из сферы юриспруденции, получаемые большей частью из литературы и прессы. Тем не менее потребность в такой экспертизе все увеличивается, вместе с этим усиливается потребность в единых «правилах игры» для всех участников судебных разбирательств на всех их стадиях. Их отсутствие проявляется, в частности, в том, что порождает неудовлетворенность истцов и ответчиков оценками экспертов, поэтому многие из таких разбирательств затягиваются, откладываются, рассматриваются по нескольку раз. Из всего этого вытекает общественная необходимость выработки общих принципов и конкретной методики юрислингвистической экспертизы, способной эффективно совмещать лингвистическую и правовую оценку конфликтных языкоречевых ситуаций, вовлекаемых в сферу юрисдикции», [Голев, 2002, с. 16]. Это утверждение стало «общим местом» в работах, посвященных лингвистической экспертизе см. [Галяшина, 2003, Галяшина, 2006, Баранов, 2007].

Разнообразие методов, которые называются в экспертных исследованиях и иногда фактически используются в них, может быть сведено к двум основным типам, эти типы различаются между собой по источнику эмпирической информации об объекте исследования. Первый тип – интроспективные методы – источником информации является интуиция исследователя, второй тип – экспериментальные методы – источником информации являются данные языкового сознания определенного класса испытуемых.

1.4.3.1. Интроспективные методы. Метод субституции спорных смыслов

В лингвистических экспертизах интроспективные методы представлены следующими наименованиями: «интенциональный анализ», «стилистический анализ», «прагматический анализ» и т.п. Обращает на себя внимание, что метод как деятельностная категория (способ достижения цели, способ решения конкретной задачи) сводится к категории области исследования или основной единице исследования (предмету или аспекту исследования). Это проявляется и в названиях методов – **жанровый** анализ (=анализ жанра или анализ объекта в жанровом аспекте), **интенциональный** анализ (=анализ интенции или анализ объекта в интенциональном аспекте). Нам кажется, что такая традиция наименования методов не соотносима с категорией «метод». Когда, например, в разделе «средства и методы экспертизы» лингвист ссылается на использованный им метод интенционального анализа, то тем самым он прежде всего утверждает, что для решения поставленной перед ним задачи необходимо было исследовать интенцию текста (=текст в интенциональном аспекте), но не описывает тот путь, которым он пришел к выводам по поставленным вопросам.

Предложенное далее описание интроспективных методов базируется на постулате об оппозитивном принципе кодирования информации в естественном языке. Мы исходим из гипотезы о том, что информация, ради которой строится сообщение, кодируется по оппозитивному принципу: существование языковой единицы или смысла в тексте определяется наличием оппозиции этой единицы или смысла другой единице или смыслу. Отсутствие противопоставления – нейтрализация – при нейтрализации текст может быть совместим с обоими признаками, образующими противопоставление. Таким образом, при исследовании необходимо доказать, что противопоставленные признаки не находятся в отношениях нейтрализации и реализуется какой-то конкретный признак. Без исследования факта отсутствия нейтрализации даже в случае ее действительного отсутствия истинный вывод по поставленному вопросу оказывается случайным, а не необходимым. Вероятность истинного ответа при

этом для любого произвольно взятого текста равняется $\frac{1}{2}$, если оппозиция бинарная, в случае же действительного наличия нейтрализации вывод может быть только вероятностным, так как мы можем равновероятно обосновать наличие любого противопоставленного признака.

Для решения проблемы квалификации соотношения контекстов и признаков мы предлагаем метод субституции спорных смыслов и конструктивный способ доказательства лингвистических утверждений. Охарактеризуем его. **Метод субституции** заключается в следующем: если контекст нейтрализует противопоставленные признаки, то при подстановке обоих признаков его (контекста) характеристики не изменятся, в противном случае при подстановке противопоставленных признаков перед нами окажется два различных контекста. Иными словами, при названном подходе проверяется гипотеза о совместимости противопоставленных признаков с конкретным объектом исследования. В данном случае возможны два варианта. А) искомые признаки совместимы с объектом, при этом при трансформации объекта он не выходит за рамки тождества (=остается тождественным самому себе), в этом случае перед нами факт нейтрализации исследуемых признаков. Б) Искомые признаки несовместимы, тогда изменение одного противопоставленного признака на другой приводит к нарушению тождества исследуемого объекта. Метод субституции, по нашему мнению, является одним из базовых интроспективных методов (этот метод фактически применяется в экспертных исследованиях [Голев, 2004, с. 247; Матвеева, 2002, с. 186]). **Требование конструктивности** заключается в том, что лингвист должен указать минимум на условия, которые способны опровергнуть его описание, а в лучшем случае – построить другой объект, в котором информация кодируется не сходным образом, тем самым доказывая отсутствие тождества между исследуемым и построенным объектом.

Приведем примеры применения данного метода.

I. Задачи по установлению содержания спорного речевого произведения.

Дан текст:

«По смыслу закона содержание притона будет оконченным преступлением лишь в том случае, если помещение фактически использовалось одним и тем же лицом несколько раз либо разными лицами для потребления наркотических средств и психотропных веществ».

Требуется установить:

Каково соотношение понятий «содержание притона» и «оконченное преступление» относительно количества раз (а именно более одного) фактического использования помещения разными лицами для потребления наркотических средств и психотропных веществ?

Очевидно, что два названных смысла совместимы с исследуемым текстом, т.е. перед нами факт нейтрализации. Это вытекает из следующего. Текст остается осмысленным (=совместимым) с двумя presupпозициями.

1. Presupпозицией данного высказывания является следующее утверждение «Событие X происходило в разное время». (В качестве X в данном случае выступает фактическое использование помещения для потребления наркотических средств).

Тогда верно следующее. Содержание притона есть оконченное преступление тогда и только тогда, когда одно и то же лицо (в разное время) фактически пользовалось помещением для употребления наркотических средств и когда разные лица (в разное время) фактически пользовались помещением для употребления наркотических средств. При этом значение «количество раз больше одного» реализуется по-разному относительно двух выделенных компонентов пропозиции. Относительно одного и того же лица значение количества «более одного» формулируется относительно фактического количества «использований» помещения одним и тем же лицом для употребления наркотических средств. Относительно разных лиц значение «более одного» формулируется относительно количества фактического использования помещения для употребления наркотических средств.

2. Presupпозицией данного высказывания является:

- Для первого члена пропозиции (одним и тем же лицом несколько раз) – «событие X происходило в разное время».

- Для второго члена пропозиции (разными лицами) – «событие X происходило в одно и то же время».

Тогда верно следующее. Содержание притона есть оконченное преступление тогда и только тогда, когда одно и то же лицо (в разное время) фактически пользовалось помещением для употребления наркотических средств и когда разные лица (в одно и то же время) фактически пользовались помещением для употребления наркотических средств. При этом значение количества «более одного» реализуется по-разному относительно двух выделенных компонентов пропозиции. Относительно одного и того же лица значение количества «более одного» формулируется относительно количества «использований» помещения одним и тем же лицом для употребления наркотических средств (так же, как и в предыдущем случае). Относительно разных лиц значение количества использования помещения для потребления наркотических веществ в тексте не определено.

II. Задачи, связанные с описанием речевого поведения.

Дан текст:

Внимание! Округ № 5

ПЕТРОВА ✓

Анна Васильевна

ЧЕСТНЫЙ ЮРИСТ В ДУМЕ -

ВАША УВЕРЕННОСТЬ В ПОРЯДОЧНОСТИ ВЛАСТИ!

Я СПРАШИВАЮ ГОСПОЖУ ВАНИНУ,

БАЛЛОТИРУЮЩУЮСЯ ПО ПЯТОМУ

ОКРУГУ НА ВТОРОЙ СРОК:

1. Верно ли, что размер Ваших официальных доходов на "Приводе" - 180000 рублей в месяц?
2. Верно ли, что практически каждый человек, сокращённый с "Привода", остался без работы с Вашего ведома и согласования с Вами?
3. Правда ли то, что Вы приписываете себе заслуги городских коммунальных служб в благоустройстве округа?

4. Почему Вы позволили себе судиться с избирателем за критику? Разве избиратель не вправе высказать свою точку зрения?

5. Почему Вы строите свои ответы на "неудобные" вопросы избирателей на обмане, на компрометации оппонента?

Требуется установить: Являются ли предложения в листовке под цифрами 1-5 вопросами или утверждениями?

В описании данных исследования мы опускаем анализ высказывания-вопроса: «Разве избиратель не вправе высказать свою точку зрения?», которое является риторическим вопросом.

Системное противопоставление вопроса и утверждения заключается в типе установки. Интенция вопроса формулируется следующим образом: «Говорящий хочет узнать истинно ли X». При утверждении говорящий сообщает: «X истинно» либо «X хорошо».

В анализируемом тексте выделяются типы высказываний, которые квалифицируются как вопросы. Это вытекает из двух фактов:

1. В конце высказываний ставится вопросительный знак, на письме маркирующий вопрос.

2. В начале второй части текста обозначается интенция говорящего, выражено в высказывании «Я спрашиваю...».

Очевидно, что контекст не дает оснований квалифицировать данные высказывания как риторические вопросы такие, например, как второй вопрос в пункте 4 настоящего текста. Если бы данные вопросы были риторическими, то за ними должен был следовать какой-то поясняющий текст. Например, вопрос 1 мог бы иметь следующий вид. «Верно ли, что размер Ваших официальных доходов на "Приводе" - 180000 рублей в месяц? За три месяца на ваших счетах скопилась довольно круглая сумма!».

Но при исследовании данного текста как целого мы получаем следующий результат: вопрос как определенная пропозициональная установка оказывается несовместимым с текстом и наоборот – комплекс признаков, соотносимых с такой единицей, как утверждение, совместим с данным текстом. Невозможность интерпретации представленных фраз в первичном вопросительном их смысле обусловлена тем, что такая

интерпретация приводит к противоречию текста по замыслу. Данная интерпретация предполагает такие противоречивые формулы основного замысла текста: «Нужно голосовать за Петрову, потому что она спрашивает у Ваниной...» или «Я спрашиваю у Ваниной о..., поэтому нужно голосовать за Петрову» [Бринев, 2006]. Сохранение у данных высказываний вопросительной функции возможно лишь, если перед нами два текста. Другими словами – подстановка вопросительного значения ведет к нарушению цельности текста.

Таким образом, верно следующее: или перед нами утверждения, или перед нами два различных текста, не связанных между собой, первый текст призывает голосовать за Петрову, во втором тексте задаются вопросы Ваниной. Из этого следует: если текст цельный, то перед нами утверждения, если в тексте присутствуют вопросы, то перед нами два различных текста.

1.4.3.2. Экспериментальные методы

Целью данного раздела не является создание типологий лингвистических экспериментов, но описание требований, предъявляемых к такой познавательной процедуре, как эксперимент, разработка конкретных экспериментальных методик исследования – дело будущих лингво-экспертных исследований. Необходимость же обсуждения экспериментальных методик объясняется их неудовлетворительностью по отношению к описанию фактов.

В лингвистике и лингвистической экспертизе эксперимент применяется в двух формах: в форме без возможности опровержения (опрос) и в форме с такой возможностью.

Целью первой экспериментальной формы является выяснение характера реагирования носителей языка на те или иные языко-речевые фрагменты. Данная форма применяется в тех случаях, когда лингвисту неизвестно, как будут реагировать информанты на тот или иной фрагмент языка / речи, и он хочет установить значения (в смысле значений параметров, а не семантических значений, конечно) этого реагирования, или лингвист хочет проверить свою интуицию по поводу этого фрагмента. В общем случае данная форма может быть названа формой без возможности опровержения. При опросе информантов,

например, не выдвигается гипотезы об их поведении, поэтому данные исследования не могут содержать риск ошибки. Так, если лингвист не знает, как будут вести себя информанты, то все реакции «правильны» и значимы без исключения.

Вторая форма – это форма с возможностью опровержения, эта форма применяется менее часто в лингвистических исследованиях и является практически не разработанной. Классическим ее примером является проведение эксперимента с целью подтверждения обоснованности интуиции исследователя по поводу значений лингвистических величин. Здесь данные эксперимента могут содержать вероятность опровержения (могут быть фальсифицированы), когда лингвист предполагал одно, но в результате не получил ни одного ответа, который бы подтверждал его гипотезу. Но во всех практически ситуациях мы имеем следующий статистический результат экспериментирования: какое-то количество ответов подтверждает гипотезу, какое-то – нет. В лингвистике сложилась стихийная интерпретация такого положения дел при помощи категории «субъективной достаточности подтверждающих примеров». Безусловно, что мы только сейчас придумали название для этой операции, эта категория нигде явно не введена, но все-таки думаем, что она фактически используется. Объясним, что мы имеем в виду. Когда лингвист проверяет свою интуицию, то неявно принимается, что для того чтобы интуиция считалась истинной, достаточно «достаточно большого количества ответов», согласующихся с исходной интуицией, тогда как остальные могут быть не приняты во внимание. Понятно, что достаточно большое количество – категория субъективная, даже если будет принято, что оно (количество) должно равняться более пятидесяти процентам.

Описанная ситуация требует обсуждения. Очевидно, что если мы используем форму эксперимента с возможностью опровержения, мы должны знать, какие ответы недопустимы в конкретной экспериментальной ситуации, и вопрос этот, безусловно, не количественный. Отметим далее, что мы всегда имеем разнообразие ответов, другими словами, мы никогда не получаем на свои вопросы ответы, которые количественно равняются ста процентам. Есть два варианта, первый – отказаться

от проведения экспериментов, второй – объяснить, как возможна эта ситуация, и сделать так, чтобы наши эксперименты были все-таки потенциально опровержимы, но при этом не стремились бы к стопроцентному результату. По нашему мнению, второе возможно, хотя это требует отдельного теоретического обсуждения. Например, мы не уверены, что изложенное далее не является теорией *ad hoc*.

Для объяснения описанного положения выдвинем следующую гипотезу: реакции на речевое произведение не являются строго детерминированными, реагирующий обладает определенной степенью свободы (в другом – аспекте выбором) относительно того, как реагировать на речевое произведение и реагировать ли вообще. Эта гипотеза достаточно очевидна и вытекает из фактов. Так, например, не отвечать на вопрос неприлично, но это не значит, что все всегда будут отвечать на все вопросы, адресат способен выбрать, ответить ли ему на вопрос или поступить неприлично. Из этого следует, что не все реакции, которые мы получаем в ходе экспериментирования, связаны с исходной гипотезой эксперимента, а потому необходим не количественный анализ реакций, а качественная формулировка того, какие реакции будут являться совместимыми с выдвигаемой гипотезой, а какие будут его опровергать. В этом случае достаточно одного опровергающего примера, чтобы отбросить гипотезу, пока такого примера не обнаружено данные эксперимента могут быть признаны как подтверждения. Думаем, что применение данного принципа (если применение, конечно, возможно) покажет, что многие из результатов, которые получены в ходе проведения экспериментов при решении экспертных задач, окажутся достаточно тривиальными.

Описанное выше носит, безусловно, не только сугубо теоретический характер, эксперимент применяется в лингвистических экспертизах, его применение требует своего осмысления и улучшений, отметим только, что нам неизвестно ни одного случая, когда бы эксперимент ясно и явно был сформулирован в форме, допускающей опровержение. В [Бринев, 2007] представлен эксперимент, поставленный нами именно в

такой форме, но читатель может убедиться в том, что он (эксперимент) также нуждается в улучшении.

1.4.4. Исследовательский аспект выводов экспертного заключения

Выводы в исследовательском аспекте представляют собой результат описания предмета исследования, другими словами, выводы – это исследовательский результат, это утверждения, сообщающие некоторую информацию об объекте исследования. В процессуальном аспекте исследовательский результат представляет собой искомую информацию, ради которой назначалась экспертиза. Это ответы на вопросы, которые были поставлены перед экспертом судом или следствием. Еще раз отметим, что эти ответы представляют собой установленные факты, которые имеют юридическое значение, данные факты входят в предмет и пределы доказывания по конкретному делу. Напомним, что выделяют следующие категории выводов по характеру установленной информации:

- 1) категорические / вероятностные;
- 2) условные / безусловные;
- 3) положительные / отрицательные.

Рассмотрим содержательное противопоставление каждой пары выводов отдельно.

Категорические / вероятностные. Традиционно вероятностные выводы определяются следующим образом: «вероятностный вывод представляет собой обоснованное предположение (гипотезу) эксперта об устанавливаемом факте и обычно отражает неполную внутреннюю убежденность в достоверности аргументов, среднестатистическую доказанность факта, невозможность достижения полного знания. Вероятные выводы допускают возможность существования факта, но и не исключают абсолютно другого (противоположного) вывода» [Россинская, 2008, с. 244]. Тогда как категорический вывод определяется как «достоверный вывод о факте независимо от условий его существования» [Россинская, 2008, с. 243]

Очевидно, что такое понимание является неполным. Противопоставление категорических и вероятностных выводов

может быть проведено только относительно принимаемой при исследовании теории. Это вытекает из того факта (мы считаем, что этот факт доказан [Поппер, 2002(а); Поппер, 2002(б)]), что никакое познание не является индуктивным. Другими словами, мы никогда не познаем индуктивно, и любое эмпирическое обобщение, в том числе и наблюдение, делается только относительно какой-либо ранее принятой теории, которая всегда может быть опровергнута этим новым наблюдением. Поэтому вероятностные заключения не являются мерой эмпирической обоснованности заключения о свойствах, признаках предмета / явления, а категорические выводы не являются на сто процентов эмпирически обоснованными высказываниями. Никакое общее высказывание не может быть на сто процентов обосновано эмпирически. Поэтому оппозиция категорических и вероятностных выводов не может до конца быть объяснена ни психологически, ни эмпирически, ни методически. Особо остановимся на последнем моменте.

Думается, что не существует ни одной методики, в основании которой не лежала какая-либо (пусть даже внутренне противоречивая) теория, а потому несовершенство методики всегда объяснимо несовершенством теории, тогда как обратное невозможно. При этом, конечно, есть случаи, когда несовершенство методики объясняется тем, что существующая методика не учитывает результатов более мощной теории и «предпочитает» оставаться на уровне более слабых теорий. Хотя, если методики дают достаточное приближение к истине (в практическом, конечно, плане, используя для измерений), то нет никакой необходимости пересматривать теоретические основания, на которых базировалась данная методика (даже если она построена на *ad hoc* теории).

Вероятностные выводы противопоставлены категорическим в аспекте логического следования каких-либо утверждений теории. Выделяют два типа следования: а) первый тип – истинность посылок необходимо гарантирует истинность заключения (необходимо истинные выводы), б) второй тип – истинность посылок не влечет необходимой истинности заключения, заключение может быть как истинным, так и ложным. Отсюда вероятностные выводы возникают в следующих случаях:

1. Когда теория (и базирующаяся на ней методика) безразличны к данному факту в том смысле, что они его не описывают.

2. Когда входных эмпирических данных недостаточно для необходимо истинного вывода.

Психологическое состояние неуверенности субъекта экспертизы в результатах исследования является производным от этих двух факторов, более того, с ними совместимо и противоположное его состояние – полной уверенности в том, что при исходных данных (принятой теории и эмпирических фактах) невозможно вывести «истинно Х».

Категорические выводы, в свою очередь, это выводы, которые делаются тогда, когда теоретические и эмпирические данные необходимы и достаточны для ответа на поставленный вопрос.

Вероятностные выводы часто не отграничиваются от **модальных выводов о необходимости и возможности**, которые носят сугубо теоретический характер. Поясним сказанное. Любая эмпирическая теория, описывая фрагменты реальности, одновременно запрещает существование каких-либо эмпирических фактов и их сочетаний, так, теория Ньютона запрещает не падать вниз подброшенному вверх камню, и если такой факт имел бы место, то эта теория была бы отброшена. Таким образом, высказывания о возможности и невозможности какого-либо положения дел в принципе является высказыванием об эмпирическом содержании теории. Высказывание «Невозможно Х» есть утверждение, что принятая теория исключает такое положение дел, тогда как обратное высказывание, это высказывание о совместимости теоретического описания и эмпирического факта, имеющего место в действительности.

Безусловные и условные выводы. Этот тип выводов на исследовательском уровне противопоставляется относительного эмпирического уровня исследования. Эксперт знает, что для необходимого заключения по поставленному вопросу должны наличествовать истинные эмпирические высказывания Х и У. Из экспертной ситуации следует, что истинность Х установлена, тогда как истинность У не установлена. Формулируя вывод в условной

форме, эксперт тем самым сообщает, что необходимо установить истинностное значение высказывания Y , и если $Y = \text{истина}$, то будет истинным и вывод относительно искомой информации. Безусловные выводы обоснованны только тогда, когда эмпирической информации достаточно для категорического заключения по поставленному вопросу.

1.5. Проблема отнесения лингвистической экспертизы к определенному роду судебных экспертиз

В теории судебных экспертиз и криминалистике данная проблема выделяется в качестве отдельной специальной проблемы. По-нашему мнению, классификации судебных экспертиз не имеют практически никакого значения, особенно это касается классификации экспертиз по роду и виду. Поясним это положение. Классификация как таковая не представляет собой цели научного изучения, функция классификации, скорей, мнемоническая, и все классификации являются сокращением того фактического материала, который теоретически утверждается относительно членов классификаций, поэтому наличие корректных классификаций связано с качеством разработки теории, но не наоборот.

Родо-видовые же классификации не несут практически никакой ценной научной информации. Поясним этот тезис. Все многообразие экспертиз разделяется по роду и виду. Основанием для выделения экспертиз по этому признаку является принадлежность конкретной экспертизы к определенной отрасли знания. Существующие классификации судебных экспертиз представляют собой вид естественных классификаций в том смысле, как они представлены у Дж. Лакоффа. Эти классификации не являются последовательными, они образованы генетическими и функциональными основаниями. Так, например, класс криминалистических экспертиз обычно выделяется списком. И то, что дактилоскопическая, почерковедческая и автороведческая экспертиза относятся к одному классу, не может быть объяснено иначе как через то, что они развивались в рамках криминалистики как отдельной прикладной области знания. Естественно предположить, что теоретически криминалистика базируется на

различных областях знания в том смысле, что в ней применяются теории, разработанные в рамках различных отраслей науки. Нужно отметить, что дискуссии по поводу построения единой классификации экспертиз по роду и виду не имеют научного значения, хотя их прикладное значение достаточно очевидно, оно связано с закреплением за определенными специалистами конкретной области компетенции, а это уже является нашим решением, а не фактом, и это решение нуждается в обсуждении.

Закончим этот раздел следующим утверждением: безразлично относительно фактической ситуации (то есть фактически безразлично), считать ли лингвистическую экспертизу сортом речеведческих экспертиз и, соответственно, включать эту экспертизу в один класс с фоноскопическими и почерковедческими экспертизами. Но это решение, если оно будет принято, не безразлично с точки зрения того, как мы будем готовить к профессиональной деятельности будущих специалистов-экспертов. Думается, что с этой позиции однородность теорий, которые должен освоить будущий специалист, имеет какое-то значение, и в этом смысле теории, принятые в фоноскопии и почерковедении, по нашему мнению, далеко отстоят от теорий, принятых в лингвистике. Эти факты, безусловно, нуждаются в обсуждении также и с точки зрения принятия решений по организации учебного процесса будущих специалистов и формированию их профессиональной компетенции. Эти решения, по нашему мнению, обязательно будут влечь определенные позитивные и негативные последствия.

Глава II. Общая характеристика экспертных задач, решаемых при производстве лингвистической экспертизы в рамках различных категорий дел

Прежде чем приступить к непосредственному изложению материала данной главы отметим, что он структурирован относительно такой категории, как «событие», а точнее было бы сказать, что относительно категории «юридический факт», тогда как, безусловно, он мог бы быть (и в определенном смысле это было бы более значимо) структурирован относительно категории «тип экспертных задач», которая выделена и описана нами в разделе 1.4.2. Представленная ниже структура второй главы обусловлена, скорее, традицией, сложившейся в лингвистической экспертологии, традицией, которая, как мы думаем, не имеет принципиального значения и может быть нарушена. Также расположение материала обусловлено и соображениями удобства, так, при последовательном соблюдении принципа подачи материала от основной экспертной задачи, оказались бы «разорванными» семантический и прагматический аспект фактивности, тогда как проблема фактивности в настоящее время в лингвистической экспертологии признается цельной проблемой. Еще раз отметим, что это связано лишь с удобством изложения материала, и мы постараемся везде, где это возможно, указать на тот тип экспертных задач, который решается при ответе на тот или иной вопрос, возникающий в рамках конкретных категорий дел.

2.1. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении

2.1.1. Общая характеристика экспертных задач по делам об оскорблении

Оскорбление – один из центральных концептов современной юридической лингвистики. В юридическом аспекте оскорбление определяется как умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме.

В практике лингвистических экспертиз при установлении признаков оскорбления при анализе спорных речевых произведений принято отвечать на следующие вопросы:

1. Содержатся ли в статье (высказывании) «...» негативная информация об Х-е? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация?

2. Выражена ли оценка в неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе?

3. Носят ли высказывания, относящиеся к Х-у, оскорбительный характер?

Таким образом, центральными вопросами при исследовании продуктов речевой деятельности на предмет наличия / отсутствия признаков оскорбления являются: вопрос о форме передачи информации (приличная / неприличная), а также вопрос о ее (информации) адресованности конкретному лицу. На экспертизу предоставляются печатные и устные тексты, а также фразы, слова, словосочетания, установленные в ходе судебного разбирательства.

Отметим, что по делам об оскорблении при определении содержания лингвистической экспертизы на протяжении ее существования «конкурируют» два подхода к определению пределов компетенции лингвиста в делах об оскорблении. Первый связан с признанием того, что вопрос о наличии / отсутствии оскорбления не входит в компетенцию лингвиста, но является сугубо юридическим вопросом, второй «отстаивает» точку зрения, согласно которой данный вопрос принадлежит компетенции лингвиста. В последнем случае мы употребили слово «отстаивает» в кавычках, так как этот подход нигде явно теоретически не сформулирован, но вытекает из экспертных заключений, проводимых в рамках этой категории дел. Приведем конкретный пример: «Суд обоснованно признал показания потерпевшей П. достоверными, поскольку они согласуются с показаниями свидетелей Легкой Ю.А. (секретаря судебного заседания), Гарькушова Д.Г. (судебного пристава), с выпиской из протокола судебного заседания, заключением экспертов Совета комиссионной лингвистической экспертизы, согласно которому **высказанные Ж. слова и выражения в суде в адрес потерпевшей П. могут быть расценены как оскорбления**, поскольку принадлежат к разряду

ненормативной лексики, а именно, - бранным и нецензурной коннотациям» [Кассационное определение...]. Логика же подхода, исключающего право лингвиста отвечать на вопрос, является ли Х оскорблением, такова. Вопрос об оскорблении – это вопрос юридический, оскорбление – один из видов преступлений, наличие или его отсутствие должно решаться судом. Например, судебный медик не имеет права квалифицировать, имело или место убийство, в сферу его компетенции входит лишь констатация фактов, характеризующих время и обстоятельства смерти. Таким образом, лингвист не в праве возлагать на себя функции дознавателя, следователя или судьи. («Разрешаемые судебным экспертом вопросы не должны касаться юридических сторон и элементов уголовного и гражданского дела, так как следователи и судьи сами компетентны в области права...Встречающиеся иногда в практике попытки экспертов решать юридические вопросы (например, о причинах преступления, умысле и мотивах совершения преступных действий) неправомерны» [Шляхов, 1979, с. 4])

Перейдем к обсуждению проблемных вопросов, связанных с юридическими аспектами оскорбления, которые прямо или опосредованно связаны с определением границ компетенции лингвиста.

Таких вопросов, по нашему мнению, два. Первый из них связан с определением границ компетенции лингвиста-эксперта, его можно сформулировать следующим образом: «Действительно ли квалификация речевых произведений как оскорблений или неоскорблений не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, и это вытекает из существующих правовых норм?». Второй вопрос связан с первым, но не дублирует его, сформулируем его следующим образом: «Соответствует ли двузначный принцип квалификации речевых произведений (оскорбительно / неоскорбительно) правовым нормам, регулирующим употребление инвективных высказываний?» Рассмотрим эти вопросы последовательно.

2.1.2. Оскорбление как феномен права

Оскорбление как действие, квалифицируемое в качестве правонарушения, входит в содержание следующих норм:

Уголовный кодекс РФ:

Статья 297. Неуважение к суду

Статья 319. Оскорбление представителя власти

Статья 336. Оскорбление военнослужащего

Статья 107. Убийство, совершенное в состоянии аффекта

Статья 113. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта

Статья 130. Оскорбление

Кодекс об административных правонарушениях:

Статья 5.26. Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях (оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики).

Уголовно-исполнительный кодекс:

Статья 116. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы (неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления).

Семейный кодекс:

При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

Трудовой кодекс:

Статья 336. Дополнительные основания прекращения трудового договора с педагогическим работником (применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника).

Необходимо отметить следующее. Наличие действия оскорбления, во-первых, способно являться не только фактом, который является элементом состава правонарушения, но и фактом, имеющим доказательственное значение по отношению к составу

[Шляхов, 1979, с.5] или доказательственным фактом [Белкин, 1966, с. 19]. Например, ст. 336 Трудового кодекса, а также ст. 151 ГК РФ.

Во-вторых, оскорбление как действие входит в состав некоторых правонарушений на альтернативной основе. Примером этому служит ст. 107 УК РФ. («Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, - наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок»).

В-третьих, оскорбление как определенное действие является обязательным элементом состава объективной стороны ряда правонарушений (ст.ст. 130, 297, 336).

Необходимо подчеркнуть следующий факт, именно действие «оскорбление» как явление объективной действительности (=определенная фактическая ситуация) входит в состав правонарушения. Таким образом, неопределенность употребления слова «оскорбление» в частном случае (ст. 130 УК РФ) послужила причиной дискуссий по поводу оскорбления. Содержание этих дискуссий сводится к тому, что термины «оскорбление», «честь», «достоинство», «неприличная форма» недостаточно определены в законодательстве. Действительно, данные термины употребляются как слова естественного языка, которые неточны (объем этих понятий не определен) и неясны. Это не означает, что для права не существует такого реального феномена, как оскорбление, и что феномен оскорбления релятивен относительно какого-то языка. Релятивность, действительно, присутствует, но не по отношению к указательной или описательной функции языка, а по причине различного статуса функций языка лингвистики и языка права. Описательная функция языка права подчиняется цели эффективности принятия решений (прагматическая функция) и нормативным принципам права (право – это решение), описательная функция языка лингвистики подчиняется цели истинности такого описания (отражательная функция). В языке

лингвистики формула оскорбления выглядит примерно следующим образом: «Это оскорбление, потому что Х обладает такими-то и не обладает такими-то свойствами», в языке юриспруденции – «Это оскорбление, оно обладает следующими признаками, относительно конкретной нормы такой-то признак несуществен, а потому должна применяться эта, а не другая норма или санкция».

Таким образом, мы исходим из предположения, что юридическое тождество оскорбления базируется именно на дескриптивном компоненте значения, на указании на определенное действие. Юридические же конструкции оскорбления, другими словами, оценки этого действия и юридические последствия этого действия варьируются в зависимости от отрасли права и, соответственно, предмета правового регулирования – системы определенных общественных отношений, от объекта правонарушения, характера правового регулирования и т.п. Охарактеризуем эту вариативность.

I. Межотраслевое варьирование.

1. В уголовно-правовом аспекте действие «оскорбление» оценивается с точки зрения его общественной опасности, общественно опасные действия или бездействия признаются преступлениями и подлежат уголовному наказанию, в данном случае юридизируется один из видов действия оскорбления, а именно содержащий неприличную форму, все остальные действия не могут быть признаны преступлением. Для квалификации действия или бездействия как преступления важно наличие вины субъекта этого действия, вина в уголовно-правовом аспекте возможна в форме умысла и неосторожности, данная категория достаточно детально разработана в теории и практике уголовного права.

2. В гражданско-правовом аспекте оскорбление как действие рассматривается в качестве инструмента причинения морального вреда, при этом признак неприличной формы не имеет того значения, которое он имеет в уголовно-правовом аспекте, в гражданском праве наличие / отсутствие данного признака может оказать влияние на определение степени морального вреда и, соответственно, размеров компенсации.

3. В трудовом праве оскорбление как действие наносит ущерб трудовым отношениям и является дисциплинарным проступком, а также, возможно, одним из оснований увольнения. Здесь тоже необходимо отметить, что признак неприличной формы не является определяющим (в том смысле, что он необязателен).

II. Внутриотраслевое варьирование. Концепт «оскорбление», в состав которого входит оскорбление как вид действия, варьируется в уголовном праве, вариативность наблюдается относительно объекта преступления (общественных отношений, которым причинен вред действием или бездействием). Статьи УК РФ, в которые входит признак «оскорбление», как раз варьируется относительно общественных отношений, на которые посягает деяние:

1. Преступления против личности (Ст. 130. УК РФ Оскорбление).

2. Преступления против государственной власти:

А) Преступления против правосудия (Ст. 297. УК РФ Неуважение к суду).

Б) Преступления против порядка управления (Ст. 319. УК РФ Оскорбление представителя власти).

3. Преступления против военной службы (Ст. 336. УК РФ Оскорбление военнослужащего).

Варьирование категории оскорбления обуславливает следующие ее свойства: «Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 частью первой, 116 частью первой, 129 частью первой и 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора» (ч. 2 ст. 20 УПК РФ.).

Уголовные дела, предусмотренные статьями 319, 297, являются делами публичного обвинения, для которых предусмотрен особый порядок возбуждения в связи с тем, что объектом преступления является власть в форме правосудия или в

форме порядка управления и функционирование этой власти, а также военная служба. (Ср. «Основной объект преступления - общественные отношения в сфере правосудия, дополнительный - честь и достоинство участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, Непосредственный объект - авторитет суда, честь и достоинство участников судебного разбирательства как условия нормальной деятельности по отправлению правосудия), такие дела не могут быть прекращены в связи с примирением сторон [Артеменко, Минькова]). В данной категории дел варьируется также и содержание умысла. «Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что, оскорбляя участников судебного разбирательства, высказывает неуважение к суду, и желает совершить такие действия» [Наумов]. Вариативность юридической конструкции оскорбления наблюдается также относительно состава преступления – формальный / материальный состав. Различие этих двух типов составов проводится в следующем аспекте: в материальных составах преступлений для признания преступления окончанным необходимо наступление общественно опасных последствий, в формальных – достаточно совершения общественно опасного деяния независимо от наступления последствий такого деяния.

Относительно статей 297, 319, 336 вопрос, по нашему мнению, решается однозначно – состав этих преступлений является формальным: правосудию, власти и военной службе не нужно «дождаться», чтобы наступили факты их дискредитации.

Относительно же статьи 130 УК РФ возможны различные решения. Отметим, что в большинстве случаев состав данного преступления трактуется как формальный [Наумов]. Но если «всякий раз, т.е. по любому уголовному делу, тот или иной состав преступления "извлекается" из соответствующей уголовно-правовой нормы, выраженной в тексте уголовного закона» [Наумов], то ничего не мешает понимать норму статьи 130 УК РФ в результативном аспекте: «Если в наличии факт умаления чести и достоинства, и это умаление осуществлялось в неприличной форме, то...». А из этого следует, что при разрешении данной категории дел необходимо доказать наличие

причинно-следственной связи между действием или бездействием и фактом наступления состояний объекта преступного деяния.

Описанная выше вариативность вытекает из относительной независимости отраслей права, специфики предмета их регулирования, так что понятие оскорбления может в результате иметь различный объем. Так, для ущерба, нанесенного трудовым отношениям, встает вопрос об обязательном / факультативном наличии неприличной формы, тогда как для признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем достаточно наличия оскорбления представителей администрации исправительного учреждения при отсутствии признаков преступления (см. приведенную выше ст. 116 УИК РФ).

Таким образом, событие оскорбления входит в состав различных по своей природе правонарушений, признаки которых релятивизируются относительно отрасли законодательства, объекта правонарушения и типа его (правонарушения) состава. Иными словами, событие оскорбления является для права определенной фактической ситуацией. Отсюда можно сделать следующий вывод, задача лингвистической экспертизы заключается не в том, что она помогает определять термин «оскорбление» в праве (в его различных отраслях), а в том, чтобы давать описание событию, которое содержит признаки правонарушения, это, конечно, не исключает того, что этот термин при этом получает все-таки свое определение.

Самым важным тезисом, который, по нашему мнению, вытекает из проведенного анализа, является следующий: «Лингвист способен указать на то, что какой-то речевой акт является речевым актом оскорбления, описать саму ситуацию использования речевого акта, другими словами, то речевое событие, которое имело место в действительности и называется в лингвистике словом «оскорбление», и нет никаких оснований помимо собственно лингвистических, которые связаны с отсутствием описания оскорбления, исключать квалификацию конкретного речевого поведения как оскорбления». Юрист оценивает при этом не термин «оскорбление», а то, что произошло, и оценивает произошедшую ситуацию юридически, другими словами, он вынужден решать следующий вопрос: «Достаточно ли

тех признаков, которые были выявлены лингвистом и называются словом «оскорбление», для квалификации данной ситуации как преступного деяния, которое в юриспруденции называется словом «оскорбление?». Конечно, можно создавать эвфемизмы, говорить не «оскорбление», а «оскорбительно» или «инвективный речевой акт», но это уже сугубо технический момент, который связан с облегчением взаимопонимания между лингвистом и, например, судом.

2.1.3 Феномен оскорбления в правосознании лингвиста

В правосознании лингвистов сложилось следующее устойчивое представление о делах, связанных с правовой защитой чести и достоинства, и месте в них лингвистической экспертизы. В лингвистике противопоставляется оскорбление как уголовное преступление «гражданско-правовому» умалению чести и достоинства, которое имеет форму распространения не соответствующих действительности порочащих сведений. Таким образом, считается, что от умаления чести и достоинства, выраженного в неприличной форме, «защищает» отрасль уголовного права, а от распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности, – отрасль гражданского права. (Ср. «Гражданско-правовые ограничения на запрет перверсивных высказываний касаются **только** порочащих сведений, которые: 1) распространены в СМИ; 2) не соответствуют действительности»... (выделено нами – К.Б.) [Кусов, 2005, с. 52]). Такое понимание, безусловно, порождено текстовыми факторами, а именно названием ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации». В результате сопоставления названной статьи со ст. 130 УК РФ правосознание лингвиста приходит к заключению, что умаление чести и достоинства в гражданском праве отождествляется с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений. Ранее мы тоже считали, например, что оскорбление – это уголовное преступление, для того чтобы компенсировать моральный вред, причиненный оскорблением, необходимо в уголовном процессе доказать факт оскорбления.

Нужно сказать, что для такой интерпретации нет правовых оснований – **оскорбление также является и гражданско-правовым феноменом**, и умаление чести в неприличной форме может быть защищено и в гражданско-правовом порядке в рамках ст.ст. 150-151 ГК РФ. Поясним данный тезис. Право на защиту чести и достоинства относится к конституционным правам человека: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ст. 21 (ч.1) Конституции РФ), «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» (п.1 ст.23 Конституции РФ). Причинение ущерба чести и достоинству влечет за собой санкции. Данное положение конкретизируется в гражданском кодексе, где фактически перечислены формы защиты нематериальных благ, к которым (нематериальным благам) относится честь и достоинство гражданина. В гражданско-правовом аспекте предусмотрены следующие **способы защиты нематериальных благ**:

1. Компенсация морального вреда ст. 151 ГК РФ. («Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

2. Опровержение порочащих не соответствующих действительности сведений ст. 152 ГК РФ. («Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти»)

3. Ответ в том же средстве массовой информации, при условии ущемления законных прав и интересов п.3 ст. 152 ГК РФ. («Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или

охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации»)

Таким образом, статья 152 ГК РФ не является определением способа нанесения вреда чести и достоинству, но является, наряду со статьей 151, определением формы защиты от посягательств на нематериальные блага [Кирилин, 2002; Кречетов, 2000]. Оскорбление же является всего лишь одной из форм причинения морального вреда личности, эта форма квалифицируется законодателем как общественно опасная, а потому признается преступлением (ст. 14 УК РФ). Иными словами, оскорбление выделяется в отдельную группу правонарушений по признаку степени общественной опасности, с этой точки зрения признак объективной стороны названного преступления – «неприличная форма» выступает в качестве критерия этой степени. Таким образом, в правовом аспекте доказанность факта причинения морального вреда является основанием для его компенсации (в том числе и при оскорблении). Подчеркнем, что юридически категория морального вреда вариативна и вариативна она, прежде всего, в аспекте степени. Степень морального вреда может быть разная. «При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред» ст. 151 ГК РФ. В праве соблюдается баланс между дозволенными способами коммуникации и способами, которые приносят ущерб, факт доказанности морального вреда совместно с фактом доказанности дозволенности действия или бездействия (в частном случае, речевого поведения) означает, по нашему мнению, с точки зрения юриспруденции отсутствие причинно-следственной связи между обозначенным действием и состоянием субъекта, состояние которого является состоянием морального вреда.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Законодательство предполагает различные степени и формы причинения морального вреда.
2. Оскорбление является преступным деянием ввиду его общественной опасности, признак «неприличная форма» как

признак объективной стороны состава названного преступления является признаком, который отграничивает (несмотря на его оценочность) речевые (и неречевые) действия от остальных правонарушений, связанных с причинением морального вреда.

Эти выводы представляются нам важными с точки зрения определения границ компетенции лингвиста-эксперта по делам об оскорблении и шире – делам, связанным с причинением морального вреда. Вариативность степени причинения вреда снимает необходимость в подведении всех речевых актов, содержащих инвективу к оппозиции оскорбительно / неоскорбительно. Наличие / отсутствие морального вреда оценивает суд, так что теоретическая возможность совместимости следующих признаков: наличия инвективного (в любом смысле) речевого акта, факта обращения в суд за защитой чести и достоинства и факта отсутствия нравственных и / или физических страданий, влечет за собой отсутствие, по крайней мере, гражданско-правового деликта, равно как и наличие факта нравственных и / или физических страданий совместно с фактом обращения в суд для защиты чести и достоинства при отсутствии должных форм речевого поведения (например, инвективных речевых актов). Признаки речевых актов инвективы настолько разнообразны, что, по нашему мнению, в будущем позволит юридизировать различные степени причинения морального вреда, а также его отсутствие.

2.1.4. Решение проблемы оскорбления в лингвистической экспертологии

При рассмотрении феномена оскорбления в лингвистике выделяются два подхода: текстоцентрический и лексикоцентрический. Признается, что эти два подхода представляют собой два различных аспекта в описании одного и того же предмета (ср. «Категория инвективности – сложнейшая лингвистическая проблема. Лексический ее выход – наиболее поверхностный. Текстовое (и тем более рече-ситуативное) разворачивание инвективного фрейма – задача более сложная, так как здесь сопрягается множество факторов, некоторые из которых относятся к имплицитным сферам речи» [Голев, 1999]). Текстовый

подход (отметим, что слово «текстовый» в данном случае мы употребляем нетерминологически, но только для того чтобы показать его противопоставленность подходу, в котором базовой единицей анализа является слово) представлен вариантами стилистического анализа (Т.В. Чернышова) и деятельностно-прагматического (Н.Д. Голев, О.С. Иссерс, С.В. Сыпченко). Лексикоцентрический подход был впервые разработан в [Понятие чести..., 1997] и в настоящее время, по нашему мнению, не представляет собой сколько-нибудь цельного направления, пожалуй, теоретически он разрабатывается лишь Н.Д. Голевым и его учениками [Коряковцев, Головачева, 2004].

Отметим общие для всех типов работ исследовательские установки. Первая установка связана с отождествлением средств деятельности с самой этой деятельностью (процессом или взаимодействием): инвективные средства (лексические, синтаксические, стилистические) отождествляются с наличием / отсутствием инвективного речевого акта. Это проявляется в следующем.

Во-первых, очевидно отождествление оскорбления с возможностью / невозможностью нанести психологический ущерб инвектуму. Поэтому фактически исследуется **потенциальное состояние обиженности инвектума** высказыванием / текстом / словом, которое производит инвектор. Данный тезис ярко иллюстрируется следующим положением, сформулированным в терминах теории речевых актов: «... успех стратегии дискредитации следует оценивать по результатам речевого воздействия (по перлокутивному эффекту): N обижен, оскорблен, чувствует себя объектом насмешки, причем несправедливо» [Иссерс, 1999].

Во-вторых, не подвергается систематическому исследованию возможность отсутствия оскорбления при наличии инвективных средств языка. Отсутствие разработок описания противочлена отождествляет негативную оценку, возможную обиду и факт оскорбления. Базовым понятием лингвистических разработок является понятие «стратегия дискредитации». Под понятие стратегии дискредитации подводится все что угодно (так как у нее нет противочлена) от матерной брани до выражения «вы

плохой человек», произнесенного в присутствии третьего лица, а при определенном взгляде на вещи произнесенного и в беседе двух коммуникантов. Таким образом, цель лингвистической экспертизы – обосновать, что какое-то высказывание может быть обидным для предполагаемого инвектума, а точнее сказать – **оправдать** обиду инвектума (например, участника судебного процесса). В этом смысле в практике лингвистических экспертиз исследуются не речевые взаимодействия, а способы построения ивективных – в широком смысле – речевых произведений (фактически – внутренняя их форма) и способность этих произведений порождать психологическое состояние обиды. Предположим, что, принимая данные положения в качестве исходных, лингвистическая экспертиза в методическом аспекте строится следующим образом. Лингвист интроспективно оценивает речевое произведение с точки зрения возможности нанести обиду инвектуму, отвечая при этом на следующий вопрос: «Если бы я был в позиции ивектума, обиден ли был бы для меня текст?». При положительном ответе на вопрос следующим действием лингвиста является обоснование (еще раз отметим, что в данном случае более уместным было бы слово «оправдание») факта оскорбительности (обидности) исследуемого текста.

Таким образом, без отсутствия противопоставленного «дискредитации» явления концепт «стратегия дискредитации» не является эффективным инструментом, при помощи которого можно было бы признавать речевое произведение «неправовым», это исключало бы негативную оценку в принципе. Наиболее ясно следствия, которые вытекают из логики «от обиды» определил Н.Д. Голев, приведем его высказывание по этому поводу: «Вряд ли эксперт должен абсолютизировать пуристические требования, закрепленные, скажем, в словарных пометах. Он в равной мере должен защищать как нормативную чистоту текста, так и право журналиста на свободное (=творческое) использование языка, иначе **публицистические тексты превратятся в дистиллированные отчеты о событиях** [Голев, 2002, с. 23]. Кроме того, перлокутивный эффект иллокутивного акта «дискредитация» оценивается по факту дискредитации лица, которое дискредитировалось, и здесь имеются интересные

результаты, которые указывают на неоднозначность ситуации дискредитации. В ходе экспертного исследования конфликтного текста проводился следующий лингвистический эксперимент. «В процессе эксперимента были опрошены студенты первого курса географического факультета АГУ в количестве 52 человек. Первоначально мы не задавались целью исследовать инвективный потенциал данной коммуникативной ситуации, предполагалось лишь определить перлокутивный эффект текста, подтверждающий (или опровергающий) факт дискредитации. Поэтому испытуемым был задан следующий вопрос: «Какое мнение о деятельности А.Г. Назарчука складывается у вас по прочтении статьи?»

44,3% опрошенных (23 человека) подтвердили гипотезу о дискредитирующей функции статьи, дополнив свои ответы определениями «эгоистичный», «упрямый», «плохой», «жулик», «преступник», «политикан», «не способен здраво рассуждать» и пр. Однако оставшиеся 55,7 % реципиентов (29 человек) отказались от оценки политика или даже высказали позитивное отношение к нему. Причиной столь парадоксальной, на первый взгляд, реакции послужило недоверие к автору статьи. «Я ничего не могу сказать о деятельности А.Г. Назарчука, так как не знаком(а) с ней. Что же касается автора, то он мне глубоко антипатичен», – такова примерная формулировка ответов второй группы». [Доронина, 2002, с. 76]. Этот результат важен с той точки зрения, что намерение автоматически не влечет результат, в этом смысле потенциальная обидность не влечет автоматически обиду фактическую, даже если лицо обратилось в суд. Принято презюмировать, что факт обращения в суд свидетельствует о том, что лицо чувствует обиду или, другими словами, чувствует нравственные и физические страдания, но, строго говоря, это необязательно.

По нашему мнению, стратегия дискредитации не сводима к способу построения текста или высказывания, так как дискредитация – это вид интенции, которая является так же, как и текст (высказывание), составной частью речевого действия, одним из условий его функционирования. Эта стратегия не может в большинстве случаев быть извлечена непосредственно из текста (из того, как он построен). Встает вопрос, при каких условиях

высказывание «Создается впечатление, что нам навязывается именно определенная национальная политика – антирусская» (пример из [Гридина, Третьякова, 2002]) будет направлено на умаление чести и достоинства лица? По нашему мнению, ответ следующий, при условии неискренности пишущего, только при таком условии данное высказывание может быть порождено с целью дискредитации, в противном случае это искренняя оценка какого-то Х-а, оценки, как известно, допустимы, чего бы они ни касались.

Отметим, что выше мы охарактеризовали логические возможности теории, принимаемой при квалификации оскорбления, следствие этой теории – невозможность обоснования, почему фраза «Вы плохой человек!» не является оскорбительной. Невозможность вытекает из-за неясности, что моделируется под названием «стратегия дискредитации», с одной стороны, и отождествления оскорбления с возможностью нанести обиду, с другой. Фактически же вряд ли кто из лингвистов в экспертном исследовании будет доказывать факт потенциальной оскорбительности названной фразы, скорее, он в данном случае примет правило, что данная фраза не является оскорбительной в силу того, что все слова, в нее входящие, в литературном языке нормативны, а потому не могут нанести оскорбление. (Отметим, что в данном случае применяется такая же логика, что и описана выше, а именно средства уравниваются с коммуникативным взаимодействием.)

Вторая черта исследований, связанных с описанием оскорбления, заключается в том, что существующие описания ведут к конвенциональным решениям проблемы. Конвенциональным решениям мы противопоставляем решения описательные. Сущность конвенционального подхода связана с тем, что квалификация тех или иных явлений лишь опосредованно связана с реальными свойствами объектов (обратное свойственно описательному подходу). Теории, построенные конвенционально, являются теориями с неявным определением терминов. Их сущность наглядно иллюстрируется следующим примером: «высказывание «Точка плавления свинца приблизительно равна 335 °C» представляет собой часть определения понятия «свинец»

(подсказанного индуктивным опытом) и поэтому не может быть опровергнуто. Вещество, похожее на свинец во всех других отношениях, но имеющее иную точку плавления, просто не будет свинцом» [Поппер, 1983, с.107]. Неприличная форма, например, при таком подходе будет представлять собой установленный на основе научной конвенции список слов и выражений. Приличным при этом будет являться то, что не входит в данный список. Разновидности конвенциональных решений могут быть следующими:

1. Квалификация при помощи авторитета.
2. Квалификация путем договоренности.

В первом случае мы сталкиваемся с авторитетом силы, большинства, науки и, наконец, личности, во втором – с прямой или стихийной договоренностью о том, что считать хорошим, а что плохим или что считать приличной формой, а что нет. Достаточно ясно конвенциональный принцип в современной экспертной деятельности сформулирован Н.Д. Голевым: «на практике легитимность оценок «обеспечивается» **авторитетностью**, которая существует, на наш взгляд, в двух важнейших проявлениях: во-первых, в той или иной форме **конвенциональности** (или ее функциональными эквивалентами типа официального признания, общепринятости, традиционности, академичности, «центральности» органа, коллегиальности издания, статуса издания, распространенности, в некотором смысле выводимой из массовости тиража, и т.п.) и, во-вторых, в **наличии прецедентных процессуальных действий и решений**, выступающих опорой для принятия последующих действий и решений» [Голев, 2002]. Конвенционализм в лингвистике, по нашему мнению, произведен от принципа реализма, где значимыми признаются вопросы о сущности оскорбления, а фактически – об употреблении слова «оскорбление» по отношению к фрагментам реальности, поэтому всегда возникает необходимость в конвенциональном ограничении употребления слов по отношению к этим фрагментам.

Таким образом, например, понятие неприличной формы стремится к конвенциональному определению, а именно к типам высказываний: «Можно считать неприличной формой факты типа X и нельзя считать неприличной формой факты типа У».

Таким образом, принцип реализма, согласно которому слова и понятия обозначают вещи со сходными сущностями, порождает конвенциональное решение проблемы оскорбления, которое заключается в том, что мы решаем, как ограничить употребление слова «оскорбление» по отношению к каким-то фрагментам действительности, называя это ограничение истинным научно-лингвистическим значением термина «оскорбление».

С точки зрения методологического номинализма слова и их значения не важны, важными являются описательные высказывания об объекте, которые могут быть истинными или ложными. («Высказывание о точке плавления свинца как научное высказывание является синтетическим. Оно говорит, в частности о том, что элемент с данной атомной структурой (атомным числом 82) всегда имеет данную точку плавления независимо от того, какое имя мы можем дать этому элементу» [Поппер, 1983, с. 107].)

В лингвистических работах, описывающих феномен оскорбления, конвенциональный подход на теоретическом уровне обосновывается следующим образом. Во-первых, с точки зрения онтологии права. Конвенциональный принцип связывается с характером построения юридической нормы (или уже – директивных высказываний). Это фактор, безусловно, носит принципиальный характер, и его мы уже обсуждали, здесь все-таки еще раз отметим, что директивы всегда формулируются относительно фактов и принцип соответствия высказывания действительности не отрицается правом.

Во-вторых, конвенционализм обосновывается и онтологией языка как необходимое следствие признания недискретного его (языка) характера, что, безусловно, верно, язык в каком-то смысле недискретен, хотя бы в том смысле, что в нем автоматически – «при первом просмотре» – не обнаруживаются симметричные классификации единиц. Но, даже если язык – это процесс, такой же, как процесс горения или смерти, это еще, по нашему мнению, не влечет необходимости признания конвенциональной теории истины. Еще раз подчеркнем, что конвенционализм вытекает из принципа реализма, который придает большую ценность словам и выражениям, нежели истинным и ложным высказываниям

(напомним, что вопрос о том, что есть X на самом деле, признается, более значимым, чем вопрос о том, что происходит).

В прикладном аспекте конвенциональный принцип не является эксплицитным, скорее, на интенционально-исследовательском уровне (уровне принятия теорий и прикладных решений) работы, посвященные исследованию оскорбления, направлены на объективное описание «положения дел» в сфере оскорбления. Однако на уровне того результата, который имеется на выходе, они не выходят за рамки описаний, ведущих к выработке конвенций по поводу того, что такое оскорбление или что такое неприличная форма.

Наиболее ярко этот принцип развивается в тех теоретических работах, которые ориентированы на принятие экспертных решений, а также в экспертных заключениях по делам об оскорблении. Первое, что необходимо отметить, что конвенциональному разрешению подвергаются два концепта: «оскорбительность» либо «оскорбление» (о том, что эти явления отождествляются с обидностью, мы уже отмечали) и «неприличная форма». Все исследования ивективного функционирования русского языка можно условно разделить на статистические и нестатистические (условно – качественные), отметим, что оба этих типа конвенциональны по своей природе. Опишем последовательно два выделенных типа.

Статистический подход в большей степени применяется при лексикоцентрическом подходе к оскорблению, реже при ее текстоцентрическом исследовании [Доронина, 2004].

Эксплицитно статистический подход проявляется в тех исследованиях, которые основаны на опросе или лингвистическом эксперименте. Напомним (см. раздел 1.4.3.2.), что при интерпретации эксперимента лингвист вынужден опираться на оценочные категории «большая степень», «достаточно большая», «низкая» степень. Конвенциональный характер статистических описаний очевиден: перевод непрерывной числовой шкалы в двузначную категорию «оскорбительно / неоскорбительно» требует выбора определенного числового значения. Предположим, что в результате эксперимента числовые значения степени оскорбительности произвольно взятых лексем, рассчитываемые как

отношение положительных ответов (ответов, имеющих значение «оскорбительно») к общему количеству ответов, расположились непрерывно от 0 до 1. Как определить, что перед нами оскорбительная лексема? Можно, конечно, поступить, используя юридические принципы: считать лексему оскорбительной, если количество ответов «да» составляет не менее 50%, таким образом, если количество ответов со значением «оскорбительно» будет равняться 49,9%, то перед нами неинвективная лексема. Очевидно, что такой подход не более чем конвенция (иное решение представлено в следующем разделе).

Отметим, что у такого решения есть и описательные резоны, в первую очередь, безусловно, в аспекте инвективности лексических единиц языка, а именно частотное распределение «степеней предрасположенности обижать» лексем русского языка – это объективный показатель, который может быть связан со степенью предрасположенности того или иного инвективного средства порождать в психике адресата состояние обиды. Мы можем изучать изменения этого показателя во времени, выдвигать гипотезы о характере его обусловленности, иными словами, пытаться качественно его интерпретировать. Также мы должны ответить и на вопросы количественного плана: каково необходимое количество реципиентов для того, чтобы мы получили надежное частотное распределение параметра «оскорбительность». В прикладном аспекте неизбежен вопрос: насколько часто необходимо проводить статистические исследования лексического материала, чтобы наши данные не устаревали.

Качественные (нестатистические) исследования, по нашему мнению, представляют собой процедуру формирования экстенционала понятий «оскорбление» и «неприличная форма» и, как мы отметили, в силу неэффективности принципа реализма не могут иметь неконвенционального характера. Такие описания представляют собой попытку субъективно-лингвистического обоснования возможности возникновения чувства обиды у инвектума, вследствие субъективного характера они нуждаются в признании, и, следовательно, их успешное функционирование возможно лишь при наличии договоренности внутри лингвистического сообщества. Добавим, что такие описания –

являются свернутыми (имплицитными) статистическими описаниями, где количество информантов, отвечающих на вопрос положительно равно количеству информантов, способных разделить интуицию конкретного исследователя по поводу оскорбительности той или иной фразы.

В следующих разделах мы попытаемся дать фактическое описание феномену оскорбления и феномену неприличной формы, добавим, однако следующее, что фактическое в данном случае не равно «окончательно истинному», но равно более предпочтительному на данном этапе объяснению в силу того, что это объяснение способно описать большее количество фактов. Фактически же данное описание (равно как и все описания в настоящей книге) является опровержимым предположением, которое принимается в силу его больших объяснительных возможностей относительно других предположений. Если данное объяснение окажется ложным, то его необходимо будет отбросить как описание не соответствующее действительности.

2.1.5. Оскорбление как форма речевого поведения (оскорбление как речевой акт)

Целью данного раздела является описание оскорбления как отдельного вида речевых актов. Прежде чем перейти непосредственно к описанию отметим, что мы не проводим различий между теорией речевых актов и теорией речевых жанров, которая представлена, например, в [Антология, 2007]. В этих теориях относительно эмпирических фактов есть один общий момент, который и положен в основу нашего описания: обе теории прямо или косвенно описывают наблюдаемые ситуации речевого поведения говорящего и возможные реакции слушающего; при этом такие единицы, как «речевой акт» или «речевой жанр» – это единицы этического уровня, которые выполняют функцию отождествления и дифференциации конкретных коммуникативных ситуаций (этический уровень). (Тезис о неповторимости любой коммуникативной ситуации, как и тезис о неповторимости конкретного произнесенного звука другому звуку, не нуждается, по-нашему мнению, в обосновании). Другими словами, реалистические проблемы: «Что такое оскорбление и что такое

речевой акт?», переформулированы нами в фактическом (номиналистическом) ключе. Мы полагаем, что иллокутивные аспекты речевых произведений кодируются в сообщении, и в этом смысле речевой акт является единицей эмиического уровня (уровень кода), эмиического – в том номиналистическом смысле, который представлен, например, в разделах 1.4.2., 2.1.7. При этом оскорбление является одним из видов иллокутивных актов, речевых произведений-действий, как они описаны в теории речевых актов [Остин, 1999]. Другими словами, когда мы используем речевой акт «оскорбление», мы тем самым выполняем действие, то есть оскорбляем.

Перейдем к описанию структуры и свойств речевого акта оскорбления.

Структура речевого акта. Речевой акт оскорбления имеет следующую структуру.

1. Участники.

Участник 1 – инвектор, Участник 2 – инвектум, Участник 3 – Наблюдатель. Обязательными участниками являются первые два, последний (Наблюдатель) – факультативный участник.

2. Иллокутивная цель высказывания – Участник 1 пытается причинить ущерб Участнику 2 в области психики.

3. Условия успешности инвективного акта. Участник 1 знает, что высказывание X может причинить ущерб Участнику 2 и хочет, чтобы Участник 2 знал, что в отношении Участника 2 Участником 1 произведено инвективное высказывание.

4. Инвективное высказывание. Высказывание, выполняющее функцию инвективы в самом общем смысле как «резкое выступление против к-л, ч-л.; оскорбительная речь; брань, выпад» [Жельвис, 2000].

На языке описания, принятом в [Вежбицка, 2007] речевой акт оскорбления, по-видимому, будет представлен следующим образом.

А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X

В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб

Из описания (пункт Б) видно, что речевой акт оскорбления бывает двух видов – контактный и дистантный. При дистантном инвективном акте необходим третий участник, который и является каналом передачи информации об оскорблении лица. В развернутом виде дистантное оскорбление выглядит следующим образом:

А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X

В) Говорю X по отношению к тебе третьему лицу У

Г) Знаю, что У передаст тебе, что я говорил X

Д) Говорю X для того, чтобы причинить тебе психологический ущерб

При контактной форме оскорбления факт произнесения инвективного высказывания в присутствии инвектума удовлетворяет условие Б, так что в развернутой форме контактное оскорбление выглядит следующим образом:

А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X

В) Знаю, если скажу тебе X, ты будешь знать, что я говорю тебе X

В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб

Наличие выделенных компонентов обязательно для инвективного речевого акта или, другими словами, акта оскорбления, отсутствие какого-либо компонента лишает речевой акт названного статуса. Проиллюстрируем данный тезис примерами.

Условие ущерба.

А) Очевидно, что если инвектум не знает о том, что Х способно причинить ущерб, то происходит коммуникативная неудача. Пример такой коммуникативной неудачи часто обыгрывается в кинофильмах и литературе, так, в повести Л. Лагина старик Хоттабыч называет Вольку балдой, не зная условий употребления данной лексемы.

Б) Знание о том, что Х не может причинить инвектуму ущерб, также переводит данные речевые акты в разряд нейтральных речевых актов оценки (или суггестии). Такие речевые акты возможны между друзьями, другими словами, между коммуникантами, у которых общение при помощи инвективных высказываний регулярно и является коммуникативной нормой. (Ср. «В юридической практике полезно учитывать, что часть оскорблений может время от времени использоваться в прямо противоположном смысле, как выражение восхищения или дружеского расположения: «Как он, собака, хорошо танцует!», «Что-то тебя, еб*ный-в-рот, давно не было видно!» Отличить такое употребление от брани довольно легко: для него характерна особая дружественная интонация и практически обязательная улыбка; без двух этих последних слушающий вправе рассматривать эти слова как обидные» [Жельвис, 2000, с. 235]).

Условие стремления к перлокутивному эффекту оскорбления. В дистантном оскорблении, например, уверенность инвектума в том, что Наблюдатель не передаст, что относительно инвектума было произведено определенное высказывание, переводит произведенный речевой акт в разряд оценок.

А) Знаю, что Х способно причинить ему ущерб

Б) Не хочу, чтобы он знал, что я говорю Х

В) Говорю тебе Х о нем

Г) Говорю Х для того, чтобы ты знал, как я его оцениваю

Для контактных инвективных речевых актов отсутствие этого условия также ведет к трансформации данного речевого акта в оценку (в терминах юриспруденции – отказ от преступления), яркой иллюстрацией таких актов является инвективный речевой

акт, произнесенный таким образом, что у инвектума нет возможности его услышать, например, шепотом и/или «в спину».

Контексты типа «Сейчас п*зды дам» входят, по нашему мнению, в речевые акты угрозы, они могут соотноситься с оскорблением в своих вторичных функциях, выступая в речевых актах речевого насилия. В данном случае структура речевого насилия такова:

А) Знаю, что не можешь предпринять контрмеры по нейтрализации угрозы

Б) Высказываю угрозу в твой адрес

В) Делаю Б, чтобы причинить тебе психологический ущерб

Речевой акт оскорбления может являться элементом более сложных коммуникативных установок, описание таких «вхождений» – перспектива юридической лингвистики, здесь же укажем на две установки, в которых оскорбление используется в качестве средства для достижения иной коммуникативной цели. К первой из них относится речевое насилие, для которого характерно то, что инвектор имеет основания полагать, что у оскорбленного нет возможности предпринять контрмеры, направленные на пресечение оскорбления. (ср. «Какой-нибудь жалкий «опущенный» заключенный воспримет «П*дер!» или «П*дорас!» со смирением, потому что слышал это оскорбление в свой адрес много раз и не может ничего на этот счет возразить» [Жельвис, 2007, с. 191])

Второй случай, когда оскорбление выступает в качестве средства для провокации конфликта. Начнем описание такого случая с примера. Предположим такую ситуацию. Х идет навстречу группе людей. Когда Х проходит мимо этой группы, то за спиной слышит следующее высказывание: «Эй ты, лох, ну-ка иди сюда». Х не видит перед собой никого (интерпретируя при этом фразу как обращенную к нему), поворачивается к группе людей и спрашивает: «Это вы мне?». Произнесший фразу отвечает: «Тебе!», хотя фраза была произнесена по отношению к своему приятелю, который задержался и не находился в поле зрения Х-а. По нашему мнению, данная коммуникативная ситуация будет являться примером того, что оскорбление может являться инструментом

провокации конфликта. В общем случае такая установка связана с тем, что говорящему необходимы те действия, которые вызываются классическим речевым актом оскорбления (например, дальнейшая словесная перепалка). Оскорбление в данном случае является составной частью манипулятивного речевого акта с измененным параметром условий искренности.

А) Знаю, что Х способно причинить тебе психологический ущерб

Б) Считаю, что говорить в твой адрес Х необоснованно

В) Говорю тебе Х

Г) Говорю тебе Х затем, чтобы ты реагировал на Х

Думаем, что с точки зрения юриспруденции вторичные функции оскорбительных речевых актов не будут важными, так как цели и мотивы производства таких речевых актов несущественны.

Инвективное высказывание. Все типы инвективных средств русского языка можно разделить на два вида. Первый из них обладает свойством «инвективной жесткости». Инвективно жесткие контексты – это такие контексты, которые не реагируют на изменение пропозициональных установок, так вопрос: «Ты п*дарас?» остается речевым актом оскорбления, вопросительность, возможно, выступает в качестве смягчающей иллокутивной силы, но в целом трудно представить себе ситуацию, когда этот вопрос интерпретировался бы именно как вопрос. Таким образом, высказывание «Ты п*дарас?» имплицитно «Ты п*дарас!» (имплицитно в том смысле, в котором это представлено в теории речевых актов). Приведем еще примеры:

1. Возможно, ты п*дарас →

2. Ну ты и п*дарас! →

Ты п*дарас!

3. Да, вы п*дарас! (удивление) →

4. Да ты же п*дарас! →

Последнее высказывание возможно в неинвективной функции, если третье лицо «пересказывает» слова инвектора инвектуму, чтобы подчеркнуть факт нанесенного оскорбления. При этом важно, чтобы инвектум и третье лицо находились в дружеских

отношениях, и за этим речевым актом последовала поддержка ивектума третьим лицом в данной конфликтной ситуации.

Второй тип контекстов – контексты «нежесткие», или деактуализируемые. Это контексты, в которых инвективная интенция деактуализируется под воздействием пропозициональной установки. Например, в контексте «Да Вы негодай!» (игра в удивление) с игровой иллокутивной установкой (по образцу: «Да Вы шалун!») инвективный заряд слова «негодяй» нейтрализуется. Выявленное свойство полезно при исследовании спорных речевых произведений, информация о которых представлена косвенными источниками, например, свидетельскими показаниями. Для исследования таких случаев достаточно установления факта, что Х использовал жесткое инвективное высказывание, наличие / отсутствие речевого акта оскорбления в данном случае не зависит ни от интонации, ни от условий употребления. Так, «инвективно жесткое» высказывание, произнесенное в чей-то адрес с доброжелательной интонацией способно лишь усилить эффект оскорбления, этот эффект и возникает из противоречия оскорбительности высказываемого и доброжелательной формы воплощения, которая как бы заставляет воспринимающего реагировать на оскорбление как на пожелание добра. Особо, пожалуй, стоит остановиться на ограничениях, связанных с применением принципа «инвективной жесткости» при экспертизе, основанной на косвенных источниках. Это ограничение касается контекстов, в которые входят слова и обороты такие, как ««с*ка», «бл*дь», «*баный в рот». Контекст «Ты, с*ка, че делаешь?» должен, по нашему мнению, признаваться фактом нейтрализации речевых актов, поэтому для категорического вывода по поводу наличия / отсутствия речевого акта оскорбления недостаточно установления факта, что Х сказал в адрес У-а то-то, так как возможно, что присутствовало междометное употребление перечисленных инвективных лексем.

Очевидно, что свойства инвективной жесткости и нежесткости языковых средств связаны с различной степенью предрасположенности вызывать перлокутивный эффект оскорбления, и этот факт, как мы думаем, не носит метаязыкового характера, как это характерно для явления неприличной формы (см.

раздел 2.1.7.). Так, например, в результате проведенных экспериментов было обнаружено, что «тенденция к определенности места слова на шкале инвективности вполне реальна» [Голев, 2000, с. 37]. Безусловно, этот факт не может быть объяснен нормативно как такой, что в русском речевом коллективе считается, что слово «дурак» менее оскорбительно или более прилично, чем слово «гнида», и это факт нашего решения, а не свойство лексем русского языка. Например, нам известен факт, что слово «с*ка» носителями русского языка на метаязыковом уровне оценивается как литературное или как, по крайней мере, находящееся на грани литературного языка, тогда как очевидно, что в реальных речевых произведениях (на уровне пользования языком) оно, скорее, тяготеет к обценным. Так, например, на речевой акт «Ты с*ка» более вероятна реакция обценным рядом слов, чем словом «дурак» или «баран».

Потому более вероятно предположение, что инвективные характеристики лексем и выражений «накапливаются» в них в результате функционирования, так что каждое инвективное слово обладает конкретной степенью предрасположенности вызвать у адресата перлокутивный эффект оскорбления. Вероятно и предположение о том, что все носители языка умеют пользоваться этими предрасположенностями и, когда они высказывают эти слова, то способны предугадать эффект (в том числе и стараются добиться эффекта), который эти слова могут вызвать.

Очевидно, что в данном случае выделяются три тождества (подчеркнем, что под тождествами в данном случае мы понимаем не классы единиц, типологии в данном случае не имеют никакого значения, а тождественные формы поведения и взаимодействия говорящего и слушающего). Первое тождество организуется вокруг параметра «обладать предрасположенностью оскорбить собеседника равной единице». Сюда, безусловно, относится обценная лексика и фразеология.

Противоположный полюс составляет слабо инвективная лексика и фразеология, обладающая предрасположенностью оскорбить, стремящейся к нулю. Например, если кто-то хочет оскорбить кого-то, употребляя слово «негодяй», то он должен приложить к этому определенные усилия, увеличить силу голоса

или выбрать соответствующую агрессивную интонацию, тогда как для кодирования оскорбления при помощи матов, как мы уже отметили, этого не требуется. Слабоинвективные речевые акты могут обсуждаться так же, как обсуждаются оценки (и в этом смысле они являются утверждениями оценки). В общем, если кому-то сказали «Вы плохой человек!» или «Вы негодяй!», возможен вопрос «Почему это, по вашему, я плохой человек (негодяй)?», тогда как при высказывании «Вы с*ка!» он невозможен, по крайней мере, в том плане, чтобы в этом вопросе соблюдалось условие искренности (очень вероятно, что за вопросом, если даже он будет задан, последует инвектива). Слабоинвективные контексты могут быть противопоставлены сильным контекстам и в аспекте иллюкутивных свойств. Так, например, из фразы «Девушки, сгиньте отсюда» не вытекает коммуникативного намерения оскорбить, так как можно предположить и коммуникативную неудачу, вызванную сбоем в кодировании (хотел сказать одно, а сказал другое), а также низкий уровень владения языком (с этой точки зрения для говорящего нормально то, что он сказал). Между двумя названными полюсами расположена остальная лексика и фразеология, часть которой тяготеет к обценным словам (такое слово, например, как «гнида», по степени оскорбительности близится к матам). Другая же часть тяготеет к оценочным ресурсам русского языка, к этой части, например, относится слово «дурак».

В настоящее время не представляется возможным дать более точное описание инвективных ресурсов русского языка, чтобы осуществить это необходимо проведение экспериментов с привлечением большого количества информантов, думаем, что это для юрислингвистики дело недалекого будущего.

2.1.6 Другие формы речевого поведения, способные вызывать перлокутивный эффект обиды (обвинение и понижение статуса)

Структура речевого поведения, которая может быть описана ниже приведенной формулой, связана с воздействием на адресата в аспекте управления или подчинения адресата говорящему.

Условие: слова говорящего обращены непосредственно слушающему или говорящий считает, что X слышит высказывание.

- А) Знаю, что ты сделал X
- Б) Знаю, что X считается негативно ценным
- В) Говорю тебе, что ты сделал X или занимаешься X
- Г) Говорю это тебе для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего

Подобные речевые акты производятся с целью утверждения о своем превосходстве по отношению к адресату сообщения. В основе этих речевых произведений лежат описательные высказывания. Например, если X говорит У-у, что У вор, и при этом У вор, то X использует негативную оценку воровства в обществе как инструмент для утверждения своего статуса и понижения статуса собеседника. Если слушающий знает, что он не делал того, что ему ставится в вину, он воспринимает данное сообщение как необоснованное обвинение (может быть, как клевету). Таким образом, основу данного речевого поведения составляют высказывания, в которые входят номинации, содержащие описание негативно оцениваемой деятельности (вор / украл, мошенник / обманул и т.п.).

Фактитивность не исключает оскорбительности, как это происходит, например, в утверждении: «Ты же бл*дь: со всеми подряд переспала». Очевидно, что говорящий выбирает слово «бл*дь», в том числе и для оскорбления адресата, во всяком случае возможна следующая реакция: «Это не твое дело с кем я сплю, но бл*дью ты меня называть не смеешь!»

С данным типом речевого поведения тесно смыкаются речевые акты обвинения, которые строятся по следующей схеме:

- А) Знаю (предполагаю), что ты сделал X
- Б) Знаю, что X считается негативно ценным
- В) Говорю тебе (*факультативно* – в присутствии третьих лиц), что ты сделал X
- Г) Говорю это тебе для того, чтобы ты признал свою вину (либо доказал свою невиновность).

Очевидно, что перечисленные формы речевого поведения не исчерпывают смежных с оскорблением форм, полное их описание является перспективой юридической лингвистики и лингвистической экспертологии.

2.1.7. Проблемы экспертной квалификации неприличной формы

Хорошо известна проблема, которая связана с тем, что объем и содержание понятия «неприличная форма» трудно определимы, но мы уже отмечали, что проблема определения не является важной, поэтому в данном разделе попытаемся переформулировать эту проблему из проблемы определений в проблему фактического характера.

При квалификации той или иной формы как приличной или как неприличной перед нами, очевидно, встает проблема тождества, в данном конкретном случае проблема тождества по признаку приличное / неприличное. Постараемся ответить на вопрос, когда и почему в лингвистике возникает проблема тождества? Нет сомнений, что эта проблема самая частотная в лингвистической науке: проблема тождества фонемы, разграничения полисемии и омонимии, обобщения морфов в морфемы и другие – являются вариантами проблемы тождества языковых единиц. Почему все-таки встают эти проблемы, и они полагаются значимыми для лингвистики. Напомним ту логику, которую мы развивали в разделе 1.4.2. Проблема тождества, равно как и проблема разграничения языка и речи, восходит к двум эмпирически наблюдаемым фактам: а) бесконечной вариативности речевых произведений и б) факту взаимопонимания общающихся на одном языке. Таким образом, введение эмического уровня, так же как и введение категории «язык» является попыткой ответа на вопрос, как возможно взаимопонимание при условии бесконечной вариативности речевых произведений. Если мы принимаем теорию, противопоставляющую язык и речь, то на поставленный вопрос мы можем дать примерно такой ответ: носители языка способны обобщать конкретные речевые произведения или их фрагменты, то есть они способны воспринимать различные

речевые произведения как сходные, как не отличающиеся друг от друга, эту функцию выполняет эмический уровень, или язык, который иначе можно назвать кодом.

Этот экскурс в проблематику лингвистической теории необходим, для того чтобы проблема неприличной формы могла быть поставлена в удовлетворительной форме. Попробуем переформулировать эту проблему. Если принимать в качестве истинного противопоставление этического и эмического уровней, то проблема «Что такое неприличная форма?» может быть переформулирована следующим образом: «Существует ли в русском языке (=на уровне кода) эмическая единица, позволяющая отождествлять различные фрагменты речевых произведений как приличные и неприличные?». Если ответ положителен, то эта проблема по своему характеру ничем не отличается от проблемы отнесения того или иного звука в фонему, если ответ отрицателен, то необходимо найти какие-либо иные переформулировки проблемы неприличной формы.

Положительный ответ на вопрос означал бы наличие инвариантных форм поведения, обязательных для всех носителей языка, так фонема – это, прежде всего, инвариантная форма поведения. Если мы выбрали формулировать свои мысли на русском языке, то мы также выбрали, что будем кодировать и отождествлять звуки определенным образом. Очевидно, что в области приличной и неприличной формы таких инвариантных форм нет, что говорит, скорее, о том, что данное противопоставление не принадлежит коду русского языка. Другими словами этот тип информации не кодируется в сообщении. Это, например, вытекает из того, что слова типа «гнида» не противопоставлены словам типа «г*вно» как неприличное приличному, и нет никаких показаний, для того чтобы считать, что эти слова противопоставлены оппозиционно, так же как, например, противопоставлены по полу слова «мама» и «папа». Однако есть определенные основания считать их различными относительно речевого поведения, их отличие заключается в том, что они **оцениваются** по-разному. Относительно матов существует этико-лингвистическое соглашение их не употреблять в любом виде (например, и междометно), тогда как относительно

необсценных слов, вероятно, существует негласное соглашение в оценке: «Оскорблять других людей нехорошо». Интересен тот факт, что это соглашение всегда может нарушаться, и это роднит данные явления с явлениями права, где соглашения не делать что-то, устанавливаются именно относительно того, что нарушается или способно быть нарушенным. (Очевидно, то, что не нарушается, не может быть предметом регулирования нормы, напомним, что бессмысленно предписывать дыхание). Сказанное позволяет утверждать, что противопоставление приличного и неприличного является метапротивопоставлением, то есть находится не на уровне владения языком, а на уровне рефлексии о языке. Это метапредставление связано с этико-лингвистическими нормами. И в этом аспекте данные нормы ведут себя так же, как и все остальные нормы: они абсолютны и ситуационны, они объективны и субъективны. То есть они ведут себя как нормы, а не как факты (о разграничении фактов и оценок / норм см. раздел 1.2.). Это объясняет тот факт, что при общении с наличием неприличных слов всегда, явно или скрыто, присутствует метаконтекст (другими словами, определенная метадеятельность), как в форме простых призывов к совести, так и в процессе перебранки, где брань на оскорбление есть ко всему прочему и метаязыковое высказывание, оценивающее исходную ругань. Это позволяет понять, как человек, который не принимает мата, способен оправдать его употребление в какой-либо конкретной ситуации. Вероятно также, что эти нормы и противоречивы, так что речевой кодекс, который может быть выявлен и описан, вполне может содержать противоречивые высказывания о лингво-этических нормах.

Сформулируем основную мысль данного раздела: в настоящее время в лингвистической экспертиологии относительно метаязыкового уровня кодирования информации, пожалуй, не вызывает сомнений наличие лишь одной абсолютной нормы по отношению к языковым средствам – а именно, в русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обсценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность (см. об этом [Жельвис, 2007]. Употребление других языковых средств оценивается как неприличное по отношению к другой шкале – оскорбление как

форма речевого поведения оценивается как неприличная, и в данном случае не является важным, в какой форме (обсценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление.

2.2. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о клевете и распространении не соответствующих действительности порочащих сведений

2.2.1. Общая характеристика экспертных задач

В рамках данной категории дел перед лингвистом, как правило, ставятся следующие вопросы:

1. Содержатся ли в тексте негативная информация об Х-е (физическом лице или субъекте делового оборота)?
2. Выражена ли эта информация в форме утверждения о фактах или в форме оценочного суждения или мнения?

На экспертизу предоставляются непосредственные (как правило, печатные тексты) и косвенные источники информации.

Относительно данной категории дел остаются не выясненными следующие вопросы:

1. Как в естественном языке противопоставлены утверждения о фактах (или «Что происходит, когда мы утверждаем факты») и утверждения оценок или выражения мнений («Что происходит, когда мы утверждаем оценки или выражаем свое мнение?»).
2. Почему необходимо решать вопрос о наличии / отсутствии негативной информации об Х-е?

Ответу на эти вопросы и посвящены следующие далее разделы книги.

2.2.2. Фактитивные и оценочные утверждения как феномен права

Цель данного параграфа – обосновать положение о том, что фактитивность / оценочность не составляет какой-либо юридической оппозиции оскорблению, в том смысле как это принято в настоящее время (см. также раздел 2.1.3.). Фактитивность и оценочность с юридической позиции – это тип ситуаций (действий), которые влекут за собой определенные

юридические последствия, и нет никакой необходимости для их рассмотрения только как противопоставленных оскорблению и клевете в том смысле, что оскорбление и клевета – это уголовные дела, а распространение порочащих сведений – это «гражданское дело». Так что, когда в экспертном исследовании мы решаем проблему фактивности, то мы решаем не юридическую проблему, запрещать ли нам анализируемое высказывание, но решаем описательную проблему: как «ведет» себя исследуемое высказывание. На основании этого описания юридическое решение о запрете и санкциях (равно как и о «незапрете») принимает суд.

Более удобно продемонстрировать обоснованность данного тезиса на примере запретов поведения, связанного с утверждением ложных фактивных высказываний.

Помимо традиционных категорий дел, которые хорошо известны лингвистам под названиями «Клевета» и «Защита чести, достоинства и деловой репутации», ложная фактивность как юридический факт (вид неправомерного поведения) входит в состав, например, следующих уголовно-правовых норм:

1. Статья 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма
2. Статья 197. Фиктивное банкротство
3. Статья 198. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица
4. Статья 306. Заведомо ложный донос
5. Статья 307. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод
6. Статья 140. Отказ в предоставлении гражданину информации

Все преступления, перечисленные выше (за исключением ст. 140) – преступления с формальным составом, они считаются законченными с момента сообщения ложных сведений, и преступность этих деяний не связана с тем, что они обязательно должны влечь негативные последствия. Для квалификации данных деяний как преступных необходимо установить наличие прямого умысла на их совершение, необходимо установить факт, что Х знал, что сведения ложные, но сообщал их У-у. В отличие от этих преступлений, преступление, предусмотренное ст. 140 –

преступление с материальным составом, так как согласно диспозиции необходимо, чтобы «деяния причинили вред правам и законным интересам граждан» (ст. 140 УК РФ). Таким образом, данное преступление возможно и как совершенное с косвенным умыслом, а для вынесения решения необходимо доказать факт наличия причинно-следственной связи между, например, сообщением заведомо ложных сведений и наступлением негативных последствий (нарушением прав и интересов граждан).

Естественно, что список норм, который представлен выше, не является исчерпывающим (ст. ст. 19.13, 19.18 КоАП; ст. 37 Земельного кодекса РФ и т.п.), но в данном разделе перед нами и не стояла задача по выявлению в праве всех норм, касающихся исследуемой проблемы. Еще раз отметим, что фактитивность и оценочность в праве полагаются видом событий, относительно которых возможна постановка вопросов, которые способны описать данные действия в высказываниях со значениями «истинно» и «ложно».

2.2.3. Проблема разграничения категорий «событие», «оценка», «факт», мнение»

2.2.3.1 Проблема разграничения категорий «сведение» / «мнение», «оценка» / «факт»

Проблема разграничения категорий сведения и мнения, оценки и факта не является ясной: не совсем понятно, во-первых, к какой области лингвистических проблем относится данное противопоставление и, во-вторых, не совсем ясно, как понимается эта проблема в конкретных работах, посвященных проблемам юридической лингвистики и лингвистической экспертизы.

Поясним последовательно оба момента. Первый момент связан с отсутствием в юридической лингвистике ясной формулировки лингвистической проблемы разграничения фактов и мнения или фактов и оценки. Такие общие вопросы, как: «К какой области – семантике или прагматике – относится данная проблема (другими словами, это проблема семантическая, прагматическая или относится и к той и к другой области)?» пока остаются открытыми.

Второй момент заключается в следующем: в конкретных публикациях и экспертных заключениях, посвященных данному вопросу, остается неясным, из каких содержательных предпосылок исходит лингвист при решении вопроса о том, что отражено в тексте – утверждение о фактах или оценка (мнение). Это заключается в том, что в лингвистических экспертизах знание о том, что является фактом, а что – мнением, находится в большинстве случаев в части «дано», а не в части «требуется доказать», а при описании случаев разграничения отсутствует опора на условные высказывания формы «если X, то Y», а потому отсутствуют описания, которые построены по образцу: «Это утверждение о фактах, потому что... или так как...». Эти формулировки, очевидно, связаны между собой: знание условных высказываний влечет за собой возможность вывода.

Если перед нами есть явления X, Y, Z и т.п., то это утверждение о фактах.

Перед нами утверждение о фактах, потому что перед нами явления X, Y, Z.

Таким образом, большинство экспертных заключений выполняется по методу определений, а именно по методу интуитивного решения о том, подходит ли данное утверждение под понятие (или в другом аспекте – под определение, а, может быть, под слово) «факт» или нет, а данный метод может быть признан субъективным. Объективным данный метод мог бы быть только в случае, если все люди или лингвисты знали обо всех утверждениях, факты они или мнения, но очевидно, что такого не наблюдается.

Случаи же когда в работах по разграничению факта и мнения применяются какие-то критерии можно свести к нескольким:

1. Модальный критерий. Мнение – это то, что маркируется модальными словами и конструкциями. Сведения – это то, что такими конструкциями не маркируется.

2. Гносеологический критерий. Факты – это то, что проверяется на предмет соответствия действительности, мнение – то, что не проверяется.

3. Онтологический критерий. Факты – это то, что принадлежит действительности, мнения – то, что не принадлежит действительности, но является частью картины мира говорящего.

Из трех представленных критериев, пожалуй, лишь один не может быть положен в основание противопоставления фактов и мнения, это гносеологический критерий. Во-первых, очевидно, что определение потенциальной проверяемости высказывания не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, более того, в теории познания проблема верифицируемости не является решенной, так что обыденные представления лингвиста о том, что верифицируемо, а что – нет, вряд ли могут являться надежным источником решения вопроса о квалификации высказывания в аспекте его принадлежности к высказываниям о фактах или оценочным суждениям. Так, например, с точки зрения теории познания оказываются принципиально непроверяемыми утверждения с кванторами «всякий», «каждый», другими словами, предложения, построенные по типу «Все лебеди белые», принципиально непроверяемы, сюда же относятся все утверждения, которые являются законами природы (например, любой закон физики принципиально непроверяем) [Поппер, 2004]. Думаем, нет необходимости говорить о том, что предложение «Все лебеди белые» – это фактическое предложение. Следует отметить, что описанное положение дел справедливо лишь для операций с бесконечными множествами, если множества конечны, то утверждения с квантором «каждый» проверяемы. Это значит, что мы можем проверить, что все столы в каком-то конкретном месте (например, в конкретной комнате) являются небелыми.

Во-вторых, наличие у высказывания значения «истина» не означает наличия эффективного способа верификации этого высказывания. Иными словами, высказывание может быть истинным и при этом может не быть способа проверки высказывания на предмет истины / лжи [Поппер, 2004]. Таким образом, потенциальная непроверяемость (которая всегда может быть трансформирована в субъективно обоснованную проверяемость) высказывания не может являться критерием для его признания оценочным суждением (мнением).

Вторые два принципа, безусловно, могут быть при соответствующих модификациях рассмотрены в качестве содержательных оснований для решения проблемы разграничения фактов и мнений. Рассмотрим каждый из них.

1. Онтологический критерий. Противопоставление субъективного и объективного может мыслиться (и как мы полагаем, такое представление имеет место в некоторых работах) как противопоставление исключительно принадлежащего субъекту высказывания, а потому не могущего быть истинным и ложным, с одной стороны, утверждению о мире, с другой. Относительно последнего типа утверждений полагается, что они могут находиться на шкале истинно и ложно. В общем, как мы уже отметили, такое понимание может быть признано в качестве презумпции, но со следующими уточнениями: как противопоставление утверждений о ментальных состояниях утверждениям о состоянии мира, которые не зависят от таких состояний. При этом утверждения о ментальных состояниях могут быть истинными и ложными, другими словами, мы не согласны с тем, что субъективные мнения не могут быть проверены на предмет их соответствия действительности, то есть не могут быть фактическими высказываниями. Приведем пример, который иллюстрирует обозначенные положения.

На рисунке изображены две линии, которые пересекаются углами.

Предположим, что кто-то утверждает: «Я вижу, что горизонтальные линии сужаются по направлению вправо». Очевидно, что утверждающий искренен, так как истинно, что он видит, как две горизонтальные линии сужаются по направлению вправо. Тогда как утверждение о самих линиях (а не о том, что видит говорящий) будет ложным, то есть будет ложным утверждение: «Линия А и линия В сужаются по направлению вправо, то есть слева расстояние между этими линиями больше, чем справа». Это утверждение ложно, так как эти линии на самом деле параллельны.

Принципиально, что утверждения о ментальных состояниях – это тоже утверждения о фактах, фактах виденья, чувствования и т.п., вероятно, некоторые из этих утверждений

могут быть проверены на предмет их истинности и ложности. В теории речевых актов данное свойство называется условием искренности речевого акта, знаменитый пример «Идет дождь, но я так не считаю» интерпретируется как высказывание, которое не является логическим противоречием

Действительно, предположим следующую ситуацию: существует человек, на которого не оказывают влияния углы в изображенных выше линиях, и он видит, что прямые параллельны, но по каким-то соображениям говорит то же, что и другие: «Эти прямые сужаются вправо», если он видит их параллельными, но утверждает об их непараллельности, то он утверждает ложь относительно своего видения этих прямых.

Таким образом, если говорящий описывает свое ментальное состояние, утверждением, которое не соответствует этому состоянию (это является к тому же ложным высказыванием о таком состоянии), то он неискренен и наоборот.

Изложенное способно объяснить второй критерий противопоставления фактов и мнений, а именно модальный. Модальные слова служат смягчению иллокутивной силы утверждений: они делают из утверждений сообщения о ментальных состояниях субъекта, отправителя сообщений, отсюда и понятное требование, предъявляемое речевой этикой: «Не утверждай о фактах, если ты хоть в малейшей степени не уверен в том, что именно так обстоят дела». Употребляя вводные конструкции «по моему мнению», «вероятно», говорящий оставляет за собой право на ошибку, тем самым он не возлагает на себя ответственность за истинность высказывания, так как всего лишь утверждает о своих ментальных состояниях либо просто смягчает категоричность утверждаемого. Безусловно, при этом он может быть неискренним (говорящий может вводить «по-моему», тогда, как он считает, что «безусловно»).

Таким образом, первое противопоставление привело нас к решению проблемы разграничения с точки зрения прагматики: утверждение истинности или ложности пропозиции – это речевой акт, обладающий условиями искренности и т.п. Направленность утверждения на различные объекты (внутреннее состояние

говорящего и состояние мира) порождает утверждение о фактах и событиях и утверждение о ментальных состояниях говорящего.

Семантический аспект проблемы выступает в качестве самостоятельного аспекта. Это аспект проблемы сводим к двум оппозициям:

1. Утверждения мнения связываются с неопределенностью речевых сообщений, тогда как утверждения фактов сводятся к более определенным сообщениям.

2. Утверждения о фактах или событиях противопоставлены оценочным высказываниям.

Далее рассмотрим более подробно каждую из названных оппозиций.

2.2.3.2. Противопоставление определенных и неопределенных высказываний

Принцип неопределенности тесно связан с категорией проверяемости высказываний: достаточно неопределенные высказывания полагаются непроверяемыми или «труднопроверяемыми», что является основанием для отнесения последних к категории мнения. Выше мы уже отметили, что проверяемость не может являться содержательным основанием для противопоставления, здесь же укажем, что неопределенность высказывания как его семантическая характеристика не предполагает того, что перед нами мнение. Это следует из двух фактов, во-первых, из неопределенности высказывания не следует, что конкретное высказывание является утверждением о ментальном состоянии говорящего. Этот аргумент можно игнорировать, если не принимать те соображения, которые мы изложили выше по поводу разграничения высказываний о мире и высказываний о ментальных состояниях и их связи с категориями фактов и мнений, поэтому важным оказывается второй аргумент: любое высказывание обладает какой-то степенью неопределенности, а потому неопределенность не может являться критерием, конечно, если мы не ставим перед собой цели доказать, что все высказывания являются мнениями.

В общем случае можно выделить два типа неопределенности, первый тип – неопределенность, которая

является частью информации в речевом сообщении, и второй тип – неопределенность, связанная со свойствами языкового кода.

Первая ситуация касается неопределенности, которая может быть выражена в самом высказывании. Например, в высказывании «Вошел какой-то человек» говорящий утверждает, что вошел человек, и он (говорящий) не знает, что это за человек, например, он не знает его имени и фамилии, не знает где и кем он работает и т.п. Безусловно, в данном случае мы имеем не только утверждения о мире, но и утверждения о ментальных состояниях субъекта речевой деятельности.

Примером второго типа, который связан с неопределенностью языкового кода, может служить, вероятно, любое высказывание русского языка, приведем яркий пример: из высказывания «В комнату вошел лысый человек» невозможно вывести, насколько лыс был тот, кто вошел, поэтому будучи экспертом мы можем рассуждать примерно следующим образом: «Нет критериев для выделения лысого человека, «лысость» – субъективная оценка ситуации говорящим. Другими словами, тот, кто вошел, по мнению говорящего, может быть оценен как лысый, поэтому часть анализируемого утверждения «Человек был лыс» является мнением говорящего».

Описанная логика базируется на следующих принципах.

Первый из них связан с возможностями любого языка представить ситуацию как объективную либо как субъективную. Рассуждая так, мы используем возможность, предоставляемую нам языком, мы способны интерпретировать все факты как мнения (то есть переформулировать фактические высказывания так, чтобы они имели форму субъективного мнения). Предложение «Дождь идет» в каком-то отношении равно предложению «Считаю, что дождь идет». Всегда сохраняется возможность сказать, что любое предложение, скажем, «Дверь открыта», на самом деле означает то, что говорящий утверждает, что то, что он наблюдает, интерпретируется им как «Дверь открыта». В такой логике актуализируется тезис о том, что любой язык и при этом весь язык интерпретативен, а отсюда выводимо, что все является отражением виденья говорящего, и свойство лысости как раз наглядно иллюстрирует это обстоятельство. Категория факта как

соответствия утверждаемого реальному положению дел при таком подходе, вероятно, сохраняется в вымышленном мире, можно сказать, что эту категорию мы придумали, потому что мы привыкли употреблять языковые выражения, как если они были бы фактическими утверждениями. Другими словами, мы употребляем некоторые предложения, думая, что они указывают на свойства или отношения, присущие реальному миру, тогда как на самом деле мы лишь утверждаем о своих интерпретациях неопределенного и независимого потока событий, который оказывает на нас какое-то воздействие. Мы также можем утверждать, что перерабатываем мир каким-то образом и все утверждения о мире, понятия (либо категории) – это наши (человеческие) категории и утверждения, и им ничего не соответствует в мире. Таким образом, все наши утверждения о мире – это наши субъективные мнения о мире.

Второй принцип заключается в следующем. Данная логика исходит из презумпции важности точных определений: для того, чтобы мы смогли наверняка утверждать, мыслим ли мы факт «Этот человек лыс», мы должны определить критерии того, когда человек действительно лыс или ответить на вопрос: «Что такое быть лысым?».

Два описанных следствия могут быть проанализированы следующим образом. Очевидно, что когда мы утверждаем, что «Человек лыс», то для нас значимо не только наше ментальное переживание «лысости» человека, но мы стремимся утверждать что-то и о свойствах человека, который, как мы полагаем, находится вне нас. В общем категории и представления, равно как и утверждения, являются действительно нашими (то есть относятся к человеку и его интерпретации мира), но все-таки они могут соотноситься с миром, то есть утверждать что-то о мире, а не только ментальных состояниях человека, это вытекает из факта, что мы можем ошибаться в своих утверждениях, то есть высказывать ложные утверждения о мире [Поппер, 2004].

По поводу же второго следствия можно отметить следующее. Определения понятий (и, в частности, точные определения), по нашему мнению, не очень важны для описания действительности: все носители языка имеют опыт успешного применения неточных понятий в целях описания реального

положения дел; такого нечеткого содержания, какое заключено в понятии «лысый человек», оказывается достаточным, чтобы передавать информацию о внеязыковой действительности. Очевидно, что такие предикаты могут использоваться описательно, но при этом объем информации, которую они кодируют, имеет какую-то зону неопределенности. Например, выражение «Этот человек был лыс» может использоваться неискренне, в целях ввести в заблуждение, например, следствие или суд, а потому говорящий способен его употреблять в ложном значении. Объем описательной информации этого термина связан с тем, что оно не может быть употреблено относительно человека, у которого густые волосы, несмотря на то, что признак «обладать густыми волосами» так же, как и «быть лысым» неопределенен. Неопределенность концептов достаточно детально описана в концепции Дж. Лакоффа, но такая неопределенность, на наш взгляд, не влечет за собой релятивность познавательных процедур, так как в центре познавательных процедур стоят не понятия, а истинные или ложные утверждения о предметах реального мира, поэтому мы всегда можем вводить новые названия для обозначения фрагментов действительности, которые «ведут себя» другим образом, нежели прежде выделенный фрагмент. Проиллюстрируем это утверждение следующим примером, этот пример взят из работы Дж. Лакоффа [Лакофф, 2004]. Примеры, которые анализируются далее, в работе Дж. Лакоффа даются в целях описания других проблемных ситуаций, а именно в целях подтверждения гипотезы о «жизнеспособности» категорий базового уровня, что обуславливает стремление человека, а в данном случае ученого, к единственно правильной классификации, но эти примеры способны проиллюстрировать и выдвигаемый нами тезис о том, что определение понятий не является важным для того, чтобы производить описательные высказывания (чтобы давать описания).

В своей книге Дж. Лакофф приводит спор, который существует в биологии между так называемыми кладистами и фенотипистами. Приведем выдержку из этой работы.

«Около 20 000 видов позвоночных имеют чешую и плавники и живут в воде, однако они не образуют единую

кладистическую группу. Некоторые – в частности, двоякодышащие рыбы и целакант – с генеалогической точки зрения близки к существам, которые выползли на землю для того, чтобы превратиться в амфибий, рептилий, птиц и млекопитающих. В кладистической классификации форели, двоякодышащих рыб и каких-либо птиц или млекопитающих **двоякодышащие рыбы должны образовать группу, родственную воробьям и слонам**, (выделено нами – К.Б.) оставив форель в ее ручье. Признаки, формирующие наше обыденное понятие рыбы, все являются общими первичными признаками (shared primitives) и поэтому не могут быть основой для выделения кладистических групп.

В этом месте многие биологи возмутятся, и я думаю, справедливо. Кладограмма форели, двоякодышащей рыбы и слона вне всякого сомнения является правильным отражением порядка ветвления во времени. Но неужели классификации должны основываться только на кладистической информации? **Целакант выглядит как рыба, ведет себя как рыба, имеет вкус рыбы и следовательно – в некотором законном, хотя и выходящем за пределы косной традиции смысле – является рыбой** (выделено нами – К.Б.). К несчастью, эти два типа информации – порядок ветвления и общее подобие – не всегда дают совпадающие результаты. Кладисты отвергают общее подобие как ловушку и иллюзию и работают только с порядком ветвления. Фенотиписты пытаются работать только с общим подобием и стараются измерить его в тщетной погоне за объективностью» [Лакофф, 2004].

Данный фрагмент ярко иллюстрирует то, как исключительно словесная проблема может являться препятствием для поиска дескриптивных утверждений. Что мы имеем в виду? Очевидно, что в результате биологического исследования мы имеем следующие дескриптивные утверждения:

Из класса существ, которых мы называем рыбами, выделяются два подкласса:

1. Существа, ведущие себя как рыбы и генетически являющиеся рыбами.
2. Существа, ведущие себя как рыбы, но генетически не являющиеся рыбами.

Очевидно, что этими утверждениями исчерпывается дескриптивная информация представленного спора, относительно же продуктивности вопроса о том, что такое рыба, возникают следующие сомнения: «Так ли важен этот вопрос? К чему ведет его решение?» И, быть может, самый важный вопрос: «По каким причинам ответ на него такой, что **слово** «рыба» – это **название** класса существ, ведущих себя определенным сходным образом (например, живущих в реке), но класса, который не является генетически однородным, не может быть признан удовлетворительным?». На данном этапе мы не можем привести никаких аргументов в пользу того, что этот ответ не исчерпывает поставленной проблемы, и думаем, что весьма вероятно, что эта проблема является исключительно словесной, сводящейся к проблеме называния. Пожалуй, к этому можно и необходимо добавить только то, что ранее, когда мы употребляли слово «рыба», мы полагали (и очевидно, были уверены), что класс, который мы именовали этим именем, однороден и генетически (а не только относительно поведения), и при этом мы ошибались, так как это предположение оказалось ложным. Наличие же спора вполне объяснимо стремлением сохранить наши прежние убеждения, потому что, действительно, в каком-то смысле необычно и непонятно, как могло получиться так, что то, что было ранее рыбой, в каком-то смысле не является рыбой. Это, на наш взгляд, иллюстрирует жизнеспособность ранее принятых теорий мира, которые выражаются в словах и высказываниях. Так, например, метаязыковое сознание «сопротивляется» утверждению, что орфография «от правил» не является коммуникативно-ориентированной орфографией, так как утверждение о том, что если мы будем неправильно писать, то нас не поймут, настолько естественно, что способно устоять против любой критики, на каких бы ясных и отчетливых аргументах она ни основывалась (см. об этом [Голев, 2004])

Подводя промежуточный итог, отметим, что проблемы определения терминов, которые связаны с неточностью употребления имен и предикатов не являются научно значимыми за исключением собственно лингвистики как науки, одной из задач которой является описание значения слов, высказываний,

грамматических категорий. Мы также полагаем, что язык обычно используется именно таким образом всеми его носителями, он используется, в том числе и для утверждения положения дел в мире при помощи неопределенных и приблизительных значений, цель же что-то точнее определить, очевидно, возникает либо в метаситуациях (например, в лингвистической философии) либо в случаях подлинного непонимания или недопонимания содержания сообщения, которое слушающий должен декодировать. И в этом плане в языке как коде заложен своего рода механизм для преодоления этой ситуации: слушающий может всегда задать вопрос и уточнить содержание сообщения. Так, неопределенное предложение «Вошел врач» может быть уточнено при помощи вопроса о поле врача: «Был ли этот врач, который вошел, мужчиной?».

Выразим эту мысль более ясно: для того, чтобы высказывать факты, не является необходимым, чтобы все вещи в мире или слова в языке были расклассифицированы идеальным образом, главное требование к словам – возможность их эффективного использования при кодировании информации, которую мы способны утверждать о реальном положении дел. Таким образом, категории как таковые оказываются неважными в том смысле, что любая категория сводима к истинному утверждению об объекте, а ответ на вопрос: «Что такое рыба?», сводим к следующему: «Рыба» – это совокупность истинных высказываний о том, что мы называем рыбой, плюс в идеальном случае еще одно высказывание о том, что перед нами все истинные высказывания о рыбе и нет больше других истинных высказываний о рыбе [Рассел, 2007]. Тот факт, что мы можем в чем-то ошибаться относительно реальной группы вещей называемых словом «рыба», не делает бессмысленным употребление слова «рыба» таким образом, как мы его употребляем – «с ошибкой». Когда тот, кто знает, что целакант в генетическом плане не рыба, употребляет слово «рыба», он всегда может сказать, что исключает при этом словоупотреблении целаканта.

Употребление слов по отношению к фрагментам мира не требует выяснения отношений этого фрагмента мира со всеми остальными фрагментами мира и, соответственно, слова со всеми

остальными словами языка, но требует, чтобы этот фрагмент был выделенным из других фрагментов, а его название было способно эффективно отличать этот фрагмент от других. В общем случае мы отличаем чаек от воробьев, и когда мы кодируем сообщение о чайках, мы употребляем слово «чайка», и относительно какого-либо предмета, который мы хотели бы назвать чайкой, но в силу каких-то причин не можем его так назвать, всегда можем сказать: «Какая-то странная чайка!», и если нас спросят, в чем была ее странность, мы можем выразить это в истинных утверждениях: «Она вела себя таким-то образом, а это, как ты знаешь, не характерно для чаек». Вопрос о том, что такое относительно реальной действительности на самом деле чайка, при таком подходе оказывается в каком-то отношении лишенным смысла. Слово «чайка» относительно фрагментов мира, действительно, употребляется достаточно неопределенно, но эта неопределенность не имеет значения по отношению к выполнению языком описательной функции.

Таким образом, степень точности или, с другой стороны, какая-то неопределенность слова, не может являться основанием для исключения высказываний из класса описательных, так как слово любой степени точности может употребляться описательно, и способность описывать связана не с его точностью, а с его содержанием, которое можно определить через негативные ситуации, а именно через те ситуации, в которых данный концепт, выступая как предикат, дает ложные высказывания (фактически здесь оказывается важным принцип оппозиции). В результате, конечно, мы можем получить предикаты, обладающие бедным содержанием, такие как предикат «лысый», но бедность содержания не является мерой оценочности предиката. Напомним, что наличие значения «истина» не предполагает наличия эффективной процедуры верификации высказывания, высказывания с бедным содержанием являются, по нашему мнению, достаточно яркой иллюстрацией этого факта.

2.2.3.3. Противопоставление оценочных и описательных (дескриптивных) высказываний

Не вызывает никаких сомнений то, что существуют оценочные высказывания, которые противопоставлены высказываниям описательным. Оценочными считаются, например, высказывания, содержащие предикаты хорошо / плохо, полезно / вредно, разрешено / запрещено и т.п. Основной признак противопоставления был найден Д. Юмом, это признак заключается в том, что высказывания о том, как должно быть логически не выводимо из высказываний о том, как есть. Этот принцип распространяется на все оценочные высказывания. Рассмотрим высказывания с предикатом «хороший». Если мы будем оценивать предмет как хороший, нам всегда можно задать вопрос, почему он хороший. Допустим, мы отвечаем, что предмет хорош, потому что обладает свойством X, очевидно, что при этом мы считаем, что обладание свойством X является в свою очередь хорошим, если мы спросим, почему это свойство хорошо, что можем получить ответ, что оно позволяет получить такой-то результат, а это хорошо, и так до бесконечности. В общем, мы не можем свести оценочные предикаты к описательным и наоборот, оценка всегда самостоятельна и не сводима к какому-то утверждению о фактах, поэтому будет всегда «сопровождать» исходный факт, по поводу которого она высказывается.

Еще раз отметим, что это свойство трактуется как такое, что оценочные высказывания не могут быть истинными и ложными (не имеют истинностного значения). Так, например, создатель деонтической логики Г.Х. фон Вригт отмечает: «Меня, как и Э. Малли, не беспокоила проблема истины, когда я в 1951 году строил свою первую систему деонтической логики. Возможно, это является неожиданным, если принять во внимание то, что я неизменно полагал и полагаю, что (подлинные) нормы не имеют истинностного значения. Вначале я не соединял эту точку зрения с моей логической работой. Но скоро я понял, что проглядел проблему. Первой реакцией на это была мысль, что логика «имеет более широкие пределы, чем истина». «Деонтической логике, - писал я в предисловии своей книги «Логические исследования» (1957), часть ее философского значения придает тот факт, что **нормы и оценки, хотя и исключаются из области истины,**

являются все же субъектами логического закона» (выделено нами – К.Б.)[Вригт, 1986, с. 291].

Действительно, классическим примером оценочных высказываний являются деонтические высказывания, которые что-то запрещают и к чему-то обязывают, относительно этих высказываний вопрос об истине и лжи кажется решенным в том смысле, что они не могут быть истинными и, соответственно, ложными. Эти высказывания – не высказывания о фактах, а высказывания о наших решениях по поводу фактов. Когда кто-то говорит, что болезней быть не должно, его целью не является описание реальной действительности, а выработка определенного типа поведения по отношению к этой действительности, он, например, призывает прилагать все усилия к тому, чтобы человек не болел, или он хочет бороться с тем фактом, что в мире есть болезни. Смещение деонтических и фактитивных высказываний возникает, как правило, потому что, что само принятие решения и произнесение деонтического высказывания тоже является фактом. Так, то, что существует решение наказывать за кражу, является фактом, но все-таки сама норма «Красть нельзя» не является дескриптивной.

Менее четко на шкале оценочности / фактитивности располагаются аксиологические высказывания, высказывания с предикатами «хорошо» и «плохо», они-то собственно и составляют проблему разграничения оценочности и фактитивности.

В лингвистической литературе существует следующий критерий, противопоставляющий аксиологические суждения описательным: постулируется зависимость экстенционала оценочного понятия (=его объема) от субъекта-отправителя сообщения [Арутюнова, 1982, с. 22].

Данные критерии введены Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1982] и А. Вежбицкой (последняя опирается на Б. Рассела). Охарактеризуем эти критерии. В работе А. Вежбицкой признается, что оценочные предикаты являются «сгущенными индукциями», таким образом, содержание (под содержанием мы в данном случае понимаем область применения или экстенционал) таких предикатов всегда субъективно в том смысле, что зависит от конкретного говорящего. В каком-то смысле данное утверждение

является переформулировкой известного свойства оценочных высказываний: «Что хорошо для одного – плохо для другого». Добавим, что А. Вежбицкой было найдено интересное свойство оценочных понятий – они не употребляются для осуществления референции, при референтном употреблении таких имен возникает эффект цитации [Вежбицка, 1982]. На анализе этого свойства, мы остановимся далее, сейчас же необходимо ответить на вопрос, насколько свойства «быть сгущенной индукцией» или «субъективность экстенционала» значимы для противопоставления оценки и описания. Безусловен, по нашему мнению, факт, что в каком-то смысле все дескриптивные термины являются сгущенными индукциями, так, употребляя имя «лошадь», мы относим его к определенным элементам действительности, которые ведут себя сходным образом. Таким образом, говоря о лошадях, мы вынуждены делать какие-то эмпирические обобщения, мы отбрасываем ненужную эмпирическую информацию о лошадях (например, об их цвете), отождествляя всех лошадей в каких-то других отношениях. Поэтому это свойство, по нашему мнению, не может быть признано значимым для разграничения оценок и фактов.

Но и то, что касается базового критерия, который, например, справедлив для высказываний, устанавливающих нормы (напомним, что это критерий отсутствия истинностного значения) при описании аксиологических оценок на первый взгляд не является таким уж очевидным.

Для того чтобы сомневаться в том, что оценочные высказывания не могут быть истинными и ложными имеются языковые основания. Когда кто-то говорит: «Этот нож хороший», он в каком-то смысле утверждает, что нож действительно хороший (истинно, что нож хороший), то есть поступает, как будто он утверждает дескриптивное высказывание. Возможны также и такие высказывания, как «Считаю, он поступил хорошо», и с какой-то точки зрения эти высказывания не противопоставлены дескриптивным: говорящий может быть неискренним, а это, значит, что он в какой-то мере утверждает ложь, когда ведет себя таким образом, что не считает, что конкретный человек поступил хорошо, но утверждает обратное «Он поступил хорошо». Очевидно

также, что в реальной речевой деятельности и метаязыковом сознании аксиологические высказывания часто «смешиваются» с дескриптивными, точнее сказать, что аксиологические высказывания употребляются в функции дескриптивных, по крайней мере, в ситуации общения всегда возможно «фактическое» обсуждение проблемы, что является хорошим. Эти типы высказываний зачастую не различаются и в метаязыковом сознании профессиональных лингвистов. Приведем пример, иллюстрирующий данный тезис: «Предположим, Катер заявляет, что его администрация выиграла центральное сражение в борьбе за энергию. Истинно ли это заявление или ложно? Даже сама постановка этого вопроса требует принятия, по крайней мере, основных частей метафоры. Если вы не признаете существование внешнего врага, если вы думаете, что нет никакой внешней угрозы, если вы не видите никакого поля боя, никаких мишеней, никаких четко определенных противоборствующих сил, тогда не может и возникнуть вопроса об объективной истинности и ложности. Но если вы видите реальность, так как она определяется метафорой..., тогда вы сможете ответить на вопрос положительно или отрицательно в зависимости от того соответствуют ли следствия из метафоры реальному положению дел. Если Картер посредством политических и экономических санкций, реализованных в соответствии с выбранной стратегией, принудил страны ОПЕК снизить цены на нефть наполовину, тогда вы могли бы сказать, что он действительно выиграл центральное сражение» [Лаккофф, Джонсон, 2008 с. 186].

Все эти примеры говорят о том, что оценки и описания не противопоставляются на уровне прагматики, и, следовательно, аксиологическая оценка не является отдельным речевым актом (как это принято, например, в [Вольф, 1985, с.165-169]) в том смысле, что оценка вообще не является речевым актом, но наряду с описаниями способна входить в речевые акты вопроса, утверждения и т.п.

Из этого следует, что необходимо найти другие свойства, которые противопоставляют оценку и описание, такие свойства, по нашему мнению, носят семантический характер.

Нужно сказать, что данные свойства в общем виде обнаружены в логической литературе: «Оценка является выражением **ценностного** отношения к объекту, противоположного **описательному**, или **истинностному**, отношению к нему. В случае истинностного отношения утверждения к объекту отправным пунктом их сопоставления является объект, и утверждение выступает как его описание. В случае ценностного отношения исходным является утверждение, функционирующее как образец, план, стандарт. Соответствие ему объекта характеризуется в оценочных понятиях» [Ивин, <http://psylib.org.ua/books/ivina01/index.>], хотя эта формулировка и не является достаточно ясной.

Основное свойство, которое присуще оценочным высказываниям в широком смысле этого термина можно определить как такое, что они конструируют какой-то возможный мир, и поэтому они ни истинны, ни ложны, так как мы вольны конструировать любой такой мир, тогда как описательные высказывания утверждают нечто относительно реального положения дел. Эту ситуацию, безусловно, необходимо пояснить. Все утверждения ценностей связаны с утверждениями о том, как должно быть в противоположность высказываниям о том, как есть, поэтому это утверждения о возможном мире, который описывает состояния предметов, явлений и отношений между ними, какими они должны быть в том смысле, что эти состояния признаются нами ценными или желательными. В этом мире, например, ножи режут так, что наши усилия при применении ножей минимальны, в этом мире нет голода и войн, и люди, вероятно никогда не оскорбляют друг друга. Пожалуй, это базовое основание для противопоставления, которое способно служить в качестве объяснения для реально наблюдаемых фактов. Например, это предположение совместимо с утверждением, что возможны абсолютные и относительные (последние можно назвать ситуационными) оценки. Абсолютные оценки – это ценности, которые разделяют все носители данной культуры, они «вне» какой-либо ситуации (например, «убивать нехорошо»), относительные – те, которые делаются относительно конкретной ситуации. Мы способны понимать и разделять эти оценки, потому

что способны понимать относительно какого эталона они делаются, а также способны спорить с ними, потому-то можем предлагать другие эталоны или сомневаться в том, что эти эталоны обоснованы. Это также способно объяснить, что, с одной стороны, оценки объективны в том смысле, что они способны определять наше поведение (если мы принимаем, что убивать нехорошо, то это обуславливает наше поведение), но одновременно они субъективны в том смысле, что оценки – продукт человеческой деятельности, и мы можем соглашаться или не соглашаться с ними, мы способны отбрасывать их и предлагать новые оценки, если посчитаем, что некоторые ведут к нежелательным следствиям или противоречат другим, например, более важным оценкам, в общем каждый свободен в выборе ценностей и этот выбор зависит только от него (дуализм фактов и решений подробно описан К. Поппером [Поппер, 1992]).

Таким образом, противопоставление фактических утверждений оценочным находится не в плоскости противопоставления субъективного и объективного (оценки в некотором смысле объективны и общезначимы), но в семантической плоскости как противопоставления оценок описаниям, описания семантически не требуют наличия никакого другого мира, кроме действительного.

Естественно, данный подход исключает то, что оценки могут быть истинными и ложными, тогда как высказывания о соответствии поведения оценкам, в силу объективности последних, могут быть истинными и ложными. Очевидно, что существует норма, негативно оценивающая кражу, в каком-то отношении мы договорились, что наше поведение, которое описывается словом «кража», является недопустимым, когда мы установили факт кражи, то автоматически мы имеем истинное утверждение о том, что мы нарушили конкретную договоренность. Таким образом, высказывание о несоответствии поведения общепринятой норме – это фактическое высказывание. Но допустим, кто-то утверждает, что рабство – это хорошо и полезно. Очевидно, что он утверждает ценность, противоположную ценности, которая принята в нашей культуре, в том смысле, что она противоречит этой ценности, при этом он, очевидно, не утверждает что-то о мире, и его

высказывание ни истинно, ни ложно. Цель этого высказывания – сформировать новый возможный мир, который способен служить эталоном, регулирующим поведение людей, согласно этому новому эталону люди, поработившие других людей, должны поощряться, так как ведут себя в соответствии с этим эталоном. Вероятно, истинно, что это не соответствует сложившимся нормам, но поведение говорящего не является описанием реальных ситуаций, это деятельность по установлению новых норм, а эта деятельность не описывается в параметрах истинно / ложно, поэтому вопрос о проверяемости данного утверждения не может быть поставлен, не говоря о том, что он не может быть решен.

Вернемся к поставленному в начале раздела вопросу: «Почему некоторые оценочные высказывания «ведут» себя как описательные?» Ответ, очевидно, будет следующим: ни одно оценочное высказывание не ведет себя, как описательное, а данный эффект возникает, потому что любое оценочное высказывание каким-то образом относится к фактам и, соответственно, к описаниям. Например, когда мы говорим, что этот нож хороший и имеем в виду, что для того, чтобы резать этим ножом требуется прилагать небольшие усилия, то мы утверждаем следующее: «Когда режешь этим ножом, то прилагаешь небольшие усилия, а это хорошо». Когда мы говорим, что этот нож хороший и имеем в виду, что он нам нравится, тогда мы утверждаем факт относительно своего ментального состояния, которое можно выразить высказыванием «Мне нравится этот нож», очевидно, что мы можем быть при этом неискренними. В конце концов, мы можем утверждать, что данный поступок является плохим, в том смысле, что он не соответствует сложившимся нормам поведения, то мы также утверждаем факт – истинное или ложное высказывание о соответствии поступка сложившимся нормам. Но когда мы утверждаем, что поступок плохой и имеем в виду, что данный поступок является негативно ценным в том смысле, что не нужно, чтобы наше поведение включало такие поступки, то мы утверждаем ценность, которая не может быть ни истинной, ни ложной и относительно которой можно только договориться о том, что мы не будем никогда так поступать. И если будет принято такое

решение, то эта ценность будет определять наше поведение, и будет в этом смысле объективной ценностью.

Безусловно, возможны и индивидуальные решения, которые также способны влиять на поведение. Когда конкретный человек решает, что никогда не будет нарушать данного им слова, то если он искренен и нарушит его, он, очевидно, будет испытывать дискомфортное психологическое состояние, быть может, связанное со снижением самооценки.

Подведем некоторые итоги:

1. Оценочные утверждения или утверждения ценностей не могут иметь истинностного значения (не могут быть истинными или ложными).

2. Противопоставление оценок и фактов не нуждается в объяснении при помощи противопоставления субъективного и объективного, для эффективного различения достаточно противопоставлять наши утверждения о фактах и наши решения по поводу фактов (в другой терминологии – категории «факта» и «решения»).

3. Утверждения о соответствии поступка (речевого или неречевого) ценностям является фактическим утверждением, которое в силу объективности оценок может быть проверено на предмет его соответствия действительности, так, например, если некто утверждает, что Х совершил кражу и это аморальный поступок, то он утверждает два факта:

А) Х совершил кражу

Б) Поступать так (совершать кражу) – это вести себя не в соответствии со сложившимися моральными принципами.

Таким образом, например, утверждение, что некто совершил аморальный поступок – это утверждение о факте.

Процедура проверки высказываний о соответствии поступков ценностям не принадлежит лингвистической науке, так как в пределы компетенции лингвиста не входит анализ ценностей, которые сложились в каком-то конкретном обществе или культуре. Так что выводы о том, что утверждение о краже Х-ом У-а, сообщает о том, что Х совершил аморальный поступок находится, строго говоря, за пределами лингвистики.

4. Из того, что произвольное предложение, включает в свой состав слова «хорошо» или «плохо» не следует, что все содержание данного предложения является аксиологическим.

2.2.3.4. Проблема разграничения категорий «факт» и «событие»

Необходимо кратко остановиться на проблеме разграничения категорий «событие» и «факт», так как отмечалось, что эта проблема весьма значима для лингвистической экспертизы. Тот факт, что в [Постановлении..., 2005] введены разграничения события и оценки, вероятно, связан именно с деятельностью лингвистов, хотя, конечно, это необязательно, но возможность именно такого положения дел делает важным рассмотрение этого вопроса.

В монографии [Понятие чести, достоинства..., 1997] факт определяется как верифицированное утверждение о действительности, событие как описание действительности. При этом важным критерием разграничения является неодинаковое отношения фактов и событий к истинности или отрицанию. Относительно событий полагается, что они либо есть, либо их нет, и они не могут быть истинными и ложными, тогда как относительно фактов принимается обратное. Данное различие объясняется тем, что факт – это интерпретированное событие, факта вне интерпретации не существует. Хотя мы согласны, что факта вне интерпретации не существует, но не менее правильным считаем и утверждение о том, что и события не существуют вне интерпретации, а потому думаем, что такое решение относительно противопоставления фактов и событий носит словесный характер.

1. Во-первых, ни одно утверждение о факте или событии не может быть верифицировано опытным наблюдением. На это свойство указал К. Поппер, приведем выдержку из его работы: **«Каждое дескриптивное утверждение имеет характер теории, гипотезы. Утверждение «Здесь имеется стакан воды» нельзя верифицировать никаким опытом наблюдения.** Причина состоит в том, что входящие в него универсалии нельзя отождествить с каким-то конкретным чувственным опытом... Словом «стакан», например, мы обозначаем физические тела,

обнаруживающие определенное законоподобное поведение; то же самое верно и для слова «вода»...» и далее «Тогда каков же ответ на проблему определения, или введения терминов типа «растворимый?... Допустим, что с помощью «редукционного предложения» Карнапа... нам удалось «свести» X растворим в воде к предложению «если X опущен в воду, то X растворим тогда и только тогда, когда он растворяется». Чего мы достигли? Нам нужно редуцировать термины «вода» и «растворяется» ... Иными словами, при введении предиката «растворим» мы не только вынуждены обращаться к слову вода, которое, по-видимому, является диспозицией даже более высокого уровня, но вдобавок попадаем в порочный круг: мы вводим «растворим» с помощью термина «вода», который, в свою очередь, сам не может быть введен без помощи предиката «растворим», и так далее до бесконечности» [Поппер, 2004, с. 456-457].

2. Во-вторых, относительно категории «факт» возможна такая словесная переформулировка, что факт также не будет ни истинным, ни ложным, более того он может только быть и не может не быть. Такая формулировка, например, представлена у Б. Рассела. Приведем ее. Возьмем факт, что Сократ мертв. «У вас есть две пропозиции: «Сократ мертв» и «Сократ не мертв». И эти две пропозиции соответствуют одному и тому же факту; в мире имеется один факт, который делает одну пропозицию истинной, а другую – ложной» [Рассел, 2007, с. 131]

Встает вопрос, есть ли, и если есть то, каково эмпирическое противопоставление фактов и событий? Думаем, что единственным значимым фактическим (=не словесным) разграничением события и факта является то, что высказывание события связано с фактом непосредственного наблюдения ситуации говорящим или потенциальной возможности такого наблюдения, тогда как для утверждения фактов наличие непосредственного наблюдения не является необходимым. По нашему мнению, только в этом смысле может быть понято то свойство событий, что они не могут быть ложными или истинными, они либо есть, либо их нет. Если мы наблюдаем, что дети гуляют и утверждаем, что «Дети гуляют», то, вероятно, мы описываем событие, но если мы в данный момент не видим, что они гуляют, но знаем наверняка, что они гуляют (или

знаем, что они не гуляют) и высказываем утверждение «Дети гуляют», то мы утверждаем фактитивное высказывание.

Но это разграничение не имеет практически никакого значения. То, что по отношению к прогулке детей мы можем **сказать**, с одной стороны, что это событие, а с другой стороны, то, что мы можем **наблюдать** то, что называется «прогулка детей» не представляет какого-либо значения. Во-первых, в принципе все возможно переформулировать в терминах событий или фактов, а во-вторых, по нашему мнению, нет никакой необходимости для выделения высказываний наблюдения в какую-то привилегированную категорию утверждений в том смысле, что только такие высказывания возможно принимать без доказательств, что они не нуждаются в верификации. Такие презумпции могут быть приняты и относительно собственно фактических высказываний (это наименование «собственно фактический» мы употребляем здесь, как если бы принималось противопоставление событий и фактов).

Решение о том, чтобы в класс проверяемых входили только события (=высказывания наблюдения), безусловно, приемлемо (как наше решение о том, что «подсудно», а что – нет), но должно быть проведено последовательно, например, с одной стороны мы должны признать событием следующее утверждение «Я видел как Х в 13-00 залез в карман У-у и вытащил оттуда кошелек» или «Я видел как солнце садится за горизонт», тогда как необходимо исключить из фактитивных такие предложения, как «Он нарушил закон» или «Ему пятьдесят лет». Для такого решения, очевидно, есть психологические основания (легче говорить о том, что видел или можешь увидеть), но нет ни языковых, ни логических оснований.

Относительно приведенных аргументов возможно следующее возражение: когда мы занимаемся наукой, то, вероятно, мы можем считать, что термины «факт» и «событие» эквивалентны, но когда рядовые носители русского языка пользуются русским языком в целях коммуникации, то это противопоставление оказывается значимым. Попробуем обосновать, что это не совсем так. Во-первых, ложность такой позиции вытекает из того, что все носители языка способны трансформировать события в факты и,

вероятно, обратно. Любой может произнести предложение: «Дети гуляют, и тот факт, что они гуляют, мне очень нравится!». С другой стороны, когда кто-то говорит: «Он нарушил закон», он говорит, в том числе, и о том, что имело место какое-либо событие и если его не было, то тот, кто говорит, лжет, тогда как, когда кто-то говорит: «Дети гуляют», он высказывает и общие утверждения о том, что тот фрагмент действительности, который ведет себя определенным образом, является детьми, тогда как всегда возможно, что это были взрослые (есть люди, которые остановились в своем развитии и выглядят, как дети) и в этом случае высказывание «Дети гуляют» является не непосредственным описанием события, которое либо есть либо нет, но высказыванием, которое не соответствует реальному положению дел, называть ли это высказывание фактом или называть его как-то по-другому не имеет никакого значения. Таким образом, и высказывания наблюдения, фиксирующие, что было и чего не было, и те высказывания, которые традиционно признаются фактическими и относительно которых принимается, что они могут быть доказаны или опровергнуты, по отношению к реальному миру представляют собой один и тот же тип высказываний в том смысле, что все они могут быть опровергнуты фактическим положением дел, и в этом отношении все они суть гипотезы [Поппер, 2002].

2.3. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о разжигании межнациональной, религиозной, социальной розни и призывам к экстремистской деятельности

2.3.1 Общая характеристика экспертных задач. Призывы как феномен права

В данном разделе рассматриваются задачи, которые ставятся перед экспертом по делам, регулируемым нормами 280 и 282 УК РФ. Мы намеренно объединили названные две категории дел в один раздел, так как считаем, что с точки зрения решаемых

лингвистических задач эти дела эквивалентны. В компетенцию лингвиста-эксперта по делам о разжигании межнациональной розни и призывам к экстремистской деятельности входит решение двух задач. Первая из них заключается в квалификации речевого поведения говорящего как оскорбления, но уже не по отношению к конкретному физическому лицу, а по отношению к группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности и т.п. Решение первой задачи ничем не отличается от того, как она решается по делам об оскорблении (см. раздел 2.1.5.). Наличие оскорбления как речевого действия способно являться доказательственным фактом по отношению к составам преступлений, предусмотренным статьями 280 и 282 УК РФ.

На второй задаче стоит остановиться более подробно. Эта задача также направлена на установление формы речевого поведения говорящего и может быть сформулирована (и часто именно так и формулируется) в виде следующего вопроса: «Присутствуют ли в спорном речевом произведении призывы?». На первый взгляд составы названных преступлений различны, но принятие в 2002 г. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», вероятно, сделало избыточным упоминание в тексте УК РФ состава преступления, предусмотренного ст. 282 и, как нам кажется, породило определенные проблемы в подсудственности этих дел: вся «словесная» проблематика стала относиться к подсудственности органов прокуратуры.

Основанием для того, чтобы утверждать об избыточности статьи 282 УК РФ (или, по крайней мере, одной из статей) является, по нашему мнению, следующее определение экстремистской деятельности:

«Экстремистская деятельность (экстремизм):

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- **возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;**

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения» [О противодействии..., 2002].

Более того, норма, сформулированная в статье 282, не исключает призывов, так как призывы – это тоже вид действий. Таким образом, какая-то из названных статей, возможно, лишняя. Думаем, что никто не будет утверждать, что цель статьи 280 – регулировать призывы к призывам к разжиганию розни, тогда как цель статьи 282 – регулировать просто призывы к разжиганию. Мы также понимаем, что действия, направленные на разжигание, могут быть не только призывами, но тогда они все очевидно экстремистские, и думаем, что при принятии нормы, сформулированной в ст. 280, никто не руководствовался следующим: к последственности ФСБ будут относиться все призывы к экстремистским действиям, тогда как к подследственности прокуратуры будут относиться публичные действия, направленные на разжигание, за исключением действий, которые являются призывами к разжиганию социальной, религиозной, межнациональной вражды.

Эти вопросы, безусловно, носят юридический характер, и их рассмотрение в данной работе необходимо лишь для того, чтобы еще раз показать, что установление объективных характеристик продуктов речевой деятельности не связано напрямую с юридическими проблемами, которые являются проблемами принятия решений по поводу конкретных фактов. Так, факт наличия в речевом поведении говорящего призыва рассматривается как по делам, предусмотренным 280 статьей, так и по делам, предусмотренным 282 статьей УК РФ.

В рамках рассматриваемой категории дел перед экспертами ставятся и вопросы пропозиционального содержания, а также вопросы, связанные с квалификацией действительных (=некоммуникативных) намерений говорящего, юридически направленные на установление формы вины лица, обвиняемого в совершении преступления. Еще раз отметим, что данные вопросы выходят за рамки компетенции лингвиста-эксперта, этот тезис обоснован нами в разделе 1.4.2. Поэтому в данном разделе мы описываем только одну задачу, которая связана с квалификацией речевого поведения говорящего. Вероятно, решение этой задачи действительно требует привлечения специальных познаний в области лингвистики, так как речевой акт призыва способен к нейтрализации в отдельных видах речевых произведений, но при этом, находясь в позиции нейтрализации, способен оказывать фоновое воздействие на адресата, пример такой ситуации описан в работе Н.Д. Голева [Голев, 2007].

3..53. Призыв как речевой акт

Участники. Участник 1 – говорящий, Участник 2 – воспринимающий (воспринимающий может представлять собой неопределенную группу лиц).

Иллокутивная цель. Говорящий, произнося высказывание, делает это для того, чтобы побудить слушающего к определенным действиям.

Условие искренности. Говорящий хочет, чтобы цель была достигнута и слушающий выполнил действия, к которым призывает говорящий.

Условия успешности. Для говорящего и слушающего неочевидно, что то, к чему говорящий побуждает слушающего, произойдет само собой (без побуждения слушающего к тому, чтобы он сделал X).

Высказывание-побуждение. Высказывание, в котором выражается побуждение слушающего к выполнению определенных действий. В ядерных случаях это высказывание, в котором присутствуют формы повелительного наклонения глагола, либо другие средства, которые способны выступать в функции побуждения (инфинитив, интонационные конструкции и т.п.).

Данные средства достаточно подробно описаны в пособии А.Н. Баранова.

Таким образом, **структура речевого акта призыва** имеет следующий вид:

- А) Хочу, чтобы было X
- Б) Знаю, что X не может произойти само
- В) Знаю, что если делать Y, то, возможно, что будет X
- Г) Знаю, что ты знаешь, что делать, чтобы было X
- Д) Знаю, что если буду говорить тебе, что необходимо, чтобы было X, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было X
- Е) Говорю тебе: необходимо, чтобы было X
- Ж) Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было X.

Рассмотрим каждую из частей описанного выше речевого поведения.

А) Если говорящий неискренен в том, что он хочет наступления А, то его целью является то, чтобы слушающий поступил так, чтобы его действия были направлены на то, чтобы наступило А. Например, говорящий знает, что слушающий, делая так, чтобы наступило А, потерпит неудачу, тогда его целью является неудача слушающего. Вполне также можно представить себе ситуацию, когда говорящий не хочет, чтобы слушающий выполнил те действия, которые отмечаются в призыве, это может наблюдаться, например, в случаях, когда говорящего принуждают призывать.

Б) Об условии Б необходимо сказать следующее. Если для слушающего очевидно, что событие произойдет само (при этом говорящий может думать, что это не так), то налицо коммуникативная неудача в перлокутивном отношении. Поясним сказанное: слушающий может воспринимать слова говорящего как призыв, но не реагировать на него как на призыв, то есть считать этот призыв лишенным смысла. Если же сам говорящий считает, что действие произойдет «естественным» образом, когда слушающий об этом не знает, то налицо факт неискренности

коммуникации, осуществляемой, например, в целях повышения своего статуса в будущем.

В,Г) Эти условия объясняют тот факт, что указание на конкретные действия в речевых актах призыва необязательно, призывающий всегда может употребить достаточно неопределенное высказывание, относительно которого нельзя точно сказать, к каким конкретным действиям оно призывает, также это объясняет возможность ситуации, когда говорящий не ожидает того перлокутивного эффекта, который имеет место после призыва. Например, если говорящий высказывает следующее: «Давайте сделаем так, чтобы эта власть перестала наглеть» и не имеет в виду того, что после произнесения слов все должны вооружиться подручными средствами и идти свергать власть, то, вероятно, все-таки имеется возможность именно такого развития событий, какова причина этой возможности – другой вопрос.

Содержание компонентов Д, Е, Ж очевидно и не требует комментариев.

Тот тип призывов, который мы описали выше, можно назвать неопределенными призывами, призывами, в которых конкретно не указаны действия, ведущие к достижению желаемого результата. Определенные призывы, вероятно, являются частным случаем, в котором действия конкретизируются. Структура определенных призывов будет выглядеть, вероятно, следующим образом:

- А) Хочу, чтобы было Х
- Б) Знаю, что Х не может произойти само
- В) Знаю, что если делать У, то, возможно, что будет Х
- Д) Знаю, что если буду говорить тебе, что необходимо, чтобы было Х, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было Х
- Е) Знаю, что если буду говорить тебе, *что* нужно делать, чтобы было Х, возможно, ты будешь делать то, что говорю тебе, и наступит Х.
- Ж) Говорю тебе: необходимо, чтобы было Х
- З) Говорю тебе: делай У
- И) Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было Х.

В данном разделе мы не будем подробно рассматривать вопрос о типологии призывов, считаем, что решение этого вопроса, основанное на принципах естественной классификации, с достаточно большой степенью подробности освещено в [Баранов, 2007].

2.4. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой

2.4.1. Общая характеристика экспертных задач

Угроза как форма речевого поведения является наименее разработанным в юридической лингвистике явлением. Связывается это, безусловно, с внешними причинами – с малым количеством дел, по которым фактически привлекается эксперт для дачи заключения. На глубинном уровне, вероятно, это связано с отсутствием необходимости в привлечении специальных познаний при расследовании правонарушений, в состав которых входит угроза. Это, по нашему мнению, определяется тем обстоятельством, что угроза как форма речевого поведения, во-первых, достаточно четко противопоставляется другим формам поведения, во-вторых, угроза может принимать и невербальные формы, к которым, в частности, относится демонстрация оружия, поэтому доказательства наличия / отсутствия угрозы в большинстве случаев не представляет большой трудности. Поэтому при описании угрозы в аспекте юридино-лингвистической экспертологии необходимо в будущем указать на круг тех ситуаций, в которых квалификация речевого акта угрозы представляет собой определенную «трудность» и в связи с этим может потребовать привлечения специалиста-лингвиста. Другими словами, требуется ответить на вопрос: «Какие ситуации, когда говорящий использует угрозу, не смогут быть квалифицированы как угроза без привлечения лица, обладающего специальными познаниями в области лингвистики?» Рассматривая угрозу в разделе, посвященном исследованию экспертных задач, а не в разделе, посвященном описанию задач, которые не требуют привлечения познаний из области лингвистики, мы исходим из гипотетической возможности

нейтрализации угрозы в определенных типах контекстов, а потому сохраняется возможность, что рядовой носитель языка будет квалифицировать однозначно то, что только обладает вероятностью.

В делах, связанных с угрозой, лингвист может решать, по нашему мнению, только одну задачу, которая связана с квалификацией речевого поведения говорящего как являющегося / не являющегося речевым актом угрозы. Задачи пропозиционального тождества такие, например, как квалификация угроз как угроз применением насилия или нанесением тяжкого вреда здоровью и т.п. не входят в компетенцию лингвиста-эксперта.

2.4.2. Угроза как феномен права

Угроза как определенное действие (вербальное и невербальное) трактуется современным правом как юридический факт, относящийся к типу правонарушений. Таким образом, угроза – это вид правонарушения, которое является запрещенным. Угроза различными способами входит в состав правовых норм. Так, например, в гражданско-правовом аспекте наличие угрозы влечет недействительность сделки (ст. 179 ГК РФ), так это нарушает принцип автономии воли участников регулируемых гражданским законодательством отношений (ст.ст. 1, 2 ГК РФ). Сюда же относится и норма семейного кодекса, определяющая возможности обратного истребования алиментов, в частности, при условии совершения сделки об уплате алиментов под влиянием угрозы (п. 2 ст. 116 ГК РФ). В трудовом праве, направленном на регулирование трудовых отношений, наличие угрозы входит в состав понятия принудительного труда, который согласно ст. 4 ТК РФ запрещен.

Но максимально разнообразно угроза оценивается в уголовном праве. Наличие / отсутствие события угрозы способно отягчать и смягчать (вплоть до исключения преступности деяния ст. 40 УК РФ) наказание. Угроза образует квалифицированный состав таких преступлений, как нарушение неприкосновенности жилища, воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, фальсификация

избирательных документов, грабеж, хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, превышение должностных полномочий и т.п.

Угроза образует основной состав таких преступлений, как доведение до самоубийства, изнасилование, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, вымогательство и многих других.

Под угрозой в праве понимается способ действия, используемый в целях оказания психологического давления на объект угрозы. Угроза является способом достижения преступного результата или сама является преступлением, в том смысле, что действие, называемое словом «угроза» образует состав такого преступления как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

Угроза может быть вербальной и невербальной (демонстрация оружия), может иметь как устную, так и письменную формы, высказываться непосредственно, а также при помощи третьих лиц.

Помимо самого речевого (шире – семиотического) действия, которое называется словом «угроза», юридицируются также следующие характеристики этого действия:

1. Перлокутивный эффект угрозы. Угроза должна обладать признаком «реальности». Угроза реальна, если у воспринимающего угрозу имелись основания опасаться ее осуществления, при этом неважно, намеревался ли угрожающий исполнить ее или нет. «Однако кассир Г.Н., услышав шум, заперлась в кассовом помещении. Тогда С., действуя в осуществление их общего с К. и Х.З. преступного умысла, направленного на похищение чужого имущества путем разбойного нападения, потребовал от Г.Н. открыть дверь в кассу, угрожая при этом применением к Г. насилия, опасного для жизни и здоровья, высказывая в его адрес угрозы убийством. Воспринимая указанные угрозы убийством в адрес Г. как реальную опасность для его жизни и здоровья, Г.Н., действуя под принуждением,пустила С. и Х.З. в кассовое помещение, откуда они открыто похитили деньги в сумме 12902 руб. 40 коп. и зарядное устройство к сотовому телефону

стоимостью 500 руб., завладев чужим имуществом на общую сумму 13402 руб. 40 коп» [Постановление, 2007]

2. Пропозициональное содержание высказываний, входящих в речевой акт угрозы, констатация намерений говорящего при условии невыполнения слушающим требуемого от него говорящим.

А) Пропозиции, содержащие информацию о жизни и здоровье X-а.

Эти пропозиции образуют, например, самостоятельный состав преступления ст. 119 УК РФ. «Объективная сторона заключается в двух альтернативных действиях:

1) угроза убийством;

2) угроза причинения тяжкого вреда здоровью.

«Если имела место угроза причинения вреда здоровью средней тяжести, легкого вреда, уничтожения имущества и т.д., то деяние не может быть квалифицировано по комментируемой статье» [Постатейный комментарий..., 2006].

Б) Пропозиции, содержащие информацию о распространении негативной информации о лице, независимо от истинности и ложности такой информации, определяются как шантаж и входят в объективную сторону, например, преступления, предусмотренного ст. 133 (Понуждение к действиям сексуального характера).

В) Пропозиции, содержащие информацию о применении насилия по отношению к объекту угрозы. (Основной состав таких преступлений, как принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, изнасилование, насильственные действия сексуального характера).

Г) Пропозиции, содержащие информацию об уничтожении, повреждении или изъятии имущества. Ст. 133. Понуждение к действиям сексуального характера

Д) Пропозиции, содержащие информацию о совершение взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий (Ст. 205 УК РФ Террористический акт)

В) Если одним из компонентов речевого акта угрозы являются высказывания о требовании передачи имущества, то угроза входит в состав преступления, предусмотренного ст. 163 УК Вымогательство.

Еще раз отметим, что мы не ставили цели – дать исчерпывающее описание феномену угрозы в праве, но хотели показать, что правом угроза оценивается как отдельный вид неправомерных действий, и если привлечение специалистов в области лингвистики к решению дел, относительно которых необходимо установить факт наличия / отсутствия угрозы, будет носить системный характер, то мы должны быть готовыми к тому, что в законодательстве нет четкого определения слову «угроза» и это, по существу, не является его (законодательства) целью. Мы также должны быть готовы к тому, что вопросы пропозиционального содержания не будут входить в компетенцию-лингвиста эксперта, так как в большинстве случаев он не может установить, была ли конкретная угроза угрозой причинения тяжкого вреда здоровью, либо она была угрозой причинения вреда здоровью средней тяжести.

2.4.3. Угроза как речевой акт

Структура речевого акта угрозы:

1. Участники. Участник 1 – тот, кто высказывает угрозу, Участник 2 тот, в отношении кого высказывается угроза. Участник-3 третье лицо (канал передачи информации).

2. Условия успешности. У2 не желает наступления негативных состояний.

3. Условия искренности. У1 произносит высказывание с целью побудить У2 к совершению определенных действий.

По А. Вежбицкой речевой акт угрозы описывается следующей формулой:

говорю: я хочу, чтоб ты знал, что если ты сделаешь X, то я тебе сделаю нечто плохое

думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал

говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X
[Вежбицка, 2007].

Думаем, что содержательно данный речевой акт должен быть расширен за счет введения условия о знании коммуникантов, что говорящий в состоянии выполнить X. Таким образом, более полное представление речевого акта угрозы будет таково:

А) Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое

Б) Думаю, что ты знаешь (или можешь думать), что я могу сделать тебе нечто плохое

В) Хочу, чтобы ты знал (думал), если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое

Г) Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое

Д) Говорю это для того, чтобы ты не делал X.

Такая структура объясняет возможность игрового (суггестивного) функционирования угрозы, когда угроза употребляется, например, в среде друзей, при такой «угрозе» пункт Б трансформируется в следующее условие: «Знаю, что ты знаешь, что я не могу сделать тебе чего-то плохого». Пункт В, выделенный в качестве отдельного объясняет наличие таких случаев, какие нами были описаны в разделе, посвященном оскорблению, и в случае угрозы также имеют место, это случаи отказа от угрозы или угрозы «про себя».

Угроза, как и оскорбление, возможно в двух формах – контактной и дистантной. При дистантной угрозе автор речевого акта знает и желает, чтобы его слова были переданы Участнику 3.

Угроза как речевой акт способна к нейтрализации, нейтрализуется она с речевым актом «предостережение» [Вежицкая, 2007, с. 73].

Компоненты, которые способны к нейтрализации, имеют отношение к способу возникновения негативного события. Тогда как при угрозе негативное событие представляется как результат деятельности говорящего, при «предостережении» факт наступления события не зависит от говорящего, но зависит только от будущего поведения слушающего.

Нейтрализацией этого речевого акта будут являться речевые произведения, содержание которых соотносимо с безличной конструкцией «С вами может случиться, что угодно». Очевидно, данное содержание соотносимо как с угрозой, так и с предостережением. Если в результате исследования выявлено именно такое содержание, то возможны только вероятностные выводы.

Угроза может быть прямой и косвенной. Косвенная угроза выражена на имплицативном уровне структуры текста, иными словами, текст имплицитно содержит содержательные компоненты, соотносимые с угрозой.

В общем случае косвенная угроза выражается констатирующими высказываниями о будущих негативных состояниях мира.

Говорю: я хочу, чтоб ты знал, если ты сделаешь X, то наступит нечто плохое

думаю, что ты не хочешь, чтобы это наступило
говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X.

Естественно, что последний смоделированный нами вариант речевого поведения является особым случаем описанного в [Вежбицка, 2007] речевого акта угрозы. В этом случае интерпретация определенных высказываний как угрозы связана с возможностью извлечения из общего контекста смысла «сделаю так» или «могу сделать так».

Приведем примеры косвенной угрозы и ее квалификации:

- Бери свои манатки, в машину садись. Мы тебя не тронем, я тебе слово даю. Слово пацана. Тебя никто не тронет. Бери м-, пожитки, поехали в машину. Я тебе слово даю, никто тебя не тронет ни пальцем. Жень. Поверь мне. Я с тобой разговариваю. *Приехали бы сейчас панкратионовцы, они бы тебя сломали бы.* Ты знаешь, что такое вид спорта панкратион? Пошли.

В данном тексте для говорящего и для слушающего очевидно, что всегда сохраняется возможность наступления негативного последствия, которое может быть названо «приезд панкратионовцев с целью «сломать» слушающего», при этом для

слушающего очевидно, что говорящий способен сделать так, чтобы приехали панкратионовцы. Говорящий знает, что слушающий знает об этом, и использует это как способ заставить слушающего пойти в машину.

2.5. Некоторые задачи, решение которых, не требует привлечения специалиста, обладающего познаниями в области лингвистики

Задачи пропозиционального содержания [Баранов, 2007, с. 439-442] имеют общую формулу, которая в общем виде выглядит следующим образом: «Представлена ли в тексте информация...?». Вместо многоточия могут быть поставлены различные пропозиции такие, например, как «о неправильном неэтичном поведении лица», «о нарушении лицом действующего законодательства». Задачи на установление пропозиционального содержания могут быть разделены на две группы. В первую из них входят задачи, которые, не входят в компетенцию лингвиста-эксперта. Это такие задачи, как задачи на установление наличия / отсутствия информации о неэтичном неправильном поведении лица, информации о нарушении лицом действующего законодательства, информация о присвоении властных полномочий, информация о насильственном изменении конституционного строя и т.п. (см. раздел 1.4.2.). Во вторую группу входят задачи, решение которых не требует привлечения специалиста-лингвиста, это такие задачи, как задачи, направленные на выявление наличия / отсутствия информации и сбыте психотропных веществ, о наличии негативной и позитивной оценки в тексте. И те, и другие могут быть решены при определенных условиях любым носителем языка.

Рассмотрим отдельные виды задач на установления пропозиционального тождества.

2.5.1. Установление наличия / отсутствия негативной информации о лице / группе лиц

Данная задача является общей для различных категорий дел (Клевета (ст. 129 УК РФ), оскорбление (130 УК РФ), распространение не соответствующих действительности сведений (152 ГК РФ), призывы к разжиганию межнациональной ненависти

и вражды (ст. 282 УК РФ)). Таким образом, установление факта наличия / отсутствия негативной информации о лице или группе лиц не «привязано» к какой-либо отдельной категории дел. Еще раз отметим, что отсутствие такой связи вполне естественно, так как в результате лингвистической экспертизы устанавливаются факты, но не осуществляется юридическая оценка этих фактов. С юридической точки зрения наличие этих фактов значимо для юридической оценки событий относительно различных категорий правонарушений, так установление негативной информации о лице в рамках дел, разрешаемых по статье 152 ГК РФ, необходимо для оценки объективной стороны гражданско-правового деликта, тогда как наличие негативной информации по отношению к группе лиц, выделяемых на основе национального признака важно с точки зрения установления наличия / отсутствия состава уголовного преступления.

Относительно этой задачи необходимо отметить следующее. Лингвист не компетентен в этической и юридической оценке негативной информации, он не может ответить на вопрос, является ли информация информацией о неэтичном поведении или нечестном поступке. Лингвист также не может ответить на вопрос о том, является ли информация, отраженная в спорном речевом произведении, информацией о нарушении гражданином действующего законодательства. Пожалуй, этот факт очевиден – лингвист не является специалистом в праве и не может давать юридические квалификации.

Но лингвист способен установить характер оценки, которая представлена в речевом произведении «негативная / позитивная / нейтральная», квалификация информации как неэтичной или как информации о нарушении действующего законодательства входит в компетенцию других специалистов (например, юриста и специалиста в области этики).

Относительно выдвинутых тезисов возможно одно возражение, которое, безусловно, должно быть рассмотрено. Вполне вероятна такая ситуация, когда говорящий ведет себя так, что утверждает истинной пропозицию, описывающую какую-то ситуацию, которая считается в обыденном сознании нарушением закона, но в юриспруденции такая ситуация не является ситуацией

нарушения действующего законодательства. Можно по-разному квалифицировать такие ситуации, можно, например, их признать в качестве информации дискредитирующей лицо, можно поступить по-другому (это проблема выбора и решений, но не проблема фактического характера). Но все-таки как аспект установления такой информации, так и аспект юридической квалификации такого фактического положения *de jure* принадлежит правоведению, когда *de facto* он разрабатывается в лингвистике. Этот аспект «юридичен» в том смысле, что ментальные представления людей о праве являются, скорее, предметом исследования правоведения, нежели лингвистики. (Кстати, они и описываются такой категорией, как «правосознание», «правовая культура» и это предмет специальных познаний и компетенции юриста).

Анализ проблемы выражения оценки в спорных речевых произведениях закончим следующим тезисом: вопрос о наличии / отсутствии негативной информации о лице или группе лиц не является юридически значимым. Поясним данный тезис. Очевидно, что в этом случае компетенция лингвиста-эксперта ограничена квалификацией модальной оценки в спорном высказывании, а этим навыком, как мы полагаем, обладает любой носитель языка, и для квалификации информации в этом аспекте не требуются специальные познания в области лингвистики, так как все и лингвисты и нелингвисты имеют опыт употребления негативной оценки в своих речевых произведениях, а также речевой и неречевой опыт реакции на негативную оценку, высказанную в их адрес.

К данной категории задач имеет отношение и установление контрастивной предикации [Баранов, 2007, с. 455]. Думаем, что нет никакой возможности отказывать рядовому носителю русского языка в том, что в высказывании «Кавказцев – на Кавказ!» существует оценочное противопоставление кавказцев и других, на то, что в данных случаях носителя языка не могут ошибиться указывает и сам А.Н. Баранов, анализируя фразу «Россия для россиян» [Баранов, 2007, с. 456].

2.5.2. Квалификация информации на предмет ее отношения к наркотическим и психотропным веществам

Данная задача ставится при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 228, 228.1 УК РФ. В рамках этих дел установление фактов, основанных на тексте, не имеет практически никакого значения..

Особо стоит остановиться на имплицитных контекстах, в которых нет прямого указания на наркотические и психотропные вещества. Наличие контрпримеров позволяет нам утверждать, что при таких контекстах вывод о покупке / продаже / употреблении наркотических и психотропных веществ может быть только вероятностным. Контрпримеры связаны с возможностью заполнения актантных мест у предикатов «продажа / покупка / сбыт» лексемами из поля «товар», которые не принадлежат микрополю «наркотические и психотропные вещества». Так, следующий текст может быть интерпретирован как продажа пиротехники: «Возьмешь? Возьму. Сколько? Половину. Деньги сразу отдашь, под реализацию не дам...». Возможен и обратный контрпример: «Ну, пойдем, наркотики купим, поторчим» (о водке).

При наличии специальных терминов, относящихся к сбыту наркотических средств таких, например, как «ханка», «ляпа», «чек», «наркотики», «наркота», «анаша» «выборка» и др. данные лингвистической экспертизы, по нашему мнению, избыточны, так как знание значений данных лексических единиц входит в профессиональную компетенцию следователя.

Глава III. Решение экспертных задач в рамках различных категорий дел

3.1. Решение экспертных задач по делам об оскорблении

3.1.1. Экспертная ситуация 1

А) Формулировка экспертных задач

Мировой судья судебного участка №5 М. с участием частного обвинителя Б., защитника Е. при секретаре Г., рассмотрев вопрос о назначении судебно-лингвистической экспертизы по уголовному делу частного обвинения по заявлению Б. по обвинению З. в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 130, ч. 1 ст. 129 УК РФ,

УСТАНОВИЛ:

Частным обвинителем Б. обвиняется З. в совершении оскорбления и клеветы при следующих обстоятельствах.

16 июля 2008 ода около 20 час. 00 мин., находясь на детской площадке, расположенной возле дома №3 по ул... З. оскорбила грубой нецензурной бранью потерпевшую, чем унизила ее честь и достоинство в неприличной форме, а, кроме того, оклеветала Б., то есть распространила в отношении нее заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство Б. и подрывающие ее репутацию.

В судебном заседании на разрешение участников процесса поставлен вопрос о назначении и проведении по данному уголовному делу судебной лингвистической экспертизы.

Выслушав мнение частного обвинителя и защитника подсудимой, мировой судья полагает необходимым назначить проведение по делу судебной лингвистической экспертизы, тем более, что в рамках настоящего уголовного дела судебная лингвистическая экспертиза по произнесенным З. в адрес потерпевшей словам и приведенным потерпевшей и свидетелями Г. и Д. в судебном заседании не проводилась.

Учитывая изложенное, руководствуясь ч.1 ст. 283, ст.ст. 120-122, 200, 253, 255, 256 УПК РФ, мировой судья

ПОСТАНОВИЛ:

Назначить по уголовному делу З., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 130, ч. 1 ст. 129 УК РФ – судебную лингвистическую экспертизу. На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:

1. Какие типы лексики современного русского языка относятся к оскорбительной лексике?

2. Относятся ли следующие слова и словосочетания и значение этих слов: «бл*дь», «сука еб*нная», «пошла на х*й», «тварь», «кобыла», «заткни свой рот», «проститутка» к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

3. Имеется ли в вышеуказанных приведенных словах и словосочетаниях отрицательная оценка личности Б., если имеется, то выражена ли такая отрицательная оценка в циничной, неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе, носят ли данные высказывания оскорбительный характер?

Поручить руководителю экспертной организации разъяснить экспертам права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, и предупредить экспертов об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

В) Решение поставленных экспертных задач

Решение поставленных задач связано с исследованием косвенных источников: факты, имеющие значение для разрешения дела, установлены на основе свидетельских показаний. Поэтому выводы по решению экспертных задач целесообразно формулировать как условные: «Если в адрес Х-а были высказаны данные фразы и слова, то...».

Первые два вопроса не имеют какого-либо существенного значения как для рассмотрения дела, так и для описания того речевого события, которое имело место. Эти вопросы имеют классификационный характер и заданы, по-видимому, с целью получить дополнительное подтверждение или опровержение гипотезы о приличности / неприличности слов, которые употреблялись в конкретном речевом произведении (в этом смысле эти вопросы направлены на установление доказательственных фактов).

Поясним тезис о том, что вопросы о классификации оскорбительной лексики не имеют практически никакого значения. Любая классификация по отношению к теории, в которой описываются явления, выполняет мнемоническую функцию и не выполняет более никакой функции, таким образом, если у нас есть теория явления, то возможна и классификация, хотя и это необязательно. Когда же у нас нет теории объекта, то все наши классификации – эмпирические обобщения наблюдаемых признаков того или иного явления. Пока эти признаки не объяснены, наши классификации содержательны только относительно наших органов чувств или особенностей восприятия. Таким образом, наши классификации являются утверждениями о наших восприятиях явлений, а не о самих явлениях, поэтому в любой науке возможно успешное применение несимметричных классификаций. И это применение успешно до тех пор, пока они применяются только в номинативных целях, а именно их функция ограничивается обозначением (выделением) несхожих в каком-то отношении эмпирических объектов. Конечно, судья в данном случае мог полагать, что в лингвистике есть классификации оскорбительной лексики, которые вытекают из какой-либо теории (такие же, как классификация химических элементов Д.И. Менделеева), но, если он так полагал, то очевидно, что он ошибался.

1. Перейдем к решению задач, поставленных перед лингвистом. В рамках вопроса 2, несмотря на то, что он носит классификационный характер, существенным является то обстоятельство, что слова «с*ка» и «бл*дь», несмотря на то, что они имеют в определенном отношении нетабуированную сферу употребления, (например, слово «с*ка» включено в Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.), принадлежат к разряду обценных слов русского языка. Это вытекает из известных нам экспериментальных данных. Относительно слова бл*дь экспериментов не проводилось, но нет никаких сомнений, что оно также является обценным, по крайней мере, очевидно, что все родители будут объяснять детям, если услышат от последних это

слово, что оно матерное. Нет также никаких сомнений, что в состав словосочетаний «пошла на х*й» и «сука еб*нная» входят обценные лексемы «х*й», «еб*нная».

Слова «тварь», «кобыла», «проститутка» и словосочетание «заткни свою глотку» обценными не являются. По нашему мнению, этих фактов достаточно для ответа на второй вопрос.

Перейдем к ответу на третий вопрос, который по существу связан с установлением наличия / отсутствия речевого акта оскорбления и формы выражения оценки приличная / неприличная.

Такие словосочетания и слова, как «заткни свой рот», «сука еб*нная», «пошла на х*й», «тварь», «кобыла», «бл*дь», если они адресуются конкретному лицу, то употребляются в составе инвективного высказывания в речевом акте оскорбления (речевой акт – вид поведения говорящего). Напомним, что оскорбление как речевой акт имеет следующую структуру:

А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X

В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб

Где X – оскорбительное высказывание.

Наличие речевого акта оскорбления вытекает из следующего: оскорбительная направленность данных слов не теряется ими ни в каком контексте, то есть в любом типе контекстов данные слова употребляются с целью реализации установок описанного выше речевого акта оскорбления.

Естественно, что, если данные слова адресованы конкретному лицу, то они являются оскорбительными.

Наличие речевого акта оскорбления предполагает наличие отрицательной оценки поступков, действий человека, а также его личности.

Слова «проститутка» и «бл*дь» способны употребляться и в составе речевого акта утверждения.

Если говорящий употребляет данные слова в составе утверждения, то его речевое поведение имеет своей целью снижение статуса адресата (человека, который воспринимает высказывание). Речевое поведение в этом случае можно пояснить следующей формулой:

А) Знаю, что ты сделал X или занимаешься X

Б) Знаю, что X считается негативно ценным

В) Говорю тебе, что ты сделал X или занимаешься X

Г) Говорю это тебе для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего

Подобные речевые акты производятся, как мы отмечали в разделе 2.1.6., с целью утверждения о своем превосходстве по отношению к адресату сообщения. Таким образом, если в адрес X-а были произнесены высказывания «Ты проститутка» и «Ты бл*дь» и эти высказывания являлись частью речевого акта утверждения, то говорящий имел в виду, что X – женщина, занимающаяся проституцией. Случаи утверждения, как правило, маркируются (=акцентируются) говорящим (хотя, вероятно, это необязательно). Например, к высказыванию: «Ты бл*дь» в этом случае может прибавляться поясняющее высказывание «Со всеми мужиками переспала».

Слова «бл*дь» и «проститутка» могут употребляться и как чистая инвектива (в этом смысле они не выполняют описательной функции, то есть не утверждают о поведении человека), входя в состав речевого акта оскорбления. Для такого употребления, например, характерно то, что бранные слова употребляются подряд без каких-либо пояснений. Например, типовым случаем такого употребления является простое перечисление известных говорящему ругательств, сопровождающееся паузами и интонацией, маркирующей речевую агрессию говорящего: «Ты сука еб*нная... тварь... проститутка!».

Из представленных к экспертизе материалов невозможно однозначно установить, с какой коммуникативной целью были употреблены слова «проститутка» и «бл*дь», однако более вероятным является предположение о том, что эти слова не

выполняли информативную функцию, но являлись составной частью речевого акта «оскорбление» в той форме, как он описан выше.

Последний вопрос, на который необходимо ответить в рамках данной экспертной ситуации – это вопрос о приличности / неприличности употребленных инвектором форм. Так как выше мы выяснили, что слова и словосочетания «сука еб*нная», «бл*дь», «пошла на х*й» являются обценными, то они являются и неприличными.

Слова «тварь», «кобыла» и словосочетание «заткни свой рот» не являются обценными, не несут непристойных смыслов, потому не являются неприличными.

Если слово «проститутка» было употреблено не в информативном значении (другими словами, если говорящий не имел в виду, что адресат занимается проституцией), то оно содержит непристойный смысл и является неприличным.

Представим выводы по решению экспертных задач, поставленных в рамках данной экспертной ситуации:

1. Если слова и словосочетания «с*ка», «пошла на х*й», «тварь», «кобыла» и выражение «заткни свой рот» были адресованы Х-у, то они содержат отрицательную оценку личности Х-а. Данные слова и выражения входят в состав речевого акта оскорбления, поэтому являются оскорбительными.

2. Более вероятно, что слова «бл*дь» и «проститутка» также являлись составной частью речевого акта оскорбления и не употреблялись информативно в исследуемой речевой ситуации.

3. Слова словосочетания «с*ка *банная», «бл*дь», «пошла на х*й» являются обценными и потому являются неприличными.

4. Если слово «проститутка» было употреблено не в информативном значении (другими словами, если говорящий не имел в виду, что адресат занимается проституцией), то оно содержит непристойный смысл и является неприличным.

3.1.2. Экспертная ситуация 2
А) Постановка экспертных задач

Х обратилась с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении У-а, за нанесения ей оскорбления путем опубликования статей в газете «НЖ» № 2 от 10.01.2008 года (Одним плясать, другим сосать), № 4 от 24.01.2008 года (Звезда Бурлы). № 11 от 3.03.2008 года (Еще таманда). № 14 от 03.04.2008 года (Вчетвером в одной постели). Х считает что информация, отраженная в вышеуказанных статьях, является для нее оскорбительной

Учитывая, что для определения того, является ли отраженная информация, в вышеуказанных статьях негативной оценкой личности, выраженной в неприличной форме необходимы специальные познания. Руководствуясь ст.80, 195,199.283 УПК РФ мировой судья

ПОСТАНОВИЛ:

1. Назначить по настоящему уголовному делу лингвистическую экспертизу.

2. Поставить перед экспертом вопросы:

По статье («Еще таманда»), опубликованной в газете «НЖ» за №11 от 13.03.2008 года.

1. Содержит ли текст информацию о конкретном лице Х-е?

2. Можно ли по имеющимся в тексте различным номинациям установить, что речь идет о конкретном человеке Х-е?

3. Имеется ли в тексте негативная информация о лице. Каково содержание этой информации?

4. В какой форме – утверждение (сведение), мнение дана информация в тексте?

5. Как представлена прямо или косвенно негативная информация в тексте?

6. Имеется ли в тексте негативная оценка личности, выраженная в неприличной форме противоречащей правилам речевого поведения, принятым в обществе?

7. Имеется ли в тексте негативная (бранная, неприличная лексика)?

По статье (Вчетвером в одной постели) опубликованной в газете «НЖ» за № 14 от 03.04.2008.

1. Содержит ли текст информацию о конкретном лице Х-е?

2. Можно ли по имеющимся в тексте различным номинациям установить, что речь идет о конкретном человек Х-е?

3. Имеется ли в тексте негативная информация о лице. Каково содержание этой информации?

4. В какой форме – утверждение (сведение), мнение дана информация в тексте?

5. Как представлена прямо или косвенно негативная информация в тексте?

6. Имеется ли в тексте негативная оценка личности, выраженная в неприличной форме противоречащей правилам речевого поведения, принятым в обществе?

7. Имеется ли в тексте негативная (бранная, неприличная лексика)?

В) Решение поставленных задач

По статье (Еще таманда), опубликованной в газете НЖ за №11 от 13.03.2008 года

На экспертизу были представлены четыре спорные публикации, относительно которых были поставлены одинаковые вопросы, таким образом, источником информации о поведении говорящего выступали печатные тексты (=непосредственные источники экспертной информации).

Первый вопрос направлен на выяснение факта отнесенности / неотнесенности негативной информации к конкретному лицу (истцу). Текст, безусловно, содержит информацию об Х-е. Лицо идентифицируется в тексте при помощи номинаций «Х», «худрук Х», таким образом, в статье речь идет о человеке, который носит имя Х и является художником.

Постановка третьего вопроса очевидно избыточна, так как судья, являясь носителем русского языка, способен понять, что основная цель статьи – оценка публикации Х-а в связи с конфликтной ситуацией, которая произошла в РДК 6-ого января. Судья способен понять, что автор статьи считает, что оценка,

данная Х-ом его публикации необоснованна, а также неверно изложена фактическая сторона дела события, происшедшего 6-ого января. Поэтому автор рассказывает о действительных событиях (со своей позиции, конечно), которые произошли, перемежая свой рассказ, сообщением мотивов, почему произошло искажение информации. Так, например, автор утверждает, что он не вкладывал непристойного смысла в заголовок и текст публикации «Одним плясать. Другим сосать», а то, что Х увидела в нем непристойный смысл только в меру своей испорченности. В целом в статье создается негативный образ Х-а как пошлого, сексуально озабоченного, не подчиняющегося никому человека. Таким образом, мы полагаем, что судья в общих случаях способен именно таким образом пересказать текст статьи и то, что он способен это сделать, скорее, говорит о том, что решение поставленного вопроса не требует привлечения специалиста-лингвиста.

Вопрос 4 не типичен по делам об оскорблении, и мы не можем сказать, какую цель преследовали участники процесса, ставя этот вопрос перед лингвистом. Однако ответим и на этот вопрос. Очевидно, негативная информация выражена как в форме утверждения о фактах, так и в форме оценки. В тексте присутствует следующие утверждения о фактах:

1. От Х-а 6-ого января доносился запах алкоголя.
2. Х 6-ого января была пьяна.
3. В статье Х-а указаны лжефакты (не соответствующие действительности факты).
4. Существуют факты из сексуальной жизни Х-а, которые можно интерпретировать как аморальное поведение.

В тексте присутствуют следующие оценки:

1. Х сексуально озабочена.

Оценки и факты выражены в тексте прямо и косвенно. Утверждение о том, что от Х-а доносился запах алкоголя выражено в тексте прямо: «доносился алкогольный запах и со стороны худрука».

Утверждение о том, что Х была пьяна, выражено в тексте косвенно. Это утверждение вытекает из наличия следующего фрагмента: «Это единственное объявление среди ни одного десятка других нашла, внимательно рассмотрела **трезвая** Х...».

Утверждение о том, что в статье указаны лжефакты, выражено в тексте прямо: «Не совсем радуют некоторые лжефакты указанные худруком Х-ом».

Утверждение о том, что существуют факты из сексуальной жизни Х-а, которые можно интерпретировать как аморальное поведение, выражено в тексте косвенно при помощи намека. Выражено в следующих фрагментах текста:

А) «Это единственное объявление среди ни одного десятка других нашла, внимательно рассмотрела трезвая Х, хотя у нее есть работа – худрук. И судя по странным заявлениям в статье, по всей видимости, очень заинтересовалась объявлением. **А возможно, ее разозлили некоторые воспоминания из своей активной, прекрасной жизни**».

Б) «Но каждый думает в меру интеллектуальной озабоченности, все понимает в меру своей испорченности. По всей видимости, как пишет худрук «сногшибательный заголовок» (спасибо за комплимент) и заметку «Одним плясать, другим...сосать» Х поняла по-своему. **Возможно, что-то напомнило ей из ее жизни**».

В) «К сожалению, мы еще только учимся высокой нравственности, но, возможно, будем такими же, как прекрасный, доброжелательный человек Х. Мы еще, как она, не прошли все азы и позы жизни, чтобы быть высоконравственными. Да и худрук Х не такой, как есть, родилась, а постепенно становилась и дошла до высоконравственной морали». Последний фрагмент является цитацией (точной или неточной) другого материала и представляет собой фигуру иронии, содержанием которой выступает смысл, прямо противоположный буквальному (ср. «Ну ты и герой!» = «Ты трус») [Доронина, 2004, с. 274].

Выявленная оценка представлена в тексте косвенно при помощи намеков и обыгрывания непристойного выражения «м*нда (п*зда) чешется», а также обыгрывании различных значений слова «член».

Выражено во фрагментах:

А) «На дворе весна, март, март... Что-то у кого-то чешется... Старики советуют»;

Б) «Возможно о слове «член» Л. тоже думает в меру своей интеллектуальной озабоченности».

Перейдем к анализу иллокутивных свойств текста в аспекте наличия / отсутствия в нем речевого акта оскорбления и неприличной формы выражения оценки.

Очевидно, что в тексте присутствует бранное неприличное слово «м*нда» – нецензурное, наружные женские половые органы (В.В. Химик Большой словарь русской разговорной речи, С-Петербург, 2004, с. 307). Заголовок текста «Еще таманда...» носит игровой характер, игровой характер возникает в результате взаимодействия в тексте слов «тамада» и «м*нда» и выражений: нейтрального: «Еще тамада» и бранного: «Еще та м*нда» (типовое бранное оценочное высказывание «Еще та... (гнида, с*ка, сволочь и т.п.)»).

Данное высказывание входит в речевой акт оскорбления, структура которого такова:

А) Знаю, что Х способно принести тебе психологический ущерб

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю Х

В) Говорю Х, чтобы нанести психологический ущерб.

Где Х – оскорбительное высказывание.

Субъектом речевого акта в данном случае выступает автор статьи, объектом Х.

При этом слово «м*нда» относится к типу «инвективно жестких» лексических единиц, направленность на принесение вреда оппоненту у которых не нейтрализуется ни в каком типе контекстов. Другими словами, контексты: «Ты м*нда?» (вопрос), «Наверное, ты м*нда» (предположение), «Да ты м*нда!» (удивление) равны простому «констатирующему» инвективному контексту «Ты м*нда!» Таким образом, игровой характер контекста не влияет на оскорбительность данной фразы.

Наличие неправильного написания «таманда» вместо «тамада» не может быть объяснено опечаткой, так как смысл, связанный с данным словом, возникает и в других фрагментах текста. 1. «У кого-то что-то чешется». 2. И как тамада, она

«привела» всех к затяжной конфликтной ситуации. Последнее предложение, интерпретированное буквально, может означать следующее: «Х, выполняя функции, тамады привела всех к конфликтной ситуации», что является бессмысленным в контексте всей публикации. Тогда как предложение: «И как та м*нда (=и как м*нда или эта м*нда) привела всех к конфликтной ситуации» является осмысленным предложением данного текста.

Резюмируем выводы, полученные в ходе решения экспертных задач:

1. По имеющимся в тексте номинациям возможно установить, что речь идет об Х-е.
2. Негативная информация об Х-е выражена в форме утверждения о фактах и оценки (мнения).
3. Негативная информация представлена в тексте прямо и косвенно.
4. В тексте имеется негативная оценка личности, выраженная в неприличной форме. В тексте также присутствует негативная оценка поведения лица, выраженная в неприличной и непристойной форме.
5. В тексте присутствует бранное неприличное слово «м*нда».

По статье (Вчетвером в одной постели) опубликованной в газете «НЖ» за № 14 от 03.04.2008.

Второй из представленных к экспертизе текстов интересен в том отношении, что под ним была подпись Лилия П. Имя и заглавная буква подписи совпадали с именем и начальной буквой фамилии истца, при этом истец полагал, что данный материал был опубликован намеренно, с целью дискредитировать личность истца. Мы рассматриваем данную экспертную ситуацию для того, чтобы смоделировать условия ситуации дискредитации, о которой мы говорили в разделе, посвященном оскорблению, при этом еще раз подчеркнем, что наличие дискредитации как в языковом, так и в юридическом плане не влечет факта наличия события оскорбления и соответственно – вынесения «положительного» решения по статье «Оскорбление» (насколько бы ни был оскорблен истец), но, возможно, влечет факт нанесения морального вреда,

который может быть компенсирован в порядке, указанном в ст. 151 ГК РФ.

Перейдем к решению конкретных экспертных задач по данному тексту.

В отношении идентификационных возможностей номинаций в тексте необходимо сказать следующее:

1. Если текст был создан самим Х-ом, то номинация Лилия П. тождественна имени собственному Х-а.

2. Если текст был создан другой женщиной, то номинация Лилия П. может являться сокращением от ее фамилии или отчества. В этом случае, очевидно, возможен и вариант с придуманным именем собственным и всеми именами текста (Макс, Настя, Виктор и т.п.).

3. Если текст был создан с целью дискредитации Х-а, то сокращение Лилия П. введено в текст с целью отождествления автора материала Лилии П. и Х-а. «Степень предрасположенности» к отождествлению зависит от количества женщин, могущих подать материал в газету, которые носят имя Лилия и фамилию (или отчество) которых начинаются с буквы «П». Эта предрасположенность к отождествлению вытекала из того, что текст был помещен в одной из районных (сельских) газет, лингвист, естественно, не знал, конкретных условий функционирования собственных имен в этой ситуации, так как есть и большие сельские районы, но есть и районы, где «все друг друга знают». Сам истец, например, настаивал на том, что этот материал был создан специально, и указывал на тот факт, что рядом с этим материалом помещены фотографии истца и другого человека, который фигурировал в роли прототипа главного персонажа-мужчины в спорном тексте.

Очевидно, что в тексте отсутствует негативная информация о лице. Текст написан в жанре исповеди. Особенностью этого жанра является то, что автор делится с адресатом сообщения своими личными переживаниями, рассказывает о значимых ситуациях из своей жизни. Текст помещен в соответствующую рубрику «Откровенно. Личная жизнь» и является не единственной исповедью в этом номере газеты. В тексте описывается ситуация, которая касается интимной жизни Лилии П., и порожденное этой

ситуацией психологическое состояние героини. Ситуация описывается от имени Лилии П.

Однако если текст был создан искусственно, то его функция – дискредитировать лицо. Например, если текст был создан работником газеты и подписан именем собственным Лилия П., то цель текста – дискредитировать конкретное лицо, сообщая о подробностях сексуальной жизни этого лица.

В данном случае возможны различные варианты такой дискредитации:

1. Приведенные факты не соответствуют действительности (факта группового секса не было).

2. Приведенные факты соответствуют действительности (групповой секс был).

И в том и в другом случае намерением автора является нанесение психологического ущерба конкретному лицу.

Таким образом:

1. По тексту невозможно установить однозначно, содержится ли в нем информация об Х-е.

2. В тексте отсутствует негативная информация о лице. Однако если текст был создан искусственно, то его функция – дискредитировать лицо. Отсюда вытекает и ответ на вопрос об отношении номинаций текста к Х-у. Отнесенность информации к Х-у зависит от установления автора текста.

3. В тексте отсутствует негативная оценка личности, выраженная в неприличной форме.

4. В тексте отсутствует бранная, неприличная лексика.

С) Объекты исследования

Текст 1

Еще таманда...

С момента образования и выпуска газеты «...» я более 4-х лет ждал, когда же в муниципальной газете «...» хоть что-нибудь будет написано о газете «...» и ее редакторе. Наконец-то Т. З. нарушает обет молчания и решилась, чтобы в её газете было сказано о другой местной газете – средстве вой информации «НЖ»

Я доволен, добился, что хотел. Публикация в «...» от 07.07.07. «...за что наказали предпринимателя» не положительная. Но отрицательная реклама – это тоже реклама. Еще радует, что публикация занимает часть страницы формата А3. Не для каждого выделяется столько газетной площади. Статья осталась не без внимания многих жителей района. А те, кто в селах не знал о существовании скандально-известной газеты-СМИ, удивляются её существованию. Многие читатели приходили в редакцию, чтобы приобрести газету с заметками, которые обсуждает в своей статье художник Л.П. о конфликтной ситуации в РДК с редактором газеты «...». Я сегодня герой дня. Кто «не видел» меня – «увидел», кто не знал меня – узнал, кто не вспоминал меня – вспомнил, кто не думал – подумал. И если обо мне и газете ещё говорят, значит еще не покойник. И это радует. Но вернемся, как говорится к нашим баранам, а точнее звездам...

После конфликта в редакции обсуждался вопрос о предъявлении иска за нарушение закона о СМИ. Но не успели это сделать, т.к. в последнее время я часто находился в командировке в Новосибирске. По этой же причине не успели в 10-дневный срок оспорить, обжаловать решение мирового судьи о штрафе. А напуганная конфликтом Л.П. первая обратилась за судебной защитой. Разбирательство было на скорую руку. С нашей стороны не опрошены свидетели. Отсутствовал редактор в Бурле... все сыграло свою роль, особенно время и обстоятельства. Но закон есть закон. Все шло по закону. К сожалению, мы в этом плане не сработали как надо. Что ж, все, что не делается, делается к лучшему. Это урок впрок. Спасибо звезде Бурлы за то, что теперь для читателей многое прояснится. Особенно за то, действительно являюсь предпринимателем и редактором газеты «НЖ». По закону о СМИ, чтобы выпускать газету – средство массовой информации тиражом до 1000 экземпляров, нужно зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель и владелец и редактор СМИ. Имеется и удостоверение. А штрафы – это норма нашей жизни. Недавно оштрафован и директор РДК. Но сейчас не об этом речь.

Не совсем радуют некоторые лжефакты указанные художником Л.П. Так о чем же идет речь? Все произошло в праздничный день 6 января во время проведения рождественского

бала (!) в РДК. В этот день были жалобы на проведение этого мероприятия. Мы пришли на бал: посмотреть и написать о нем в газете. Со мной были коллега и его жена из Новосибирска, и еще одна женщина. А худрук П. странным образом, как нерезвый человек, увидела в них каких-то дружков, о чем заявила в статье. В этот праздничный день большинство вокруг были в алкогольном опьянении, доносился винный запах и со стороны худрука. Не секрет, что работники РДК весело любят корпоративно отметить любые праздничные мероприятия, особенно в период руководства П. и Ш. Внимательно рассмотрев, о понятной причине, меня и моих спутников, П. стала показывать не «кузькину мать», «кто в доме хозяин...». Мои спутники купили билет и прошли, а я попросил на несколько минут, т.к. пришел не веселиться и отдыхать. Л.П. не признала меня редактором газеты, представителем СМИ, а увидела во мне процветающего предпринимателя... Произошел конфликт. Худрук была проинформирована, за такие номера «художественной» самодеятельности в Монтекарло увольняют. «В этот вечер я много нового узнала, - пишет П., - и о себе, и о РДК, даже о начальнике отдела по культуре Ш.». Что ж не было для нее новостью, если бы Л.П. читала в нашей газете не только объявление о высокооплачиваемой работе девушек и пошлые анекдоты, но и остальные страницы, где неоднократно критиковали Ш. и сообщали о его своеобразной местной газете «НЖ». Но Л., по всей видимости, больше интересуют в газете объявления о высокооплачиваемой работе девушек. В «НЖ» публикуется ни один десяток вакансий работы а Новосибирске. Это в основном специальности по строительству, трактористы, машинисты, водители, охрана. Многие с помощью наших объявлений устроились на работу и благодарят за это газету. Среди объявлений было и одно о высокооплачиваемой работе девушек с предоставлением жилья. Рекламодатель, как и другие, изъявил желание платно разместить объявление в газете, и мы по закону о СМИ, напечатали его. Это единственное объявление среди ни одного десятка других нашла, внимательно рассмотрела трезвая Л.П., хотя у нее есть работа - худрук. И судя по странным заявлениям в статье, по всей видимости, очень заинтересовалась объявлением А возможно, её разозлили некоторые воспоминания

из своей активной, прекрасной жизни.

Из-за своеобразных амбиций хударука пришлось опрос газеты о бале проводить в фое РДК и на улице, возле РДК в течении 20 минут, а не 40, как сообщает Л. Многие были недовольны проведением бала, но об этом мы так и не опубликовали материал, как пишет хударук «кляузный». После конфликта в РДК вышла информация «Одним плясать, другим ... сосать», где в её заключении было образное сравнение с сосанием лапы медведя единой России (еще можно было предполагать - зима, медведь, одни пляшут, другие лапу сосут). Но каждый думает в меру интеллектуальной озобоченности, все понимает в меру своей испорченности. По всей видимости, как пишет хударук, «сногшибательный» заголовок (спасибо за комплимент) и заметку «Одним плясать, другим ..., сосать» Л. поняла по-своему, возможно что-то наполнило ей из ее жизни. В другой не «кляузной» заметке «З Б», хвалили Л. П., как лучшего культработника и высоконравственную женщину. К сожалению, мы ещё только учимся высокой нравственности, но, возможно, будем такими же, как прекрасный, доброжелательный человек Л. П. Мы ещё, как она, не прошли все азы и позы жизни, чтобы быть высоконравственными. Да и хударук Л. не такой, как есть, родилась, а постепенно становилась и дошла до высоконравственной морали. А «кузькину мать» с нашей стороны в тот вечер никто никому показывать не собирался, не было желания, а тем более Л., не хотели мы её в тот вечер обижать, любить, т.к. жалели ее и догадывались, что ей ни раз в жизни приходилось видеть Кузькину мать, поэтому ее теперь и не веселит юмор «ниже пояса», как любила говорить Т. З., когда я работал под ее руководством. Л. теперь все видится в газете, как также заявила она, «ниже пояса». Это и понятно. На дворе весна, март, март.... Что-то у кого-то чешется... Старики советуют: «нужно почесать и всё пройдет». Складывается впечатление, что Л. сегодня не хватает любви. А вообще она хорошая ещё тамада и не плохой бы получился с нее журналист! Умеет писать и вести банкеты.

Другими словами - хударук Л.П. всем показала не «кузькину мать», а кто в доме - РДК хозяин, что ей никто и ничто не страшны, не указ – ни П., ни Ш. И как тамада, она «привела»

всех к затяжной конфликтной ситуации, которая, по всей видимости, долго ещё будет продолжаться. А всего лишь требовалось беспрепятственно без билета пропустить редактора по служебной необходимости на несколько минут на проводимое мероприятие в РДК. Следите за развитием событий теперь уже в обеих газетах, местных средствах массовой информации - «НЖ», «БГ»

Вместо постскриптума отмечу, что я член и не простой член партии «Справедливая Россия», а почти все герои статьи члены или почти члены партии «Единая Россия» (возможно о слове «член» Л. тоже думает в меру своей интеллектуальной озобоченности и относит его к теме «Ниже пояса»?). Итак. Худрук Л. официально подчиняется директору РДК П., а П. подчиняется начальнику отдела по культуре администрации района Ш., а Ш. подчиняется главе района А.. Ему же подчиняется и З. (От неё, кроме «ниже пояса», есть и другие высказывания, домыслы, слухи...) Всё в нашей жизни взаимосвязано, И кто кому показывает Кузькину мать? Чья команда «фас»? В чём единство и где справедливость? Где и у кого юмор «ниже пояса»? А вообще политика-это грязное дело. Я выбрал курс, на справедливость. За это и за мои публикации единоросы ещё ни один раз «обольют грязью». Но такова наша жизнь и принимать ее нужно спокойно, с улыбкой и тогда все будет хо-ро-шо.

С уважением редактор СМИ «НЖ».

Текст 2

Откровенно.
Личная жизнь.

Вчетвером в одной постели

Подруга меня пригласила в гости к приятелю, а оказалось – на групповой секс. Когда мы приехали домой к Максy, приятелю моей подруги Насти, там уже был его друг Виктор. Он сразу начал за мной ухаживать, я была не против – парень мне понравился. Жарили шашлыки, пили пиво, танцевали – ну как обычно проводят время в таких компаниях. Потом Витя пригласил меня уединиться. Мы заняли комнату и замечательно провели время. Я надеялась,

что теперь мы с Витей будем встречаться – он оказался хорошим любовником, а я как раз три месяца назад рассталась со своим бывшим. Когда мы вышли из комнаты и увидели, что на диване Настя с Максом занимаются сексом. Я повернулась и хотела уйти, но Настя позвала нас присоединиться: «Вчетвером веселее!» Они втроем буквально силой заставили меня подчиниться. В какой-то момент я все же удрала, взяла вещи и собралась уходить. Макс заявил, что я веду себя глупо и некрасиво и, раз уж согласилась принять участие – нечего изображать недотрогу. Тут меня осенило: Настя специально пригласила меня для этого. Она и раньше намекала, что вдвоем в постели неинтересно и можно придумать что-то покруче. Теперь с Настей я не общаюсь. Проблема в том, что мне постоянно звонит Витя, хочет встретиться, говорит, что я ему очень понравилась. Но как можно ему доверять после того, что было.

Лилия П.

3.2. Решение экспертных задач по делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений

3.2.1. Экспертная ситуация 1

А) Постановка экспертных задач

У обратился в суд с иском к Х-у о защите чести, достоинства и взыскании морального вреда, ссылаясь на то, что 12.08.2007 г. на территории СО «Комета Березка» расположенного в Октябрьском районе г. Новосибирска за домом 31 по ул. Высоцкого, проводилось отчетно-выборное собрание садоводов. На данном собрании председателем СО «Комета-Березка» Х-ом были высказаны оскорбления в его адрес, а именно, что он: 1) «очень страшный человек»; 2) «алкаш и пьяница»; 3) «разворовал все садовое общество, ездить на машине с прицепом и собираешь металлолом».

В судебном заседании представителями истца И. и Б. заявлено ходатайство о назначении по делу судебной лингвистической экспертизы, с целью определения носят ли данные высказывания негативный, оскорбительный характер, унижающий честь и достоинство гражданина.

Ответчик Х и ее представитель К. возражали против проведения экспертизы, полагают, что необходимости в проведении экспертизы не имеется, т.к. тех доказательств, которые имеются в материалах дела, достаточно для рассмотрения дела по существу.

Выслушав мнение участников процесса, проверив материалы дела, суд находит ходатайство обоснованным и подлежащим удовлетворению.

Согласно ч.2 ст. 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу.

Поскольку для выяснения вопроса, носят ли высказывания ответчика Х негативный, оскорбительный характер, унижающий честь и достоинство гражданина, суд считает необходимым назначить по делу судебную лингвистическую экспертизу, на разрешение которой поставить следующие вопросы:

Содержат ли следующие утверждения; высказанные Х-ом на общем собрании 12.08.2008 г. «страшный человек» и «разворовал все садовое общество, едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом», неправильного, незтичного поведения в отношении истца У-а, которые носят оскорбительный характер, унижают честь и достоинство У -а?

Содержатся ли в приведенном тексте высказываний, сведения, содержащие негативную оценку У-а или его действий, унижающие честь и достоинство гражданина?

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 79, 80, 166, 216 п. 3 ГПК РФ, суд

ОПРЕДЕЛИЛ:

Назначить по делу по иску У-а к Х-у о защите чести и достоинства, взыскании морального вреда - судебную лингвистическую экспертизу.

На разрешение экспертов поставить вопросы:

Содержат ли следующие утверждения, высказанные Х-ом на общем собрании 12.08.2008 г. «страшный человек» и «разворовал все садовое общество, едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом», неправильного, незтичного поведения в

отношении истца У-а, которые носят оскорбительный характер, унижают честь и достоинство У-а?

Содержатся ли в приведенном тексте высказываний, сведения, содержащие негативную оценку У-а или его действий, унижающие честь и достоинство гражданина?

В) Решение поставленных задач

На прилагаемом к материалам гражданского дела диске с записью собрания спорные высказывания обнаружены не были, поэтому данная экспертная ситуация связана с анализом косвенных источников. Лингвист при ответе на вопрос полагает, что судом установлен факт, что словосочетание «страшный человек» и фраза «разворовал все садовое общество, едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом» относятся к У-у. Это необходимо указать в экспертном заключении или формулировать свои ответы таким образом, чтобы они не зависели от их отнесенности к конкретному лицу, в данном случае достаточны условные выводы: «Если фраза, в состав которой входит словосочетание «страшный человек», была адресована У-у, то...».

Есть еще одна презумпция, важная для обоснования возможности проведения экспертиз подобного рода: фразы, установленные судом, отражают содержание речевого поведения говорящего, а потому для категорического заключения относительно речевого поведения степень точности отражения реальной ситуации может быть различной (для достаточно большого числа случаев, например, не является необходимой фиксация интонационных параметров спорного высказывания). Так, например, ответчик в судебном заседании пояснил, что когда он использовал словосочетание «страшный человек», то оценивал определенное событие, по словам ответчика, истец когда-то предлагал поджечь садовый домик Z, за то, что Z ведет себя определенным образом. Из материалов дела следовало, что истец ничего не мог возразить на такую интерпретацию ответчика в том смысле, что он не мог ничего добавить относительно содержания словосочетания «страшный человек» кроме того, что, так как он никогда не предлагал такого, то не является страшным человеком. С другой стороны, по поводу фразы о краже металлолома ответчик

ничего не мог добавить относительно ее содержания в том смысле, что он просто не возражал относительно содержания данной фразы. Если бы ответчик не выражал именно такого содержания, то очевидно, что он пытался бы его оспорить, хотя, конечно, это не является необходимым, и в общем случае лингвист должен описать условия двух ситуаций, которые являются возможными в данном случае, эти ситуации также могут быть сформулированы в условных выводах.

Перейдем к решению конкретных вопросов.

Очевидно, что вопрос о том, содержат ли представленные к исследованию фразы информацию о неэтичном, неправильном поведении истца, не входит в компетенцию лингвиста. Лингвист не является специалистом в области этики, а потому не может решать поставленную задачу. Поясним этот тезис: решения лингвиста в данном случае содержательно и юридически эквивалентны решениям любого человека (с юридической точки зрения – это мнение частного лица), и нет никакого обоснования, что решения лингвистом этого вопроса будут обладать относительно решений, например, врача или рабочего, какими-то преимуществами.

Вопрос о том, унижает ли данная информация честь и достоинство У-а, также не входит в компетенцию лингвиста. Этот вопрос может пониматься как поставленный относительно психологии, и тогда устанавливается факт: нанесли ли эти сведения моральный вред У-у или он ничего не испытал, но, пользуясь правом подавать иски, решил выиграть дело для того, чтобы получить деньги от ответчика. Или этот вопрос может пониматься юридически как такой, который касается установления обстоятельств, образующих состав правонарушения, в соответствии с этим необходимо установить, были ли высказаны фактические утверждения, имел ли место факт их распространения, были ли эти утверждения сообщениями о нечестных поступках или нарушении законодательства, соответствуют ли эти утверждения действительности. Естественно, что установление всех этих обстоятельств не входит в компетенцию лингвиста.

Таким образом, из поставленных вопросов лишь два (о наличии / отсутствии негативной информации о лице и об

оскорбительности высказывания) входят в компетенцию лингвиста-эксперта.

Вопрос об оскорбительности в данном случае может быть решен однозначно. Напомним, что этот вопрос решается не относительно фактических эмоциональных состояний истца, а по отношению к речевому поведению ответчика в смысле кодируемой ответчиком в его сообщении информации. Очевидно, что словосочетание «страшный человек» может являться частью речевого акта «оскорбление» только при вполне определенных условиях. Предположим, что действительно ответчик произносил фразу «Ты страшный человек» с целью оскорбить истца, тогда он должен был по меньшей мере повысить силу голоса либо выбрать агрессивную интонацию, но и в этом случае его ожидает коммуникативная неудача, так как словосочетание «страшный человек» ивективно слабое и имеет очень низкую predisposedность вызывать перлокутивный эффект оскорбления. Это, кстати, подтверждается поведением истца в судебном заседании, истец оспаривал эту фразу не в аспекте того, что был факт оскорбления, а в аспекте ее несоответствия действительности (своим поведением в суде истец показывал, что он не реагирует на произнесенную в его адрес фразу как на оскорбление). Реакция же на оценочные высказывания, как если бы они были высказываниями фактическими, согласуется с информативными свойствами анализируемого высказывания (см. раздел 2.2.3.3.).

Несмотря на то, что вопросы поставлены так, что большинство из них выходит за пределы компетенции лингвиста, эксперт может воспользоваться правом экспертной инициативы и включить в свои выводы информацию об обстоятельствах, которые имеют значение для разрешения дела по существу, но относительно которых ему не были заданы вопросы (п. 2 ст. 86 ГПК РФ).

В данном случае лингвист может решить вопрос о речевом поведении говорящего: утверждал ли говорящий фактическую информацию о мире либо о своем ментальном состоянии или высказывал оценку. Традиционно этот вопрос формулируется следующим образом: «Являются ли данные высказывания утверждением о фактах или субъективным мнением (оценкой)

говорящего?» Этот вопрос, очевидно, может быть решен лингвистом-экспертом.

Словосочетание «страшный человек» может являться частью фразы «Ты страшный человек», «Он страшный человек», «У страшный человек». В словосочетании слово «страшный» реализует следующее значение: «вызывающий страх (о событиях или предметах, вызывающих чувство боязни, ужаса)» (С.И. Ожегов Толковый словарь русского языка М., 1987, с. 687). При любых условиях (то есть в любых контекстах) данное словосочетание выражает оценку действий того лица, которое оценивается говорящим.

Фраза «разворовал все садовое общество, едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом» также не содержит инвективных средств, потому не является оскорбительной. В том виде, в каком фраза представлена к исследованию, она должна быть обращена к У-ку и представлять собой речевой акт обвинения.

Анализируемая фраза состоит из двух частей: 1) «разворовал все садоводство» и 2) «едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом». Данные части относятся друг к другу, как объясняющее и объясняемое. Во второй части утверждается о факте, что Х на своей машине собирает металлолом в садоводстве, в первой – его действия квалифицируются как воровство. Условия ложности содержания всей фразы будут заключаться в следующем: 1) Х не собирает металлолом в садоводстве; 2) Х собирает металлолом в садоводстве, но имеет на это право.

Таким образом, данная фраза содержит следующие утверждения о фактах:

А) Х собирает в садоводстве металлолом.

Б) Использует для этого свою машину с прицепом.

В) Делает это (собирает металлолом) самовольно, без согласования с кем-либо.

Представим выводы, полученные в ходе решения поставленных экспертных задач:

1. Словосочетание и фраза, представленные к исследованию, не содержат инвективных лексических средств, потому не являются оскорбительными.

2. Вопрос о том, содержат ли представленные к исследованию фразы информацию о неэтичном, неправильном поведении истца, не входит в компетенцию лингвиста.

3. Вопрос о том, унижает ли данная информация честь и достоинство Х-а, не входит в компетенцию лингвиста.

4. Словосочетание «страшный человек» не может входить в состав фактических утверждений, но может являться только оценкой.

5. Если в адрес Х-а была произнесена фраза «разворовал все садовое общество, едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом», то говорящий утверждал факты:

А) Х собирает в садоводстве металлолом.

Б) Использует для этого свою машину с прицепом.

В) Делает это (собирает металлолом) самовольно, без согласования с кем-либо.

6. Словосочетание и фраза, представленные к исследованию, содержат негативную оценку Х-а.

3.2.2. Экспертная ситуация 2

А) Постановка экспертных задач

1. Содержат ли следующие утверждения, опубликованные в статье «Х-ом по нацпроекту», напечатанной в региональном еженедельнике «...» № 37 за 15.09.2006 г. о том, что «группа компаний РАТМ берет бюджетные деньги на доступное жилье, но строит элитные коттеджные поселки»; «удивляет, что бюджетные деньги, по сути дела, вовлекаются в оборот не социальных, национальных или стратегически важных для области проектов, а работают на чисто коммерческий карман»; «понятно, что никакого отношения к национальному проекту «Доступное и комфортное жилье - гражданам России» коттеджный проект Х-а не имеет. И на фоне борьбы за удешевление жилья, даже как-то неудобно получается: одной рукой лезешь за деньгами в бюджетный карман, другой повышаешь цены на цемент для всех остальных, третьей - дешево строишь для себя. Рук, конечно, не хватает, зато как

выгодно!» во взаимосвязи с остальным текстом статьи, заголовком статьи и карикатурой сведения о недобросовестности Х-а и возглавляемой им группы компаний РАТМ, неправильного, неэтичного поведения в отношении третьих лиц, которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию Х-а?

2. Содержатся ли в заголовке статьи «Х-ом по нацпроекту», а также в иллюстрации к данной статье в виде карикатуры с изображением трех свиней, кирпичного дома-дворца с вывеской «Ратм-Ратм» и двух соломенных хижин с надписями «Ниф-Ниф», «Нуф-Нуф» во взаимосвязи с текстом статьи, где упоминается фамилия истца Х-а, а также с подписью под иллюстрацией: «А для вас, братья, я реализовал национальный проект «Доступное жилье», сведения, унижающие честь и оскорбляющие человеческое достоинство истца Х-а, противопоставляющие его лично и возглавляемую им группу компаний РАТМ обществу, порочащие деловую репутацию Х-а?

3. Содержатся ли в тексте: «удивляет, что бюджетные деньги, по сути дела, вовлекаются в оборот не социальных, национальных или стратегически важных для области проектов, а работают на чисто коммерческий карман», «понятно, что никакого отношения к национальному проекту «Доступное и комфортное жилье - гражданам России» коттеджный проект Х-а не имеет. И на фоне борьбы за удешевление жилья, даже как-то неудобно получается: одной рукой лезешь за деньгами в бюджетный карман, другой повышаешь цены на цемент для всех остальных, третьей - дешево строишь для себя. Рук, конечно, не хватает, зато как выгодно!» сведения о фактах и событиях, или эти высказывания носят оценочный характер?

4. Допускают ли языковые формы высказываний в приведенном тексте оценку с точки зрения их достоверности, соответствия действительности?

5. Содержатся ли в приведенном тексте сведения, порочащие честь и умаляющие достоинство Х-а?

6. Исходя из общепринятых норм морали и нравственности, какие выводы (в свете опубликованных в статье выражений и высказываний) могли сделать читатели газеты об Х-е, как о

человеке, о руководителе, о его поведении, поступках, моральных качествах, свойствах характера?

Б) Решение экспертных задач

1. Рассматриваемая экспертная ситуация связана с исследованием непосредственного источника, несущего информацию о речевом поведении субъекта речевой деятельности: на экспертизу представлен цельный печатный текст, поэтому выводы о том, относится ли негативная информация к истцу и выводы о содержании речевого поведения говорящего могут быть сформулированы в безусловной форме. Очевидно, что текст касается Х-а и группы компаний РАТМ, также очевидно, что то, что написано в тексте отражает содержание речевого поведения говорящего.

2. Как и в первой экспертной ситуации, вопросы о том, содержат ли данные высказывания информацию о недобросовестности Х-а и группы компаний «РАТМ», информацию об их неправильном, неэтичном поведении в отношении третьих лиц, порочит ли данная информация честь, достоинство и деловую репутацию, Х-а не входят в компетенцию лингвиста-эксперта (здесь справедливо такое же обоснование, как и относительно Экспертной ситуации 1).

3. В пределы компетенции лингвиста-эксперта не входит также и вопрос о верифицируемости / неверифицируемости утверждений (см. раздел 2.2.3.). Наличие у высказывания значений «истинно» или «ложно» не означает наличия эффективного способа проверки этого высказывания на предмет его соответствия действительности. Так, например, предикат «определять ценовую политику» не является оценочным, объем и содержание данного предиката не образованы оценочными категориями «хорошо / плохо», «можно / нельзя». Высказывание, в котором фигурирует этот предикат, не выполняет функцию вывода, не является интерпретацией каких-либо ситуаций или фактов. Эти признаки позволяют квалифицировать данный предикат как употребленный в дескриптивной функции, т.е. как утверждение о фактах. Данный предикат является истинным, когда группа компаний «РАТМ» действительно определяет ценовую политику на рынке цемента,

при этом лингвисту неизвестно, существует ли эффективный способ доказательства этого утверждения. Таким образом, знание того, проверяемо ли данное высказывание (=имеет ли эффективный способ проверки), не входит в компетенцию лингвиста-эксперта.

4. Анализируемые фразы содержат негативные сведения об Х-е и группе компаний «РАТМ». Данные сведения являются высказываниями, которые представляют собой как утверждения о фактах, так и оценку событий и фактов. Противопоставление фактов и оценок имеет значение для рассмотрения дела по существу, хотя, как мы уже отмечали, установление факта, что данные сведения оформляются в рамках негативной модальности, не требует специальных лингвистических познаний, тогда как установление отнесенности этих сведений к типу сведений о нарушении законодательства и этических норм не может быть установлено лингвистом-экспертом.

5. Одной из экспертных задач, поставленных перед лингвистом, является задача по установлению наличия / отсутствия оскорбления. Безусловно, что в том виде, как она (задача) поставлена в вопросах она, скорее, принадлежит психологии, нежели лингвистике, и лингвист не способен оценить и определить, способна ли эта статья принести моральный вред (=психологический ущерб) истцу. Но лингвист может понимать этот вопрос как вопрос, связанный с наличием / отсутствием в тексте речевого акта оскорбления.

Очевидно, что как в тексте, так и в заголовках и подзаголовках к нему этот речевой акт отсутствует.

А) В подзаголовке публикации «Группа компаний «РАТМ» берет бюджетные деньги на доступное жилье, но строит элитные коттеджные поселки», нет ни одного инвективного слова или словосочетания. Подзаголовок выполняет функцию сообщения того, что является основным утверждением публикации. Имея такие средства, подзаголовок был бы оформлен иначе, например, «Мошенники из группы компаний «РАТМ» берут бюджетные деньги на доступное жилье, но строят элитные коттеджные поселки».

Б) Заголовок публикации «Х-ом по нацпроекту» представляет собой языковую игру, основанную на созвучии лексем русского языка: имени собственного «Х», обозначающего фамилию центрального героя публикации Х-а и имени нарицательного «таран», имеющего семантический компонент «использоваться для разрушения, нанесения вреда, урона».

Цель заголовка – негативная оценка деятельности Х-а в связи с реализацией национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Деятельность Х-а оценивается как приносящая ущерб названному проекту, этот смысл вытекает из актуализации значения слова «таран» как нарицательного имени.

В) В основе иллюстрации лежит сюжет сказки «Три поросенка». Иллюстрация используется для передачи в другой семиотической (знаковой) системе информации, которая вербально выражена в подзаголовке статьи (см. анализ подзаголовка), что служит усилению значимости этой информации. Иллюстрация не дает оснований для интерпретации ее в качестве несущей инвективную информацию: «Х – свинья», так как остальные персонажи иллюстрации также изображены в качестве поросят (свиней), что говорит о нейтрализации данного инвективного смысла. Другими словами, наличие такого смысла в публикации не является необходимым.

Функция заголовка, подзаголовка текста и иллюстрации к нему – выразить в свернутом виде основной тезис публикации: «Группа компаний «РАТМ», возглавляемая Х-ом, использует бюджетные деньги для реализации своих коммерческих проектов, что негативно сказывается на реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России»». Данная информация выражена вербально (при помощи словесных средств) в заголовке («Х-ом по нацпроекту») и подзаголовке («Группа компаний «РАТМ» берет бюджетные деньги на доступное жилье, но строит элитные коттеджные поселки»), а также графически – при помощи иллюстрации к статье. В семиотическом (=знаковом) аспекте выражение указанного тезиса достигается за счет а) противопоставления «плохого» жилья (на рисунке изображено в виде шалашей) «хорошему» (на рисунке изображено в виде

кирпичного трехэтажного строения, огражденного забором с надписью «РАТМ-РАТМ»), б) реплики персонажа иллюстрации, свиньи, находящейся в центре.

Таким образом, в заголовке, подзаголовке и иллюстрации к публикации присутствуют негативные сведения о группе компаний «РАТМ» и Х-е. Анализ данных фрагментов текста не выявил наличия в них инвективных языковых форм и смыслов.

6. Перейдем к ответу на вопрос о фактивности / оценочности высказываний, которые перечислены в разделе «Постановка экспертных задач» в рамках ответа на вопрос 3.

А) Фраза «Удивляет, что бюджетные деньги, по сути дела, вовлекаются в оборот не социальных национальных или стратегически важных для области проектов, а работают на чисто коммерческий карман» содержит следующее утверждение о фактах:

«Бюджетные деньги используются на реализацию проекта по постройке поселка из 100 коттеджей в районе Бердского залива».

Это вытекает из следующего.

- Данная фраза находится в отношении объясняемое / объясняющее с последующим фрагментом текста, который начинается фразой «Совсем недавно «РАТМ-Девелопмент»...» и заканчивается фразой «Понятно, что никакого отношения к национальному проекту...». При этом в тексте объясняется следующее: коттеджный проект является исключительно коммерческим. Суждение о том, что к реализации коммерческого проекта привлекаются бюджетные деньги, не является выводом из каких-либо других высказываний текста, но утверждается автором публикации как факт. Следующий после фразы фрагмент текста связан с предыдущими фрагментами текста смыслом «еще один пример использования бюджетных денег в коммерческих целях».

- Содержательно суждение состоит из двух пропозиций «Проект является коммерческим», «Для реализации проекта используются бюджетные деньги». Подстановка смысла «мнение» к первой пропозиции: «Считаю, что проект является коммерческим» придает высказыванию интерпретационный смысл, что соответствует тому смыслу, в котором оно употреблено в тексте. Проект коммерческий, потому что а) покупателями станут бизнесмены с месячным доходом от \$5000, которые рассматривают

коттедж как второе жилье и б) первые дома обещают начать продавать уже летом следующего года по цене 1200 за 1 кв. м.

- Подстановка смысла «мнение» ко второй пропозиции придает ей смысл, который не соответствует смыслу этой пропозиции в тексте. Высказывание «Считаю, что для реализации проекта используются бюджетные деньги» означает отсутствие знания о высказываемом и наличие каких-либо ситуаций, служащих источником для формирования мнения о том, что для реализации проекта используются бюджетные деньги. При условии актуализации смысла «мнение» без специальных слов, указывающих на предположительный или выводной характер сведений («предполагаю», «возможно», «вероятно», «уверен») текст необходимо предполагал бы наличие описаний ситуаций, являющихся источником мнения автора. В тексте не выявлено ни одного высказывания, являющегося описанием ситуации, которая придавала бы анализируемому высказыванию статус вывода.

- Данная фраза в цельном контексте публикации эквивалентна подзаголовку статьи «Группа компаний «РАТМ» берет бюджетные деньги на доступное жилье, но строит элитные коттеджные поселки».

Б) Фраза «Удивляет, что бюджетные деньги, по сути дела, вовлекаются в оборот не социальных национальных или стратегически важных для области проектов, а работают на чисто коммерческий карман» содержит следующую оценочную информацию:

«Постройка коттеджного поселка является исключительно коммерческим проектом».

Соединение двух названных суждений (=из соединения двух суждений) выводится (имплицитруется) третье суждение «Бюджетные деньги используются в коммерческих целях», «Бюджетные деньги используются не по их целевому назначению». Данные суждения являются суждениями-выводами и представляют собой оценку (интерпретацию) фактического положения дел: «На постройку коттеджей используются бюджетные деньги».

Фраза 2 «Понятно, что никакого отношения к национальному проекту «Доступное и комфортное жилье –

гражданам России» коттеджный проект Эдуарда Тарана не имеет» содержит следующие утверждения о фактах:

А) существует проект Х-а по постройке коттеджей;

Б) существует национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России»

Фраза 2 содержит следующую оценочную информацию:

Проект Х-а не имеет никакого отношения к национальному проекту «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Данное суждение является высказыванием-выводом из следующих высказываний текста:

А) Директор компании Олег Килин рассказал газете «Ведомости», что покупателями станут бизнесмены с месячным доходом от \$5000, которые рассматривают коттедж как второе жилье.

Б) Первые дома обещают начать продавать уже летом следующего года по цене 1200 за 1 кв. м.».

Из предложений под буквами А и Б автор выводит: «Коттеджный проект не имеет отношения к национальному проекту».

Фраза 3 «И на фоне борьбы за удешевление жилья как-то неудобно получается: одной рукой лезешь за деньгами в бюджетный карман, другой – повышаешь цены на цемент для всех остальных, третьей – дешево строишь для себя. Рук, конечно, не хватает, зато как выгодно!» является заключительной в тексте. Ее функция – подвести итог утверждениям, оценкам и размышлениям автора. В аспекте разграничения утверждений о фактах и оценочных высказываний данная фраза содержит оценочную информацию – исследуемое высказывание является выводом из предшествующих в публикации оценочных и фактологических высказываний. При этом данные выводы содержат негативную оценку деятельности компании «РАТМ» и Э.А. Тарана.

Анализируемое высказывание состоит из следующих пропозиций:

1. Существует борьба за удешевление жилья.
2. Получается неудобно.
3. Лезешь в бюджетный карман.
4. Повышаешь цены на цемент для всех остальных.

5. Дешево строишь для себя.

6. Это выгодно.

Смысловая структура всей фразы такова: «Существует борьба за удешевление жилья, компания «РАТМ использует бюджетные деньги, повышает цены на цемент, дешево строит для себя» последние три ситуации оцениваются автором статьи как выгодные для компании «РАТМ» и Х-а. Соотношение всех названных ситуаций получает оценку «негативно ценно».

А) Пропозиция «Лезешь в бюджетный карман» является негативной оценкой следующего факта: «Бюджетные деньги используются на постройку поселка из 100 коттеджей в районе Бердского залива».

Словосочетание «лезть в карман» относится к классу идиоматичных словосочетаний русского языка и имеет следующее значение: Залезать / залезть в карман *чей, к кому* - незаконно распоряжаться чужим имуществом; присваивать что-л. нагло или тайком (А.М. Малерович, В.Н. Мокиенко Фразеологизмы русской речи. М., 2001, с. 856). Таким образом, автор публикации оценивает ситуацию «Бюджетные деньги используются на постройку поселка из 100 коттеджей в районе Бердского залива» как ситуацию незаконного распоряжения чужим имуществом, а именно распоряжение Х-ом и группой компаний «РАТМ» бюджетными средствами.

Б) Пропозиция «Повышаешь цены на цемент для всех остальных» является высказыванием-выводом из следующих утверждений в публикации:

1. Утверждения о факте, что ценовую политику на рынке цемента определяет компания «РАТМ», выражено во фрагменте «Известно, что ценовую политику выстраивают не «центроцементовцы» или «новомировцы», а группа компаний «РАТМ», плотно опекающая единственный в Новосибирской области цементный завод».

2. Утверждения о факте, что «Цена цемента составляла 25000-2700 рублей за тонну». Выражено во фрагменте «Цемент, который летом заливали в фундаменты, обходился строительным организациям в 25000-27000 рублей за тонну».

3. Утверждения о факте, что был звонок в фирму-посредник, где сказали, что цена цемента составляет 36000 за тонну. Выражено во фрагменте «В одной из фирм-посредников можно услышать следующее: «Вам навалом? Тогда 36000 за тонну»».

4. Утверждения о факте, что «Представителями Алтайского края искитимский цемент покупался по цене 27000-28000 рублей». Выражено во фрагменте «При этом соседям из Алтайского края через одну посредническую фирму все же удается получать искитимский цемент по тысяче тонн в день по цене 27000-28000 руб.».

В) Пропозиция «Дешево строишь для себя» является высказыванием-выводом следующего утверждения в публикации:

Высказывания-вывода (=оценочного высказывания), что цена цемента для коттеджного проекта составляет 11000-12000 тысяч рублей за тонну. Выражено во фрагменте «Маржа обещает быть хорошей, поскольку для собственного проекта (по себестоимости) цемент обойдется в 11000-12000 рублей за тонну».

Маржа (финанс.) – Сумма, образующаяся между ценой продаваемого и покупаемого товара (Большой толковый словарь русского языка, С-Пб, 2003, с. 521).

Г) Пропозиция «Это выгодно» представляет собой оценку ситуаций «брать бюджетные деньги», «повышать цены для всех остальных», «дешево строить для себя».

7. В рамках экспертной инициативы лингвист может квалифицировать и другие утверждения текста на шкале оценка / факт, хотя относительно этого не было задано соответствующих вопросов. Так, например, к фактам будут относиться следующие высказывания текста

А) Группа компаний «РАТМ» берет деньги на доступное жилье. Данное утверждение может быть истолковано двояко. Первая интерпретация такова: группа компаний «РАТМ» берет деньги, предназначенные для реализации проекта «Доступное жилье». Вторая интерпретация такова: группа компаний «РАТМ» берет деньги с целью построить доступное жилье. Обе интерпретации вероятны, более вероятной является вторая, так как она более соответствует нормам интерпретации предложений в

русском языке. Это не исключает интерпретации №1, однако такая интерпретация связана с признанием ненормативности фразы, с наличием в ней речевой ошибки. Общий контекст статьи не позволяет установить, какая из двух интерпретаций является лингвистически необходимой.

Б) Бюджетные деньги используются на постройку поселка из 100 коттеджей в районе Бердского залива.

В) Существует проект X-а по постройке коттеджей.

Г) Существует национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».

Д) Директор компании К. рассказал газете «Ведомости», что:

- покупателями станут бизнесмены с месячным доходом от \$5000, которые рассматривают коттедж как второе жилье;
- первые дома обещают начать продавать уже летом следующего года по цене 1200 за 1 кв. м.»

Е) Ценовую политику на рынке цемента определяет компания «РАТМ».

Ж) Цена цемента составляла 25000-2700 рублей за тонну.

З) Был звонок в фирму-посредник, где сказали, что цена цемента составляет 36000 за тонну.

И) Представителями Алтайского края искимитский цемент покупался по цене 27000-28000 рублей.

8. Анализируемая статья формирует следующее восприятие читателей. Фактологический уровень: все факты в публикации достоверны. Оценочный уровень: все оценки в статье обоснованны. Из последнего факта выводится: оценка, данная деятельности X-а, справедлива. Из публикации возможно сделать следующие выводы:

1. X использует бюджетные деньги (в одной из возможных интерпретаций данного предложения – см. анализ выше) для постройки коттеджей. Из этого выводимо: X использует бюджетные деньги не по назначению, но с целью получить выгоду для себя.

2. Группа компаний «РАТМ» без необходимости повышает цены на цемент. Данный вывод вытекает из фрагментов

текста, посвященных теме повышения цен на цемент на рынке. Логика автора такова:

Известно следующее:

А) - Цемент стоил 25000-2700 рублей за тонну.

- Затем цена цемента повысилась и составила 36000 за тонну.

- Покупателям из Алтайского края цемент отпускался по цене 27000-28000 рублей.

- Для реализации собственного проекта цена цемента составляет 11000-12000 тысяч рублей за тонну.

Из данных высказываний **выводится** высказывание «Возможна более низкая цена на цемент, чем цена, за которую предлагают купить цемент в настоящее время».

Б) - Ценовую политику определяет группа компаний «РАТМ» во главе с Х-ом.

- В иркутской области при повышении цены на цемент осуществлялась борьба с производителем, в которой участвовали областные власти, включая губернатора, антимонопольное управление и общественность. В Новосибирске нет факта регуляции цен производителя.

Из данных высказываний **выводится** утверждение: «Цену на цемент определяет только группа компаний «РАТМ», возглавляемая Х-ом.

Из высказываний «Возможна более низкая цена на цемент, чем цена, за которую предлагают купить цемент в настоящее время», «Цену на цемент определяет только группа компаний «РАТМ» **выводится** высказывание «Группа компаний «РАТМ» без необходимости повышает цены на цемент».

3. Из совокупности всех высказываний вытекает: «Цена повышается с целью получения выгоды».

Таким образом, читатель может сделать следующие выводы Х, возглавляя группу компаний «РАТМ», имеет отношение к повышению цен на цемент, которое (повышение) не является необходимым, но преследует цель – получение выгоды Х-ом как руководителем группы компаний «РАТМ». Х строит на бюджетные деньги элитный коттеджный поселок, используя бюджетные деньги не по назначению, получая при этом выгоду. При этом читатель

может квалифицировать оценку деятельности Х-а как руководителя компании «РАТМ», характеризующуюся как незаконное присвоение чужого, в качестве справедливой оценки, т.е. читатель может сделать следующий вывод: «Действительно, Х и группа компаний «РАТМ» присваивает, незаконно распоряжается, бюджетными деньгами».

Представим выводы, полученные в ходе решения экспертных задач по анализируемой ситуации.

1. Не входит в компетенцию лингвиста.

2. Данные фрагменты публикации не являются с лингвистической точки зрения оскорбительными. В заголовке, подзаголовке и иллюстрации к публикации присутствуют негативные сведения о группе компаний «РАТМ» и Х-е. Квалификация сведений, представленных в заголовке, подзаголовке и иллюстрации к тексту как унижающих честь, оскорбляющих человеческое достоинство, порочащих деловую репутацию Х-а, не входит в компетенцию лингвиста-эксперта.

3. Анализируемые фразы содержат следующие утверждения о фактах:

А) На постройку поселка из 100 коттеджей в районе Бердского залива используются бюджетные деньги.

Б) Существует проект Х-а по постройке коттеджей.

В) Существует национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».

4. Оценка фраз на предмет их проверяемости (=наличия отсутствия эффективного способа проверки) и их соответствия действительности не входит в компетенцию лингвиста.

5. Не входит в компетенцию лингвиста.

6. Текст способен породить следующие выводы: Х, возглавляя группу компаний «РАТМ», имеет отношение к повышению цен на цемент, которое (повышение) не является необходимым, но преследует цель – получение выгоды Х-ом как руководителем группы компаний «РАТМ». Х строит на бюджетные деньги элитный коттеджный поселок, используя бюджетные деньги не по назначению, получая при этом выгоду. При этом читатель может квалифицировать оценку деятельности Х-а как руководителя компании «РАТМ», характеризующуюся как незаконное

присвоение чужого, в качестве справедливой оценки, т.е. читатель может сделать следующий вывод: «Действительно, Х и группа компаний «РАТМ» присваивает, незаконно распоряжается, бюджетными деньгами».

В) Объекты экспертного исследования

ТЕКСТ СПОРНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Х-ОМ ПО НАЦПРОЕКТУ

НОВОСИБИРСКИЕ строители встревожены: на мелкооптовом рынке существенно выросла цена искитимского цемента. «Каток» удорожания пройдет и по тем, кто возводит жилые массивы, отвечая за реализацию национального жилищного проекта.

Цемент, который летом заливали в фундаменты домов в Новосибирске, обходился строительным организациям в 2500-2700 рублей за тонну. Но если, например, сегодня позвонить на «Искитимцемент» и представиться потенциальным покупателем, то вам откажут — продукции на всех желающих не хватает, говорят, что на заводе сломалась печь, к тому же возник дефицит шлака, используемого в производстве, и вообще: «Обращайтесь в торговый дом». Из торгового дома вас отправят дальше — к посредникам. В одной из фирм-посредников можно услышать следующее: «Вам навалом? Тогда 3600 за тонну».

«Навалом» — это не про количество цемента, а про вид отгрузки: в отличие от «тарированного», цемент «навалом» отгружают в специальные машины. А что касается дефицита, то тут картина такая. Совсем недавно гендиректор «Искитимцемента» М. рассказывал журналистам, что в этом году на показатель миллион тон завод вышел на месяц раньше, чем в прошлом. То есть цемента действительно было навалом, в смысле, много. И вот в разгар строительного сезона в Новосибирской области, которая и так не числится в лидерах по реализации жилищного нацпроекта, устраивается дефицит и резкий скачок цен.

При этом соседям из
...Алтайского края через

Цены пляшут, а проверить, сколько одну посредническую
и куда отгружается довольно фирму
сложно все же удастся получить

искитимский цемент по тысяче тонн в день по цене 2700-2800 руб., то есть дешевле, чем сегодня могут купить новосибирские строители. В общем, цены пляшут, а проверить, сколько и куда отгружается, довольно сложно, — не на всех заводских пунктах отгрузки есть промышленные весы. Когда в Иркутской области начал дорожать ангарский цемент, к борьбе с производителем подключились как областные власти, включая губернатора и антимонопольное управление, так и общественность — Союз строителей — в лице его председателя Юрия Шкуропата. У нас пока молчат и власти, и строители. Небольшим строительным фирмам на эту тему рот разевать опасно: «Искитимцемент» у нас один. Реализацией продукции занимается одноименный торговый дом, но и к нему не подступишься — в основном, сбыт идет через группу посредников: «Центр-Цемент», «Корпорация Цемент» и фирму «Новый Мир» (последняя, кстати, была даже замешана в уголовном деле по поводу хищений продукции ОАО «Искитимцемент»). Известно и то, что ценовую политику выстраивают не «центроцементовцы» или «новомировцы», а группа компаний «РАТМ», плотно опекающая единственный в Новосибирской области цементный завод. Глава «РАТМа» Х имеет хорошие отношения с губернатором Т. Проекты Х-а и сегодня получают преференции от власти: даже журнал «Форбс» в сентябрьском номере сообщил о том, что «власти одобрили проект «Искитимцемента» по строительству нового завода и согласились выделить компании средства на выплату части долгов». Так что строители еще десять раз подумают, прежде чем критиковать действия человека, на проекты которого губернатор дает миллионы рублей бюджетных денег.

Группа компаний «РАТМ» берет ВПРОЧЕМ,
деньги на доступное жилье в сегодняшней ситуации
но строит больше всего удивляет
элитные коттеджные поселки не система
работы через посредников, не использование лоббистских возможностей (кто этим не пользуется?), и даже не сам рост цен.

Удивляет, что бюджетные деньги; по сути дела, вовлекаются в оборот не социальных, национальных или стратегически важных для области проектов, а работают на чисто коммерческий карман. Совсем недавно «РАТМ-девелопмент» объявил о постройке в районе Бердского залива поселка из 100 коттеджей, который станет крупнейшим в Новосибирской области. Директор девелоперской компании К. рассказал газете "Ведомости", что покупателями станут бизнесмены с месячным доходом \$5000, которые рассматривают коттедж как второе жилье. Первые дома обещают начать продавать уже летом следующего года по цене \$1200 за 1 кв. м. Маржа обещает быть хорошей, поскольку для собственного проекта (по себестоимости) цемент обойдется в 1100-1200 руб. за тонну. Понятно, что никакого отношения к национальному проекту «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» коттеджный проект Х-а не имеет. И на фоне борьбы за удешевление жилья даже как-то неудобно получается: одной рукой лезешь за деньгами в бюджетный карман, другой — повышаешь цены на цемент для всех остальных, третьей — дешево строишь для себя. Рук, конечно, не хватает, зато как выгодно!

С) Рисунок-иллюстрация к спорной публикации



Группа компаний «РАТМ» берет бюджетные деньги на доступное

3.3 Решение экспертных задач по делам о разжигании национальной, религиозной, социальной розни и призывам к экстремистским действиям

3.3.1. Экспертная ситуация 1

А) Постановка экспертных задач

В сети Интернет действует сайт, содержащий правила игры «Сломай систему», цель которой изменить существующий строй в России. Игра предусматривает конкретные задание для ее участников, в том числе размещение оскорбительных изображений лиц различных национальностей, нанесение знака «сварога» на дома, автомобили представителей действующей власти и т.п.

В связи с изложенным на основании ст.6, ч.1 ст.22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прошу провести исследование печатного текста правил игры «Сломай систему», по результатам которого дать заключение по следующим вопросам:

1. Направлена ли игра на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации? Содержит ли игра призыв к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации?

2. Содержатся ли в правилах игры признаки возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной вражды, а также призывы к возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной вражды?

3. Содержит ли игра призывы к возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни?

4. Содержится ли в правилах игры пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии?

В) Решение экспертных задач

1. Вопрос о том, направлена ли игра на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации не входит в компетенцию

лингвиста. Очевидно, что этот вопрос направлен на установление наличия / отсутствия прямого умысла на разжигание межнациональной розни, о том, что умысел и интенция не равны между собой, мы отмечали в разделе 1.3.2. В данном случае мы можем отметить только следующее:

А) При соблюдении условий искренности порождения текста авторы игры считают, что скоро наступит кризис, власть будет свергнута, а они (то есть авторы и участники игры) будут способны перехватить власть и построить на территории России государство для русских.

Б) При несоблюдении условий искренности порождения текста цель автора (авторов) игры – привлечение внимания неопределенного количества людей либо к самой игре, либо к выполнению тех конкретных действий, которые перечислены в правилах.

2. При соблюдении условия искренности содержание спорного текста будет заключаться, по нашему мнению, в следующем.

В игре присутствует следующий призыв: «Сломай систему играючи!». Из общего контекста игры следует, что слово «система» употребляется в следующем значении – «существующее в настоящее время положение дел в государстве, в его силовых и властных структурах». Под системой, таким образом, понимается сложившееся положение дел в стране. Из смыслов, представленных в тексте правил и комментариев команды игры по поводу целей игры, следует, что существующее положение дел неудовлетворительно: пришельцы во власти, пришельцы на территории страны, государство авторитарно, русские уничтожаются. Отсюда: идеальное государство – это государство для русских и управляемое исключительно русскими. Из этого вытекает два структурных элемента призыва.

А) Хочу, чтобы было X

Б) Знаю, что X не может произойти само

Из контекста вытекает, что автор (авторы) игры считает, что игра предназначена для отработки навыков перехвата власти во время будущего ресурсного кризиса, таким образом, участвуя в

игре, каждый игрок способствует слома системы, которая понимается в определенном выше смысле.

Игра имеет следующую структуру:

Микроуровень:

1. Игроки (персонажи) Уличный боец, Интернет боец и т.п.
2. Враги (пришельцы и силовики).
3. Цель игры – выполнять действия, разработанные для различных уровней.
4. Система поощрений за выполнение заданий (деньги и переход на другой уровень).

Макроуровень:

1. Цель игры (поясняется в комментариях).

А) Проспективная (направленная на будущее) – «перехват» власти в момент ожидаемого кризиса. Это вытекает из следующих высказываний:

- «Но нам не нужен даже переворот. Лишь перехват после потери государственными структурами управляемости. Снесут власть другие, в результате внутриэлитной грызни. Снесут неконституционно... И развяжут нам руки».

Б) Актуальная (связанная с настоящим) – подготовка к будущей борьбе и участие в слома системы. Это вытекает из следующих высказываний:

- «В игре мы отработаем СОТНИ приемов, чтобы быть готовыми к любому повороту событий, мы отрепетируем сотни сценариев, которые принесут нам победу».

- «Это отработка реальных приемов перехвата власти в условиях кризиса, когда она будет «валиться на земле».

- «Представьте себе час «Х». К нему мы обязательно будем иметь технические возможности перехвата частот и донесения своей информации до общества. Как? А для этого мы и тренируем информ-атаки».

Авторы игры расценивают игру как форму осуществления реальных неигровых целей (=слома системы, перехвата власти). Например, в комментариях к игре сказано следующее «Стоит раз и навсегда РЕАЛЬНО ПОКАЗАТЬ, что ВСЕ задания Игры имеют ВЕСЬМА РЕАЛЬНЫЙ смысл. Это поистине БОЕВЫЕ УЧЕНИЯ,

которые (в этом и есть искусство Команды) для внешнего наблюдателя видятся лишь стебом».

Автор (авторы) игры формулируют призывы достаточно конкретно и в этом смысле призывы определенны, поэтому остальные компоненты призыва следующие:

В) Знаю, что если делать У, то, возможно, что будет Х

Г) Знаю, что если буду говорить тебе, *что* нужно делать, чтобы было Х, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было Х

Е) Говорю тебе: делай У

Ж) Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было Х.

3. В игре и комментариях к ней содержатся признаки возбуждения расовой и национальной розни.

1. В комментариях содержится следующие высказывания:

А) «Раз вы читаете эти строки, значит вы уже из той малой части Белого человечества, что решили сражаться за место под солнцем, а не сгнуться на задворках истории».

Б) «Система уничтожения Русского народа построена на вполне осязаемых принципах и схемах, присущих любому авторитарному обществу»

В) «Ресурсов 1/7 части суши и прилегающего шельфа нам будет достаточно для обеспеченной счастливой жизни всего народа и построения технократического государства без каких-либо пришельцев не только во власти, но и на нашей земле. Мы за построение Белого государства обеспечивающего технологическое, интеллектуальное преимущество своего народа в условиях глобальной конкуренции за мировые ресурсы».

Г) «Те, кто не находил себе применения наконец то смогли активно проявить себя в новом сетевом проекте не боясь, что выполняют «заказ дяди из Кремля» или, что новую организацию скоро опять захватят жидаы».

В первых трех фрагментах белая раса противопоставляется другим расам, русский народ – «пришельцам», под которыми понимаются люди, не относящиеся к русской национальности (например, евреи или кавказцы). Утверждается, что в настоящее время русский народ целенаправленно уничтожается, из этого вытекает необходимость борьбы с целью выжить (цель белой расы

и русского народа – выжить в неблагоприятных для них условиях). Цель первых фрагментов – создать образ врага. Враг – это человек, не относящийся к белой расе и не являющийся русским по национальности.

В третьем фрагменте по отношению к евреям употреблена оскорбительная номинация «жиды». Жид *Раз.-сниж.* Презрительное, бранное название еврея (Методические рекомендации по исследованию текстов для выявления призывов к осуществлению экстремистской деятельности, М., 2005). В данном случае справедливо утверждение о наличии речевого акта оскорбления и это фрагмент исследования не отличается от решения задач, связанных с квалификацией речевого поведения говорящего по делам, связанным с установлением оскорбления.

Таким образом, в комментариях присутствуют следующие признаки возбуждения расовой и национальной розни: создается образ врага, враг – это человек не белой расы и не русской национальности, присутствуют оскорбительная номинация одной из национальностей.

Сама игра построена по принципу борьбы с врагом. Врагом в данном случае выступают «пришельцы» - люди, не относящиеся к русской национальности и находящиеся на территории России, а также «силовики» – сотрудники правоохранительных и государственных органов. Необходимость борьбы с последними объясняется тем, что настоящая власть и государственное устройство России представляет собой систему, способствующую уничтожению русских. Существующая система признается авторитарной, во властных структурах этой системы присутствуют «пришельцы», которые являются врагами, таким образом, существующая власть не соответствует принципам государственного устройства, при котором русские люди являются хозяевами своих территорий, ресурсов и т.п.

Примеры заданий, которые направлены на борьбу с «пришельцами»:

А) Прислать фрагмент кино с броском мощных горящих петард в торговый киоск пришельцев. По сценарию дверь киоска должна быть заблокирована.

Б) Придумать 5 интересных и, возможно, смешных унижающих сценариев постановки пришельца на колени для последующей съемки видеороликов по лучшим сценариям. Описать подробно, с тщательной детализацией, организацию подобного действия и ее исполнения, прикрытия и отхода команды. Осуществить разведку удобной для акции местности и ее фотосъемку.

В) Найти 7 автомастерских пришельцев, написать на дверях или повесить табличку «Осторожно, дикие звери» со Сварожичем. Прислать фото автомастерской с надписью. Если удастся заснять на видео выходящих из автомастерской пришельцев – достаточно 2 адреса.

Г) Прислать 3 видеоролика с нанесением легкого материального ущерба пришельцам.

Д) Прислать ссылку на видеозапись пришельца многократно – не менее трех раз называющего себя «Я пришелец – осло*б».

4. В самих правилах игры не обнаружены призывы к возбуждению расовой, социальной, религиозной, национальной розни. Необходимо остановиться на анализе самих действий, которые поощряются в игре, это важно, для того чтобы показать, что оценка реальных действий на шкале экстремистские / неэкстремистские не входит в компетенцию лингвиста-эксперта. При анализе можно выделить три группы «игровых» действий.

1. Действия, связанные с увеличением информации об игре (условно – «реклама» игры). «Создать 14 тем о Большой Игре на различных форумах со ссылкой на сайт [X](#)., поддерживать обсуждение до окончания срока выполнения Задания, в том числе, и создавая себе новые форумные ники. В совокупности должно набраться 100 сообщений. Выслать ссылки на форумы с обсуждением Игры».

2. Конкретные действия, связанные с причинением материального или морального вреда «пришельцам». «Прислать ссылку на видеозапись пришельца многократно – не менее трех раз называющего себя «Я пришелец - ослоб».

3. Действия, связанные с разработкой новых сценариев, которые могут быть положены в основу новых игровых заданий

либо связаны с информационным наполнением сайта большой игры.

Очевидно, что лингвист не может ответить на вопрос, необходимо ли считать эти действия запрещенными действиями в том смысле, что запрещены ли эти действия статьями 280, 282 УК РФ. И это является одним из доказательств неэффективности решения вопросов пропозиционального содержания, которые традиционно решаются лингвистом в рамках данной категории дел. Естественно, что лингвист как рядовой носитель русской культуры способен полагать, что эти действия действительно экстремистские или содержат признаки экстремизма или в общем смысле – плохие действия, в том отношении, что если поступать так, как описано в правилах игры, то возможно возбуждение межнациональной розни, но в этом случае его мнение не более ценно, чем мнение любого другого человека.

Представим выводы, полученные в ходе решения экспертных задач:

1. Вопрос о том, направлена ли игра на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, не входит в компетенцию лингвиста.

2. При соблюдении условий искренности порождения текста авторы игры считают, что скоро наступит кризис, власть будет свергнута, а они (то есть авторы и участники игры) будут способны перехватить власть и построить на территории России государство для русских.

3. При несоблюдении условий искренности порождения текста цель автора (авторов) игры привлечение неопределенного количества людей к конкретным действиям. Направлены ли эти действия на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации не входит в компетенцию лингвиста.

4. Правила игры и комментарии к игре содержат признаки возбуждения расовой и национальной розни. В игре создается образ врага. Враг – это человек, не относящийся к белой расе и русской национальности, в комментариях к игре присутствует оскорбительная номинация евреев. В игре не обнаружены призывы

к возбуждению расовой, социальной, религиозной, национальной розни.

5. Все перечисленные группы людей выделены по национальному (таджики, евреи, арабы и т.п.) и расовому (негры) признаку. Из контекста правил игры и комментариев к ней следует, что они относятся к категории «пришельцев», то есть врагов, в этом плане анализируемые правила содержат признаки возбуждения расовой и национальной розни и вражды.

7. Целью игры является побуждение неопределенной группы лиц к выполнению указанных действий. Способны ли данные действия разжечь межнациональную ненависть не входит в компетенцию лингвиста.

8. Игра не содержит явно выраженных призывов к возбуждению расовой, социальной, религиозной и национальной розни и вражды.

9. Превосходство по признакам расы и национальности принимается как данное, как необходимое условие осмысленности самих игровых действий в рамках различных «игровых персонажей».

С) Объекты экспертизы ТЕКСТ ПРАВИЛ ИГРЫ

Правила уровня «Персонаж «Уличный боец» Первый Уровень

1) Распечатать 14 листов со Сварожичами и словами "Большая Игра". Обклеить ими 14 пакетов от сока или жестяные банки из под коктейлей или газировки . Разместить заготовку на колесах любых дорогих импортных автомобилей, находящихся только на различных открытых парковках или на достаточно оживлённых улицах. Прислать фотографии размещённых изделий.

2) Прислать фото-видеосъёмку 14-ти точек базирования частных такси пришельцев с указанием их места на интернет-карте.

3) Придумать 5 интересных и, возможно, смешных унижающих сценариев постановки пришельца на колени для последующей съёмки видеороликов по лучшим сценариям. Описать подробно, с тщательной детализацией, организацию

подобного действия и её исполнения, прикрытия и отхода Команды. Осуществить разведку удобной для акции местности и её фотосъёмку. Прислать сценарии и фото местности предполагаемой акции.

4) Прислать фото 50 знаков Сварожича, либо сайта Игры, либо её названия нанесённой краской, желательно через трафарет, на любой поверхности в людном месте. Одно изображение на автомобиле пришельца приравнивается к 5-ти обычным. Одно изображение на автомобиле, либо здании Силовиков Системы приравнивается к 10-ти обычным изображениям.

5) Узнать адрес опорного пункта участкового Силовиков Системы, его Ф.И.О., телефон опорного пункта, марку автомобиля участкового и его госномер. Сфотографировать вход в опорный пункт и автомобиль участкового. По возможности его сотовый и (или) домашний телефоны и адрес проживания. Также узнать адрес и телефон дежурной части Силовиков Системы, к которому относится данный опорный пункт, Ф.И.О. начальника отделения и его телефон. Сфотографировать вход в дежурную часть. Прислать добытую информацию, фотографии и указание адресов на интернет-карте.

Второй Уровень

1) Найти 7 автомашинщиков пришельцев, написать на дверях или повесить табличку "Осторожно, дикие звери" со Сварожичем. Прислать фото автомашинщиков с надписью. Если удастся заснять на видео выходящих из автомашинщиков с надписью пришельцев - достаточно 2 адреса.

2) Прислать видео-ролик с постановкой пришельца на колени и его извинениями перед Русскими.

3) Найти любого человека, позволившего себе негативные высказывания в Интернете в отношении Большой Игры и применить против него адекватные издевательские меры воздействия на своё усмотрение.

4) Прислать фото Сварожичей, нанесённых на 10-ти автомобилях пришельцев через трафарет, либо 40-ка - в пригородных электричках.

5) Прислать 3 видео-ролика с нанесением лёгкого материального ущерба пришельцам.

Третий Уровень

1) На торговых палатках, магазинах, ресторанах, кафе пришельцев обозначать предупреждения землянам: "осторожно - звери", "тут торгуют звери", можно там же нарисовать рекламу "Большая Игра", "www.rusigra.org".

2) Прислать ссылку на видеозапись пришельца многократно - не менее трёх раз подряд называющего себя "Я - пришелец-ослоёб" и дающего обещания уехать.

Четвёртый Уровень

1) Сфотографировать три разбитых витрины магазина или ресторана пришельцев, уменьшить фото до 320 на 240 точек, разместить фото на любом файлообменнике и прислать нам ссылки на них.

3) Облить краской или разрисовать 14 рекламных баннеров, приуроченных к лохотронским выборам, сфотографировать их, уменьшить фото до 320 на 240 точек, разместить фото на любом файлообменнике и прислать нам ссылки на них.

4) Сфотографировать три авто пришельцев со спущенными колесами, можно дополнительно с иными приколами, сфотографировать их, уменьшить фото до 320 на 240 точек, разместить фото на любом файлообменнике и прислать нам ссылки на них.

5) На подходах к избирательным участкам разрисовать стены домов и заборы надписями "Лохотрону - бойкот" и www.rusigra.org. 14 надписей сфотографировать, уменьшить фото до 320 на 240 точек, разместить фото на любом файлообменнике и прислать нам ссылки на них.

Пятый Уровень

1) Сорвать гвоздодёром вывески с номерами двух участков лохотрона (сразу после его завершения, когда охрана будет снята) и приклеить их к мусорке либо к общественному туалету. Провести фотосъёмку с разных ракурсов.

2) Найти интервью пришельца-дворника в оранжевом жилете с его словами о том, что русские настолько чистоплотны, что пришельцам-дворникам здесь нечего делать и что всем им пора

уезжать домой. Видео пришельца с увеличивает награду на 50 процентов.

Сломай Систему играючи!

Правила уровня «Персонаж – «Интернет-боец»

Первый Уровень

1) Разместить из интернет-кафе на телефоны 15-ти любых дежурных частей Силовиков Системы пришельцев по 10 рекламных объявлений на бесплатных рекламных сайтах о продаже отечественного автомобиля по очень низкой цене на каждый телефон части. Всего 150 объявлений. Подписаться Мамедом. Прислать ссылки на объявления или их SaveScreen.

2) Прислать 150 смешных фотографий, можно скопированных из интернета, с издёвкой над ярко выраженными представителями Системы.

3) Создать 14 тем о Большой Игре на различных форумах со ссылкой на сайт www.gusigra.org, поддерживать обсуждение до окончания срока выполнения Задания, в том числе, и создавая себе новые форумные ники. В совокупности должно набраться 100 сообщений. Выслать ссылки на форумы с обсуждениями Игры.

4) Создать 5 своих ЖЖ с информацией об Игре и баннером Игры, дать на них 5 ссылок на информацию в ЖЖ. Оставить с одного из них в 88-ми других дневниках, схожих по интересам, любые ответы на их сообщения, либо рекламно-агитационные сообщения об Игре, если они подходят по контексту.

Второй Уровень

1) Собрать сообщения из местных, районных или региональных СМИ о десяти явлениях кризисного порядка, авариях систем отопления, электроснабжения, закрытии промышленных предприятий, коррупционных скандалах, межнациональных столкновениях, социальных волнениях за 2007-2008 года. Прислать ссылки или изображения отсканированных печатных изданий с данными сообщениями. Также как за сообщение засчитываются фото полуразрушенных закрытых предприятий, фото аварий.

2) Создать 14 тем о Большой Игре на фанатских форумах со ссылкой на сайт X, поддерживать обсуждение до окончания срока

выполнения Задания. Выслать ссылки на форумы с обсуждениями Игры с SaveScreen.

3) Создать 30 адресов e-mail и открытых с них ЖЖ с разной рекламно-агитационной информацией об Игре. Прислать ссылки на открытые ЖЖ и пароли к ним, и к e-mail.

4) Найти в Интернете и прислать ссылки на 21 видео-ролик с акциями против оккупантов

Третий Уровень

1) Собрать в Интернете ссылки на 50 нелицеприятных фото негров, арабов, цыган, таджиков, человекообразных обезьян, евреев. Прислать подобранные ссылки.

2) Собрать сообщения из местных, районных или региональных СМИ о 14-ти коррупционных скандалах за 2007-2008 года.

3) Отправить всего 50 комплиментарных автору сообщений в комментариях к статьям "Большая Игра "Сломай Систему", "Последнее прибежище негодяев", "Размышления о будущей революции", предварительно сообщив Команде Игры свои ники.

4) Создать ЖЖ-копию и отправить 50 рекламных сообщений об открытии видео вестника Большой Игры со ссылкой на него в 50 интернет-дневников, подобранных по соответствующим интересам. Название сообщения "Видео. Пришелец просит прощения у Русского народа". Прислать ссылки на свои сообщения, пароль к данному ЖЖ и почтовому ящику, с которого был открыт дневник.

5) Подобрать 100 адресов e-майл силовиков или чиновников системы. Открыть почтовый ящик в e-майл из Интернет-кафе или другим анонимным способом. Отправить на подобранные адреса приглашение принять участие в Большой Игре со следующим текстом: "Большая Игра приглашает тебя принять участие в Операции ТНТ (Твой Начальник - Тыква!) Как только ты включишь его в Игру в качестве Жертвы Игры, и передашь нам его мобильный и рабочий номер телефона с ФИО, ему пойдут десятки звонков в день с сообщениями о том, что теперь он Тыква, ему придут смс с сообщением "Тыква", ему будут звонить менеджеры фирм и предлагать купить свежую тыкву недорого. На двери его подъезда нарисуют Тыкву, на капот его машины положат тыкву,

его жене позвонят домой и скажут, что она замужем за Тыквой. Потом его жене позвонит любовница и скажет, чтоб жена отдала ей её любимую Тыкву. Ему пришлют письма, адресованные Тыкве. Твой начальник будет ненавидеть этот овощ больше всего на свете. Но это не предел, потеряв самоидентификацию, Твой начальник начнёт слать шизофренические письма в прессу, подписываясь Тыквой, оставляя свои контактные телефоны и данные. Если твой начальник заслужил почетную обязанность именоваться Тыквой, и если ты искренне желаешь воплощения вышесказанного полностью или частично, то вступай в Большую Игру, выполни вступительное Задание и Задания первых четырёх уровней, и заслужи Право участия в Операции ТНТ. Участие в Операции ТНТ в качестве Заказчика Игрокам четвёртого уровня предоставляется бесплатно.

Если тебе некогда или не хочется становиться Игроком, то ты можешь купить разовое право участия в Операции ТНТ, написав нам на почту. Расходы зависят от продолжительности погружения твоего начальника в волнующий мир Тыквы и его должности. Твои личные данные не нужны. Личные встречи не требуются. Обеспечивается полная анонимность, только переписка по электронной почте и оплата с уличного банкомата по карточке Яндекс-деньги. Прими участие в Операции "Твой Начальник - Тыква!" Успехов! С уважением, Команда Игры" Перешли нам пароль от данного почтового ящика с сохранёнными отправленными сообщениями.

Сломай Систему играючи!

ТЕКСТ КОММЕНТАРИЕВ КОМАНДЫ ИГРЫ

Размышления Команды Игры о тактике действий, о возне критиканов, о грядущей Битве, о страхе трусов и о крахе Системы

В этой статье мы постараемся предельно чётко описать ситуацию с тем, кто мы такие, чего хотим добиться, и что предлагаем будущим Игрокам. Мы постараемся освободиться от привычных важно идеологических клише и штампов, и рассмотреть нас всех, как обыкновенных людей, имеющих те или

иные интересы. Что особенно очень схожие интересы. И находящихся в одинаковых к внешнему воздействию условиях. Итак. Кто мы? Если рассматривать нас глобальном ракурсе Войны за обладание мировыми ресурсами. Мы все – люди разные во взглядах и убеждениях, в социальном положении, в идеологических воззрениях. Мы проживаем в разных городах и даже странах. НО! Нас всех объединяет одно - мы имеем общего Врага, приговорившего нас к уничтожению в этой Войне. И не только. Раз вы читаете эти строки, значит вы уже из той малой части Белого человечества, что решили сражаться за место под Солнцем, а не сгинуть на задворках истории. Вы решили защищать Свои интересы. И ещё один объединяющий мотив -каждый из нас понимает, что действовать нужно сообща. Мы те, кто решили объединить свои усилия в области защиты личных интересов каждого из нас. Мы действуем в условиях осуществляющегося истребления «лишнего населения» в преддверии неизбежного ресурсно-экологического мирового кризиса. Наиболее полно ситуация с глобальным ресурсным кризисом описана <http://www.nordrus.org/norna/detail.php?ID=1057> Но не всё так плохо как кажется. Иначе бы мы и не рыпались, а спокойно доживали отпущенные нам дни. Система уничтожения Русского народа построена на вполне осязаемых принципах и схемах, присущих любому авторитарному обществу, представляя собой определённый механизм, имеющий как сильную броню и мощное вооружение, так и легко уязвимые элементы. Мы создали Большую Игру, потому что знаем, где находятся эти уязвимые элементы, знаем, как до них добраться, и как рассредоточено, почти одновременно вывести их из строя. Мы знаем как Сломать Систему изнутри, более того, мы знаем, как сломать её играючи, с самым минимальным риском. Потому мы и назвали наш новый проект: Большая Игра «Сломай Систему!». Мы не ставим глобальных задач, мы всего лишь хотим разобраться у себя дома, справедливо полагая, что ресурсов 1/7 части суши и прилегающего шельфа нам будет достаточно для обеспеченной счастливой жизни всего народа и построения технократического государства без каких-либо пришельцев не только во власти, но и на нашей земле. Мы за построение Белого государства обеспечивающего технологическое,

интеллектуальное преимущество своего народа в условиях глобальной конкуренции за мировые ресурсы. нам Да, мы прагматики, и не собираемся помогать голодающим странам Африки и каким-либо ещё, хотя и сможем потом поддержать тех, оказывает поддержку Сейчас. В годы жесточайшего ресурсного кризиса мы сможем быть спасительны для многих и многих государств. Но окажем её только тем, кто был полезен нам сейчас.

Итак, запуск Игры состоялся, ознаменовавшийся множеством критических замечаний и застарелого нытья имперцев-патриотов. а потому настала пора дать ответ появившимся критикам, трусам и сомневающимся, и разъяснить Игрокам некоторые наши позиции. Игроки любопытные наблюдатели просто наблюдатели за игрой могли убедиться, насколько весело, инициативно и динамично развивается Игра. И это уже на первых заданиях! Как говорится, то ли еще будет! I. технических недоработок были трудности, они и сейчас есть. Однако быстрые темпы развития Игры, большая посещаемость сайта, уровень роста количества Игроков показывает, что проект оказался востребован. Те, кто не находил себе применения наконец то смогли активно проявить себя в новом сетевом проекте не боясь, что выполняют "заказ дяди из Кремля" или, что новую организацию скоро опять захватят жидаы.

Полная анонимность, отсутствие прямых указаний и подробных отчетов о действиях Игроков лишь показывают, что интерес не в том, чтобы кого-то "спалить" и нейтрализовать, а точно нацелить пассионарных Русских на эффективные методы борьбы с общим врагом, не взирая на идеологические или иные разногласия. Однако завистники и недоброжелатели тоже не спят. Уже неоднократно слышались их "голоса", "Разве можно такими методами сломать систему?! Это лишь стёб, отвлечение на негодный объект, самопиар авторов идеи Игры" и т.д. и т.п.

Понимаем, наши соратники и Игроки к таким выпадам относятся спокойно. Собаки лают -караван идет. Однако стоит раз и навсегда РЕАЛЬНО ПОКАЗАТЬ, что ВСЕ задания Игры имеют ВЕСЬМА РЕАЛЬНЫЙ смысл. Это поистине БОЕВЫЕ УЧЕНИЯ, которые (в этом и есть искусство Команды) для внешнего наблюдателя видятся лишь стебом. Разумеется, мы не будем далее

всегда демонстрировать набор наших "ноу-хау", но сейчас считаем, что на одном примере это сделать надо. Чтобы укрепить уверенность Игроков и раз и навсегда заставить замолчать "критиков". Итак, игроки рисуют Сварожичей на авто пришельцев или даже силовиков. Мелкое хулиганство, не имеющее никакой реальной подоплеки? Демонстрация юношеской дерзости? А вот и нет! Во-первых – это отличная возможность преодоления внутреннего страха перед представителями Системы или пришельцами. Нет ничего страшного в том, чтобы подойти к транспортному средству или любому объекту и проделать с ним те необходимые действия и манипуляции, которые Игрок считает нужными. Естественно при элементарной технике безопасности. Ну, или вот такой, слегка фэнтэзийный, но при определённых условиях вполне реальный вариант. Представьте себе час "Х". К нему мы обязательно будем иметь технические возможности перехвата частот и донесения своей информации до общества. Как? А для этого мы и тренируем информ-атаки. Научимся объявлять свою информацию так, что нас услышат обязательно. Отработаем технологии в Игре. реальными занимается делами, реальным перехватом власти, объявляют: "На нашу сторону переходят силовики и граждане. Все, кто готов поддержать Русскую революцию должны нанести на двери своих офисов, авто и т.п. Знак Сварога" наносим везде, кроме своих машин и квартир. На свои подъезды. Всем овощам и пришельцам. Люди видят, что кругом свои. И воодушевляются. А враг, напротив, паникует. И неизбежно даёт приказ – Сварожичи уничтожать. Их хозяев арестовывать. А Сварожичей всё больше. И нет возможности понять, кто свой, кто чужой. На фоне непрекращающихся "острых шуток", отработанных в Игре, времени на нейтрализацию последствий в чрезвычайных условиях уйдёт сотни человеко-машино-часов. Сотни. Под различный саботаж гражданских служб и прочие прелести с отключенными светофорами. Да это РЕАЛЬНЫЙ БОЕВОЙ УСПЕХ! Боевой, повторим сто, тысячу раз. Рисованию меток при обозначении врагов сотни и тысячи лет. Этим воспользуемся и мы. Да, так просто. И вряд ли будет именно так. Но ведь Игра только начинается! В Игре мы отработаем СОТН И приемов, чтобы быть

готовыми к любому повороту событий. Мы отрепетируем сотни сценариев, которые принесут нам Победу. Ибо, не поленимся повторять, наши задания это не "агитация" (на хрен агитировать биомассу, где ; овощей!), не "политика" (в пользу неких дядей, желающих свой зад угнездить в депутатское кресло") и, разумеется, не стёб. Это отработка реальных приемов перехвата власти в условиях кризиса, когда она будет «валиться на земле». Как говорят: "Переворот - это не политический вопрос. И даже не социальный. Это вопрос техники". Но нам не нужен даже переворот. Лишь перехват после потери государственными структурами управляемости. Снесут власть другие, в результате внутриэлитной грызни. Снесут неконституционно и развяжут нам руки. Вот эту технику перехвата мы и отработаем в Игре. Именно на это мы и нацелены. При этом не играем в военные игры по лесам, и не прячем по помойкам пару десятков ржавых стволов, и т.д. и т.п. Мы НЕ ПОДСТАВИМСЯ. Пусть не надеются! Сетевой проект позволит колоть мелких неповоротливую Систему миллионами уколов. И мы вместе с вами отработаем такой комплекс приёмов, который позволит нам ВЗЯТЬ ВСЕ. КАЖДОЕ наше Задание имеет вот такое "двойное назначение". Поэтому Игроки должны быть уверенными - они участвуют в настоящей борьбе. Причем в борьбе, которая принесет Победу и БОЛЬШОЙ ПРИЗ всем ее участникам. Однако далее мы свои секреты раскрывать не будем. И даже рады, что они большинству не понятны. Незачем понимание наших ноу-хау врагами, конкурентами и просто завистниками! Но Игроки должны знать - эти секреты есть! играясь, воюете. И все вместе мы трудимся на гарантированную Победу над безмозглым динозавром гнилой русофобской империи.

НАЦИЯ И СВОБОДА!

НАМ ИЛИ НИКОМУ!

3.3.2 Экспертная ситуация 2

А) Постановка экспертных задач

Старший следователь следственного отдела юрист 1 класса
З., рассмотрев материалы уголовного дела № 185138,

УСТАНОВИЛ:

В начале июня 2007 года Е. решил организовать Алтайское отделение «Национал-социалистического общества» (НСО). С этой целью не позднее указанного времени посредством глобальной компьютерной сети «Интернет» на электронный адрес руководства НСО в городе Москве «...» направил соответствующую заявку, и через несколько дней получил утвердительный ответ.

В это же время Е., имея преступный умысел на публичное возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства человека, группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, у себя дома по адресу Х на компьютере изготовил два вида листовок (не менее 50 штук каждого вида), содержащих высказывания о преимуществе одного человека или группы лиц перед другими людьми по признаку национальности, а также высказывания, призывающие к враждебным действиям одной группы лиц по отношению к группам лиц, объединенных по признакам расы, национальности, а равно по принадлежности к какой-либо социальной группе, не принадлежащей к группе лиц «фашисты», «скинхеды».

Реализуя свой преступный умысел, осознавая противоправный характер и общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде возбуждения ненависти и вражды, а также на унижение достоинства человека, группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенного публично, желая наступления данных последствий, в период времени с конца июня до середины сентября 2007 года единолично не менее трех раз в вечернее время в п. Ю. г. Б. расклеивал указанные листовки на столбах электропередач, на остановках общественного транспорта, на досках объявлений во дворах домов на ул. Чайковского, ул. Дзержинского, ул. Мусоргского, ул. Герцена.

Таким образом, своими умышленными действиями Е. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ - возбуждение ненависти и вражды, а равно унижение человеческого достоинства, то есть действия, направленные на возбуждение

ненависти и вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично.

В целях установления обстоятельств совершенного преступления необходимы специальные познания в области социальной психологии, филологии, психолингвистики.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 195 (196), 199 и 201 УПК РФ.

ПОСТАНОВИЛ:

Назначить комплексную психолого-лингвистическую судебную экспертизу, производство которой поручить экспертам региональной общественной организации «Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис».

Поставить перед экспертами вопросы:

- имеются ли в представленных текстах и материалах высказывания, направленные на возбуждение расовой, национальной, социальной ненависти либо вражды?;

- имеются ли в представленных материалах высказывания, направленные на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности людей, по признаку их национальной, расовой и социальной принадлежности?

В) Решение экспертных задач

Прежде чем перейти к решению поставленных экспертных задач остановимся на обсуждении следующего вопроса: «Насколько целесообразно в рамках данной категории дел назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы?». Этот вопрос, очевидно, связан со следующим вопросом: «Какую полезную фактическую информацию способен извлечь следователь или суд из психологической части исследования?» Последний вопрос возникает, потому что, во-первых, выводы психолога, которые он получает в результате экспертного исследования, по нашему мнению, достаточно тривиальны (равно, нужно сказать, как и выводы лингвиста). Во-вторых, они (выводы) зачастую формулируются в форме с модальным оператором «возможно» («Возможно, что листовка

способна возбудить межнациональную рознь»). И, наконец, выводы психолога, как правило, посвящены анализу реакций информантов в аспекте того, как последние реагируют на содержание текста и какое содержание информанты извлекают из спорного речевого произведения.

Проанализируем каждый из выделенных нами моментов.

С точки зрения теории речевых актов призыв – это речевое действие, иллюкутивной целью которого является побуждение кого-то к определенным действиям. Для воспринимающего призыв – это факт, факт, что кто-то призывает к чему-то (=производит определенное действие). Очевидно, что связь между призывом и реакцией на призыв не носит строго детерминированный характер, то есть не носит характера «стимул / реакция» и не является безусловным рефлексом. Это означает, что тот, кто воспринимает призыв, достаточно свободен в решении о том, как относиться к факту призыва. Это можно переформулировать следующим образом: когда кто-то призывает, он рассчитывает на то, что *возможно* то, к чему он призывает. Он может, безусловно, верить, что рано или поздно своими призывами (или дискредитацией тех, кто не принадлежит к группе «националисты») он добьется успеха и национализм станет господствующей идеологией, но справедливо также, что этого может не случиться. При этом тот, кто читает текст его листовок, может не разделять нацистские взгляды, но относиться к этим текстам безразлично, несерьезно и т.п.

Таким образом, мы имеем три компонента, которые необходимо различать: А) факт определенного речевого действия, Б) социальную или моральную оценку этого действия, В) реакцию на речевое действие. Эти три компонента не связаны между собой, как мы уже говорили, детерминистски. При производстве психологической экспертизы мы выясняем либо содержание речевого произведения (это входит в компетенцию лингвиста), либо устойчивость моральных оценок (=устойчива ли ценность «фашизм – это плохо»), либо реакцию информантов на речевое произведение, которая может зависеть или не зависеть от разделяемых конкретным реципиентом оценок. Очевидно, что устойчивость оценок не является предметом исследования в рамках данной категории дел, так как оценка уже сформулирована в норме

(«никто не может пропагандировать фашизм»). Решения информантов по поводу речевого действия также не могут, по нашему мнению, представлять какой-либо ценности. Предположим, что в результате экспериментирования с фразой «Давайте установим фашистский режим!», мы получили в репрезентативной выборке ответ «безразлично», количественно равный ста процентам. Что следует из этого факта? По нашему мнению, ничего. Это не свидетельствует ни о том, что реципиенты не поняли речевое действие, ни о том, что они не разделяют ценность «фашизм – это плохо». Таким образом, данные, получаемые в ходе психологического описания спорного материала в каком-то смысле избыточны, более того, они предсказуемы. С этой точки зрения достаточно констатации факта наличия призывов или пропаганды расового превосходства, так как пропаганда как форма речевого поведения рассчитана на определенный перлокутивный эффект, то факт, что она его достигает или не достигает, не имеет никакого значения особенно для описываемых категорий дел, состав преступления которых формальный.

Но самым важным в данном случае является, по нашему мнению, следующий тезис: ни психолог, ни лингвист, по крайней мере, на данном этапе развития соответствующих наук (а может быть, никогда) не в состоянии ответить на вопрос о том, способно ли речевое произведение вызвать, например, межнациональную рознь. Думаем, что можно привести сугубо логический аргумент в поддержку этого мнения. Предложения со словом «может» сами по себе практически лишены содержания, их невозможно опровергнуть. Допустим, мы высказываем следующее предложение: «Дождь, который прошел недавно, способен разжечь межнациональную рознь». Нет никакой возможности опровергнуть данное утверждение, так как, если после дождя не произошло разжигание розни, мы всегда можем сказать, что просто не хватило еще чего-то для того, чтобы способность дождя стала реальностью. Для того чтобы предложения возможности были содержательными, мы должны иметь теорию, которая утверждает и о том, что невозможно, а также теорию, которая способна оценивать степени предрасположенности высказываний порождать события, но

очевидно, что такой теории как в лингвистике, так и в психологии нет, может быть, она и невозможна (особенно в ее последней части). Если же пользоваться существующими теориями, то мы должны признать, что высказывания «Фашизм – это уродство человечества!», «Фашизм – это очень хорошо!», «Фашисты – гады!» способны разжечь социальную рознь.

После того, как мы рассмотрели проблему, связанную с назначением комплексной психолингвистической экспертизы, перейдем к анализу непосредственных экспертных задач в рамках анализируемой экспертной ситуации.

На наш взгляд, вопрос о том, присутствуют ли в тексте высказывания, которые направлены на возбуждение расовой, национальной, социальной ненависти либо вражды не входит в компетенцию лингвиста. Лингвист не может установить реальную (некоммуникативную) цель производства высказывания или, например, листовки. Это вытекает из того, что любое речевое произведение (высказывание, текст и т.п.) может быть употреблено неискренне. Например, кто-то может призывать к чему-то, но не хотеть осуществления того, к чему призывает. С другой стороны, вне компетенции лингвиста, как мы уже отметили, находится и вопрос о том, способны ли какие-то высказывания возбудить расовую, социальную, межнациональную вражду.

Поэтому при ответе на вопрос мы исходили из следующего понимания поставленного вопроса:

- присутствует ли в текстах информация о превосходстве одной социальной, национальной, расовой группы людей над другими?

- какую коммуникативную (информативную) цель преследуют данные листовки?

Ответим на сформулированные вопросы последовательно.

А) В текстах присутствует информация о превосходстве социальной группы «фашисты», «националисты», «национал-социалисты» перед другими социальными группами. Все перечисленные названия, очевидно, синонимичны. Думаем, что нет никакой необходимости приводить значения данных слов, которые сформулированы в словаре или словарях, так как практически все носители русского языка знают, что обозначают

данные слова и способны понимать, что в текстах листовок речь идет о том, что группа, называемая словами «фашисты», «националисты», «национал-социалисты» противопоставляется другим группам людей, поэтому ответ на этот вопрос, по нашему мнению, не требует специального лингвистического анализа. В одном из текстов присутствует слово «скинхед», которое употребляется для обозначения молодежных группировок, разделяющих и пропагандирующих идеи расизма и национализма. Судья или следователь, вероятно, могут не знать, что обозначает данное слово, но принципиален тот момент, что любой судья и следователь способен узнать, *что* это слово обозначает, и это является частью его (судьи или следователя) языковой компетенции, поэтому вопрос о значениях слов является в данном случае избыточным и несущественным. Избыточен и вопрос о наличии информации о превосходстве одной группы над другой: каждый носитель языка способен адекватно интерпретировать фразу: «Мы национал-социалисты. Будущее за нами!». Конечно, подозреваемый может утверждать, что он не знает, что значит слово «фашист» и т.п., а также говорить, что он не знает, что обозначает приведенная фраза, но, вероятно, это легко установить, например, в судебном заседании, задав вопрос о том, видел ли он (говорящий) фильмы о фашистах и так далее.

Б) Тексты всех листовок направлены на привлечение внимания неопределенной группы лиц к социальной группе «фашисты» в том смысле, что тексты носят агитационный характер: они направлены на то, чтобы тот, кто прочитает тексты этих листовок, заинтересовался фашизмом, национал-социализмом и т.п. Это вытекает из того, что основными высказываниями текстов листовок являются лозунги:

1. Мы национал-социалисты. Будущее принадлежит нам! .
2. Если в тебе живет долг перед поколениями предков ... значит ТЫ националист. Не стесняйся этого, гордись этим.
3. Будущее принадлежит нам!

То, что листовки представляют собой агитационный материал, вытекает еще из того факта, что в нижней части двух листовок указаны ссылки на адреса в Интернете, которые выполняют контактную функцию.

Речевое поведение того, кто составлял тексты данных листовок, если выполняется условие искренности, может быть описано следующим образом:

- А) Знаю (или уверен), что фашизм – это хорошо.
- Б) Хочу, чтобы ты знал, что фашизм – это хорошо.
- В) Сообщаю тебе: фашизм – это хорошо, будь фашистом.
- Г) Сообщаю это тебе для того, чтобы ты знал, что фашизм – это хорошо либо для того, чтобы ты стал фашистом.

Все условия, описанные выше, обязательны для того, чтобы тексты листовок воспринимались как цельные, и носители русского языка способны декодировать эти смыслы, исходя из высказываний, их расположения и т.п. в текстах листовок. Очевидно, что эти значения легко декодируемы любым носителем русского языка, а потому вопрос о проведении лингвистической экспертизы текста и относительно этого вопроса остается открытым, потому что неясно, как по-другому могут декодироваться данные тексты. Это весьма интересный вопрос, который ставится в логике фальсификации и, соответственно, доказательства от противного, но его решение – это вопрос будущих исследований.

С) Объекты экспертного исследования



№ 3

Если в тебе живет долг перед поколениями предков, отдавшими свою кровь за наше право жить на этой земле, любовь к своему народу, гордость за свою историю - значит Ты националист.

Не стесняйся этого, гордись этим



ПРИМАТ



ДИКАРЬ



ОБЩЕЧЕЛОВЕК



НАЦИОНАЛИСТ



БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

ОДИНОВЕДЬ И НАШЕ ПОВЕДЕНИЕ БЫЛО ФАШИСТСКИМ

БОЙСЯ ФАШИСТОВ!

КОГДА ТЫ ПЬЕШЬ ВОДКУ МЫ КАЧАЕМ МУСКУЛ

БОЙСЯ ФАШИСТОВ!

КОГДА ТЫ СИДИШЬ НА ДИВАНЕ, МЫ РАБОТАЕМ

БОЙСЯ ФАШИСТОВ!

НАШЕ ДВИЖЕНИЕ ПРИОБРЕТАЕТ ДО 30%

НОВЫХ СТОРОННИКОВ ЕЖЕГОДНО

БОЙСЯ ФАШИСТОВ!

ПРИЗНАЙСЯ ЧТО ТЫ ПРО НАС НИЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ

О МЫ ПРО ТЕБЯ ЗНАЕМ ВСЁ.

БОЙСЯ ФАШИСТОВ!

КАЖДОЕ ТВОЕ СЛОВО И ДЕЙСТВИЕ ПРОТИВ НАС

ТОЛЬКО ДОБАВЛЯЕТ НАМ НОВОЙ СИЛЫ

БОЙСЯ ФАШИСТОВ! СОРВИ ЭТОТ ЛИСТОК! БОЙСЯ

ЭТО НАШ ТЕБЕ ПРИКАЗ! БОЙСЯ НАС! НЕ ПУШЬ!
КОМУ НЕ ПЕРВА?
ДИСКОЛ С. В.

3.4. Решение экспертных задач по делам, связным с установлением угрозы

3.4.1. Экспертная ситуация 1

А) Постановка экспертных задач

Старший следователь следственного отдела юрист 1 класса, рассмотрев материалы уголовного дела,

УСТАНОВИЛ:

13.05.07 Б. и П., действуя при помощи угроз, заперли Л. в спортивном зале клуба «Х», приковав Л. к батарее цепью. Б. и П. также требовали от Л. денежную сумму, угрожая при этом Л. физическим насилием, а также распространением о нем сведений, которые способны причинить вред законным интересам Л.

В целях установления обстоятельств совершенного преступления необходимы специальные познания в области лингвистики.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 195 (196), 199 и 201 УПК РФ.

ПОСТАНОВИЛ:

Назначить судебную лингвистическую экспертизу, производство которой поручить экспертам региональной общественной организации «Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис».

Поставить перед экспертами вопросы:

1. Содержится ли в тексте заключения фоноскопической судебной экспертизы № 6070 от 21.08.2007г. по уголовному делу № 151672 информация о насильственных действиях Б., П. по отношению к Л.?

2. Имеются ли в тексте заключения фоноскопической судебной экспертизы № 6070 от 21.08.2007г. по уголовному делу № 151672 высказывания, указывающие на то, что Б., П. требуют (вымогают) у Л. определенную сумму денег?

3. Какой характер носят эти высказывания (характер беседы, уговоров или угрозы)?

В) Решение экспертных задач

На экспертизу был предоставлен текст фоноскопической экспертизы с атрибутированными репликами диалогов и проверкой записи на предмет наличия монтажа, а также сама аудиозапись разговоров коммуникантов.

Поставленная в вопросе 1 задача не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, а точнее, для ее решения привлечение специалиста-лингвиста не является необходимым. Следовательно, проводящий расследование данного дела, способен самостоятельно ответить на этот вопрос.

Данное экспертное исследование было назначено по делу, возбужденному по ст. 163 УК РФ «Вымогательство». «Объективная сторона данного преступного деяния характеризуется действием и способом. Действие проявляется в требовании передачи чужого имущества или права на имущество или совершения действий имущественного характера. Способ вымогательства выражается в угрозе применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно в угрозе распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» [Наумов]. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом: «Виновный осознает, что предъявляет незаконное имущественное требование, причем в качестве средства воздействия на потерпевшего использует угрозу, и желает таким путем добиться передачи ему чужого имущества или права на него. При этом не имеет значения, намерен ли виновный привести свою угрозу в исполнение при отказе потерпевшего исполнить его требование» [Комментарий к уголовному кодексу...]. Таким образом, вопросы 2 и 3 направлены на установление фактов, имеющих отношение к объективной стороне данного преступления.

Необходимо отметить, что в языковом плане требование передачи имущества способно входить как компонент в речевой акт угрозы. Напомним его структуру:

А) Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое

Б) Думаю, что ты знаешь, что я могу сделать тебе нечто плохое

В) Хочу, чтобы ты знал, если ты сделаешь X, то я тебе сделаю нечто плохое

Г) Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое

Д) Говорю это для того, чтобы ты не делал X.

Так, в формулу «сделаешь X» вполне можно подставить пропозиции «не дашь деньги / не отдашь деньги».

Поставленные в вопросах 2 и 3 задачи по квалификации речевого поведения говорящих достаточно тривиальны. В речезыковом отношении из текста вытекало, что по отношению к X-у высказываются угрозы, в том числе и соединенные с требованием передачи денег. Приведем конкретные примеры прямых и косвенных угроз, высказываемых в адрес Л.

Примеры косвенных угроз:

1. М1 - Почему ты на встречу не являешься? Когда тебе люди назначают стрелку почему ты не приезжаешь на стрелку? Почему ты прячешься дома? Я спрашиваю, тебе задаю вопрос нормально. Почему ты не являешься на стрелки? Тебе люди за- забивают стрелки. Ты их игнорируешь. Почему? **Тебе что блядь сломать нахуй или что?** Панкратионовцев позвать? Я тебе еще раз объясняю. Если бы за тобой не было косяков тебя почему как собаку к батарее привязывали? А? Ты зачем доверием воспользовался пацанов? В легавую пойдешь. Мы разберемся и с легавыми если надо. Когда ты считаешься с пацанами? Полтинник когда отдашь? Давай на тебя кредит возьмем. Берем на тебя кредит и ты в расчете с паца-. Давай Рост на него кредит возьмем.

2. М1 - Жень. Ты зачем восполь-. Ты спортсмен? Ты занимаешься спортом. Ты зачем крысил? У нас не воруют у нас крысят. Я с братвы. У нас крысят. Это называется крысятничество. Ты воспользовался нашими блядь возможностями. Ты когда с людьми считаешься? Ты должен пятьдесят тысяч. Когда ты с людьми? Давай на тебя кредит возьмем.

М* - ... (квартиры).

М1 - Берем на тебя кредит. Ты с пацанами отбиваешься и все. К тебе претензий нет. Я выступаю гарантом что ... получит тебя пальцем никто не тронет. **По идее тебя надо сломать.** Ты осознаешь что это крысятничество? Да тебя никто не тронет тебе слово даю я тебе отвечаю.

3. М1 - Ну как ты не должен? Ты воровал. Тебя зачем цепями приковывали как крысу. По идее тебя вообще сломать. **Это я еще с тобой разговариваю. Если приехали бы спортсмены они бы тебя сломали.** Меня еще раз говорю Виталька Толстый звать.

4. М1 - Да сейчас я Дим. Подожди я сейчас разговариваю. Перезвони мне через пять минут. [заканчивает разговаривать по телефону] Слушай сюда. Я тебе предлагаю такой вариант. Ты выступаешь гарантом. Ой поручителем в банке. Я твой долг отдаю пацанам. Сколько баба берет. Ты просто выручаешь пацанов. Вернее как отдаешь свой долг крысятничество. А они работают со мной. Ты. У нас не воруют у нас крысят. Ты крыса. **Тебя по идее надо взломать вообще тебе. Чтобы тебя сделать инвалидом. Тебе руки за это отрезать надо.** Ты себя ведешь как последний гондон. Тебе люди предоставили работу и ты воспользовался этим. Зачем ты это делал? Женья. Ответь мне на вопрос.

5. М1 - ... **сломают.** Я же ему объясняю что ... **могут сломать** просто приехать с тобой сейчас по-людски разговаривают. Люди приехали с тобой разговаривать по-людски.

6. М1 - Тебя что **избить** что ли или что?

В данных фрагментах М1 утверждает, что М2 должен вернуть деньги, так как он их украл. При этом он подчеркивает, что он приехал просто с ним поговорить, постоянно отмечая, что существует возможность иных форм воздействия. На имплицитном уровне это означает следующее: «Если ты не будешь нормально разговаривать (=не признаешь и не отдашь долг), то вопрос будет решаться при помощи насилия». Данная угроза не выражена прямо в тексте.

Примеры прямых угроз:

1. М1 - Я что ты не должен? Садись в машину. А что ты боишься? Садись в машину. **Я тебя сейчас прям здесь сломаю.** Ты думаешь

я такой хлюпкий что ли или что? В машину садись пойдём поговорим. Пойдём к машине поговорим. Я тебя, и на хуй ты не нужен. Ни хуя ты не должен. У нас крысят. У нас. Тебя что пацаны ... этими. К батарее приковывали зачем? А?

2. М1 - Я тебе отвечаю говорю залазь в машину **сейчас люди приедут тебя сломают!** Я говорю в машину залазь блядь!

Думаем, что последние примеры не требуют каких-либо комментариев, они достаточно очевидны, по нашему мнению, это должно быть очевидным, в том числе и для следователя. Хотя данные угрозы, безусловно, уже не связаны с требованием передачи денежных средств, вопрос о том, могут ли они быть квалифицированы по статье 119 УК РФ (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) является отдельным, который носит, безусловно, юридический характер.

Таким образом, остается открытым вопрос о необходимости привлечения специалиста в области лингвистики для решения поставленных вопросов: все носители языка, включая следователя, имеют собственно языковой (здесь мы пользуемся противопоставлением собственно языковое / метаязыковое) опыт реакции на речевые произведения, если они являются угрозами, поэтому в каком-то отношении следователь, а затем судья могут определить, что в представленной фонограмме присутствуют как прямые, так и косвенные угрозы. Еще раз подчеркнем, что описание тех случаев, когда следователь или судья могут ошибаться является необходимым в том отношении, что без такого описания невозможно определить целесообразность назначения экспертизы по категориям дел, связным с выявлением угрозы.

Однако, по нашему мнению, относительно данной экспертной ситуации может быть поставлена и другая задача. Перед лингвистом может быть поставлен вопрос о том, присутствовали ли угрозы в адрес потерпевшего ранее, в тот день, когда подозреваемые заперли потерпевшего в спортивном зале и забрали у него сотовый телефон. В этой ситуации представленные к исследованию материалы являются уже косвенными источниками информации о речевом поведении подозреваемых такого-то числа и года. Хотя и то, что эта задача требует привлечения специалиста-лингвиста, тоже может вызывать

сомнения. Следовательно имеет (или должен иметь) навык по выявлению противоречий в текстах, будь то тексты спорных разговоров или тексты допросов или какие-либо другие тексты. Однако все-таки, так как решение этой проблемы представляет теоретический интерес, то мы считаем необходимым описать ход решения этой задачи. Прежде чем приступить к этому, напомним, что слово «теоретический» не означает «неприменимый к описанию того, что было», мы склонны, скорее полагать, что как раз наоборот: мы исследуем, что могут нам дать те теоретические знания о языке, которые мы применяем при исследовании конкретных ситуаций.

Из следующих фрагментов текста можно вывести, что в адрес Х-а были высказаны угрозы.

ФРАГМЕНТ 1

М1 - Ну там было то что. Вы говорили мы тебя отпустить не можем. Я же. Я предложил бы.

М3 - Нет. Потому что ...

М1 - Мы тебя отпустить не можем мы тебе не доверяем (вот и все).

М3 - Мы потому что мы не можем тебя оставить.

М1 - Ну.

М3 - С открытым клубом. Мы у тебя забра- забрали ключи.

М1 - А почему я остался внутри клуба?

М2 - Потому что ты сам это захотел. Ебать в рот. Ты же сказал: давайте оставьте меня здесь нахуй.

М3 - Ты сказал ребята я никуда не денусь.

М2 - До утра. Я никуда не денусь нахуй. Это чьи слова были?

М3 - Твои слова. Жень.

М2 - Чьи слова были?

М1 - Я точно так же мог бы уехать а потом утром приехать.

М3 - А что ты не уехал-то?

М1 - Не отпустили.

М3 - Как не отпустили?

М2 - Тебя что (кто-то) насильно держал что ли?

М3 - (Тебя) хоть раз что-то ... ударил или что... сделал Жень?

[говорят одновременно]

М2 - Тебя кто-то вообще что-то

МЗ - Хоть толкнул пихнул?

М2 - к тебе прикоснулся нахуй когда ты собрался уходить?

М1 - Ну зато было сказано многое. Что я решил лучше не уходить.

МЗ - Как. Как как ... что ... было сказано ...?

М1 - (Варлам) там какой-то.

МЗ - Как?

М1 - (Варлам) какой-то.

М* - Вар-

[смех]

МЗ - Ой Женя ну ты дурак. Варлам это просто ... бомж это просто знаешь это для нас это. Это как клоун. Просто ну как это?

М2 - ... ну ни ни низость а г-, грубо выразился в принципе мужик-то нормальный.

МЗ - А что ... (Варлам). А Варлама пригласить?

М2 - Ну просто пригласить чтобы он караулил его.

МЗ - Это вот как типа.

М2 - Просто приколот нахуй.

[смех]

МЗ - Ну да страшно наверное звучит.

М2 - Ты. Ты бы видел его нахуй ты бы уже ...

МЗ - Нет. Страшно наверное звучит.

М2 - Ну Варлам ну.

М1 - Вы же говорили что меня в багажник посадите в какой-то лес отвезете. Что я там останусь.

М2 - А ты же говорил что ты деньги должен ...

МЗ - Жень. Нет. Подожди.

ФРАГМЕНТ 2

М1 - Ну мне было сказано что оформишь на свое имя для нас кредит. То есть кто там я не знаю.

М2 - А-а.

МЗ - Так ты же сам согласился Жень.

М2 - Ты же сам согласился.

М1 - Я ничего не соглашался.

МЗ - Как не соглашался? Ну что ты врешь-то нагло стоишь? Ты стоишь и нагло врешь. ... наглец.

М1 - Я ...

МЗ - Жень. Ты наглец.

М2 - Просто наглый (человек) невменяемый и наглый.

М1 - Ну когда человеку. Когда человеку. Угрожают.

М3 - Ну кто тебе угрожал Жень? Тебя хоть пальцем или что-то тронул (или) что ...

М1 - Словесно словесно.

М* - Как словесно?

М1 - Пальцем это уже не угроза это уже. Пиздить начали. А словесно было сказано. Что нет так значит лесок там. Оставляют в леску. В леске.

М3 - Слушай Жень су- судя по твоей литературе которую ты читаешь. Ты не должен бояться таких слов.

Вероятно, что только относительно первого фрагмента может быть сделан категорический вывод о том, что в адрес Х-а была высказана угроза. Подозреваемые сообщают о том, что ими было произнесено высказывание, в которое входило имя «Варлам», при этом очевидно, что они сообщают также о том, что это имя было произнесено в таком контексте, что слушающий (потерпевший) мог воспринять его как угрозу. Это вытекает из следующей реплики спорной фонограммы: «Страшно, наверное, звучит», а также из пояснений подозреваемых потерпевшему о том, кто такой Варлам, из наличия этих объяснений следует, что потерпевший ранее не знал о том, кто это такой.

В остальных двух фрагментах, очевидно, нет возможности сделать необходимо истинный вывод о наличии угроз в адрес Х-а. Поясним это. Во фрагменте номер два со стороны М3 присутствует факт «косвенного признания» того, что в адрес Х-а было произнесено высказывание, которое являлось угрозой, но смысловое соотношение реплик диалога имплицитно подразумевает две равновероятных интерпретации высказывания М3 «Слушай Жень су- судя по твоей литературе которую ты читаешь. Ты не должен бояться таких слов»:

1. Угрозы были высказаны, но, думаю, ты не мог воспринимать их как реальную угрозу.
2. Даже, если были бы высказаны угрозы, думаю, ты не мог бы их воспринимать как реальную угрозу.

Обе эти интерпретации совместимы с целевой установкой

высказываний подозреваемых: они пытаются доказать Х-у, что Х признал долг и добровольно согласился оформить на себя кредит.

Заканчивая анализ, отметим, что мы до конца не уверены в корректности полученных выводов, более того, мы не уверены в том, что полученные результаты не являются тривиальными. Но мы предпринимали этот анализ не для того, чтобы дать исчерпывающее объяснение конкретной ситуации, но скорее, для того, чтобы еще раз показать, что выяснение эмпирического содержания лингвистических теорий является одной из приоритетных задач теоретической лингвистики и лингвистической экспертологии как направления, которое использует эти теории для объяснения конкретного речевого поведения. Знание о том, где они (теории) применимы, а где – нет, представляет ценность для лингвистической экспертологии, а знание о том, каким фактам они «запрещают» существовать – для теоретической лингвистики.

Заключение

Лингвистическая экспертиология как область юридической лингвистики и как область практических лингвистических исследований стимулировала постановку определенного вида проблем, без решения которых дальнейшие исследования в этой области, по нашему мнению, могут оказаться неэффективными. Настоящая работа была направлена на выявление этих проблем и выдвижение предположений по их возможному решению.

Центральной проблемой, которая следует из того, что лингвистическая экспертиология представляет собой прикладную область лингвистики, является проблема статуса лингвистической теории, с одной стороны, в аспекте ее соответствия / несоответствия действительности, а с другой стороны, в аспекте ее применения для объяснения конкретных ситуаций. Сначала остановимся на комментарии второго выделенного нами аспекта.

В настоящее время в лингвистике, по нашему мнению, неявно доминирует взгляд, согласно которому теоретические знания – это сорт знаний «для-себя» и «в-себе», и они не имеют никакого значения для решения прикладных задач или, по крайней мере, весьма слабо с ними связаны.

Разрабатывая концепцию книги, автор исходил из другой презумпции, согласно которой не существует ни одной прикладной задачи, которая не решалась бы при помощи какой-либо теории, включая теорию, основанную на обыденных представлениях о предмете исследования. Естественно, мы не считаем, что прикладное и теоретическое – это одно и то же, но их объединяет достаточно важная вещь – факт. Любая теория предназначена для описания и, что более важно, для объяснения существующих фактов, прикладные же исследования, по крайней мере, в лингвистической экспертизе, направлены на ситуационное объяснение фактов. При этом конкретное ситуационное объяснение не может обойтись без какой-либо теории.

Таким образом, в исследовании мы исходили «из примата» теоретического, считая, что в прикладных исследованиях обязательно применяются существующие лингвистические теории (в том числе и неполные, и внутренне противоречивые, и *ad hoc* теории) к описанию и объяснению ситуаций или событий, которые

происходят в конкретное время в конкретном месте. Эта позиция может быть обоснована тезисом о невозможности чистого индуктивного познания как научно-теоретического, так и обыденно-ориентационного [Поппер, 2002]. Поэтому для того, чтобы описывать какие-то конкретные ситуации необходимо выяснить, какие лингвистические теории в настоящее время кладутся в основание объяснений конкретных фактов. Анализ этого вопроса привел нас к утверждению о том, что существующие лингвистические теории, которые доминируют как в классической теоретической лингвистике, так и в одной из ее прикладных областей – лингвистической экспертизе – построены, с одной стороны, на субъективной теории истины, а с другой стороны, они являются реалистическими теориями. Эти два признака логически не предполагают друг друга, хотя в существующей лингвистической методологии образуют определенное единство, в том смысле, что принятые лингвистические теории ведут к субъективизации и релятивизации лингвистических описаний.

По отношению к принципу реализма это заключается в том, что принятые теории формулируются не по отношению к фактам (событиям, которые происходят в конкретное время в конкретном месте), но по отношению к названиям этих фактов, вследствие этого в лингвистике как науке доминирует интерпретационный, а не описательный принцип построения теорий. Реалистический принцип поддерживается и доминирующей в лингвистике субъективной теорией истины, которая основывается, с одной стороны, на признании субъективности естественного языка, в том смысле, что языковая деятельность – это деятельность, которая «пронизана» субъективным началом, и это в определенном смысле основано на фактическом положении дел, так как, очевидно, что любое речевое произведение порождается конкретным человеком. С другой стороны, в лингвистике как науке не ставится вопрос о ложности лингвистических теорий, что является следствием принятия ценностей субъективистского плюрализма, который может быть описан формулой «все истинно» или «все правы с какой-то точки зрения».

Работа основана на концепции методологического номинализма, согласно которой названия классов явлений есть сокращения для обозначения описательных высказываний, поэтому общие понятия – это гипотезы, которые могут быть опровергнуты опытом, а, следовательно, вопросы реалистического характера носят словесный характер и не являются важными вопросами. Данные вопросы могут быть переформулированы в вопросы о действительности в том смысле, что при ответе на поставленный вопрос мы высказываем предложения о действительности, которые могут быть истинными или ложными. Последний факт (ложность высказываний) свидетельствует в пользу того, что мы способны принимать какие-то высказывания в качестве истинных не потому, что нам это нравится или кажется полезным или в силу договоренности, а потому что мы можем их соотносить с тем, что происходит и не происходит в реальности.

Принятие данной концепции неизбежно ставит вопрос об объяснительной продуктивности базовой лингвистической оппозиции субъективного / объективного. С точки зрения концепции методологического номинализма данная оппозиция не может быть продуктивной в лингвистике, так как ментальные состояния, например, говорящего – это тоже определенный сорт событий, и утверждения об этих событиях являются фактическими утверждениями в том смысле, что эти утверждения могут и не могут соответствовать фактам. Таким образом, относительно информации, которая кодируется в конкретном сообщении принимается гипотеза о том, что в нем (речевом сообщении) кодируется информация как о состоянии мира, так и о ментальном состоянии человека, производящего это сообщение. Принятие этой гипотезы влечет принятие того, что эти два типа информации могут быть в теоретическом плане описаны при помощи фактических утверждений и ни один из этих типов информации не является более реальным или предпочтительным. Укажем также, что развиваемая теория не требует изложения ее в такой форме, в которой истина признается истиной относительно категории «сторона» или «аспект», другими словами, нет никакой необходимости излагать представленную лингвистическую теорию примерно в таком ключе: «В любом высказывании кодируется

информация, с одной стороны, о мире, с другой стороны, о ментальных состояниях субъекта речевой деятельности, и так как субъект речевой деятельности – это часть мира, то информация о его ментальных состояниях тоже объективна, верно и обратное, так как мир воспринимается конкретным человеком, и перерабатывается этим конкретным человеком, то информация о мире, которая кодируется в речевом сообщении является и субъективной информацией». Такие формулировки, конечно возможны, но они ничего не добавляют к фактическому положению дел, но касаются только характера употребления слов «субъективно» и «объективно».

Характер принятой в работе теории и определил характер решения конкретных прикладных проблем, которые поставлены в лингвистической экспертиологии. Во-первых, мы стремились исключить все экспертные проблемы, которые сформулированы в реалистической форме, как, например: «Что такое угроза?» или «Что такое оскорбление?» и попытались переформулировать их в номиналистической форме, представить их как проблемы о реальности и эмпирических фактах. Согласно этой переформулировке оскорбление, например, – это единица кода русского языка в том смысле, что если говорящий пользуется этой единицей, то он обязательно вынужден вести себя определенным образом и если он этого не делает, то речевое произведение не способно передать необходимую информацию, следствием этого являются коммуникативные неудачи. Тогда как неприличная форма не является единицей кода русского языка, и этот тип информации не кодируется в сообщении так же, как кодируется, например, семантический компонент женскости при употреблении слова «врачиха» или кодируется оскорбление при употреблении речевого акта «оскорбление».

Во-вторых, мы пытались обосновать тезис о том, что реальные речевые события, относительно которых формулируются экспертные задачи, не зависят от определения терминов, называющих эти явления, ни в отношении точности этих определений (например, в лингвистике) ни относительно сферы бытования этих определений. В последнем случае мы имеем в виду распространенный взгляд, согласно которому оскорбление

зависит от того, как оно определяется в лингвистике или юриспруденции, и мы (в соответствии с этой позицией) имеем, по крайней мере, два оскорбления – юридическое и лингвистическое.

И, наконец, в-третьих, мы попытались дать номиналистическое описание конкретных явлений языка и речи, которые в настоящее время являются предметами экспертных исследований в рамках разрешения различных юридических категорий дел. В книге с различной степенью подробности описаны такие формы речевого поведения как оскорбление, угроза, призыв и д.р., осуществлена попытка семантического и прагматического объяснения различий между оценочными и фактитивными высказываниями.

Естественно, что поставленные проблемы не решены в работе полностью, прежде всего, это объясняется тем фактом, что это невозможно в принципе, так как любое объяснение не является окончательным объяснением, но является системой гипотез, которые совместимы со всеми известными к конкретному периоду фактами, и принимается только на основе того, что является к конкретному времени более эффективным объяснением. Но мы также способны указать на конкретные слабые стороны в разработанной нами номиналистической концепции описания фактов языка и речи, являющихся предметом лингвистической экспертизы.

Так, очевидно, что в книге до конца не решена проблема границ применения в качестве объяснительного принципа для описания процессов порождения и восприятия речевых произведений такой лингвистической гипотезы, как «речевой акт». Но то, что эта проблема должна быть решена не вызывает никаких сомнений. Необходимо пояснить нашу позицию по поводу высказывания «должна быть решена». Неограниченное применение объяснительного принципа, называемого словосочетанием «речевой акт» в итоге может привести к следующей ситуации: ничто не будет «запрещать» нам как лингвистам выделять, например, речевой акт утверждения конкретного X-а в конкретное время в конкретном месте. (Например, мы можем выделить речевой акт утверждения Петрова 25.05.95 в 13.00 по адресу X и т.п.), естественно, что при таком

подходе речевой акт лишается статуса объяснительной теории, в основе которой лежат общие высказывания формы «для всех X верно, что...». Однако отметим, что проблема ограничений, по нашему мнению, может быть решена. В частности, мы считаем, что нам удалось обосновать тот факт, что оценка не является речевым актом, а это значит, по крайней мере, что не все является речевым актом. Безусловно, что необходимы дальнейшие разработки лингвистической теории в этом направлении.

Мы уверены, что это не единственный недостаток данной теории и считаем, что необходимо критическое обсуждение как можно большей части положений исследования в плане поиска ответа на следующие вопросы: «Какие положения исследования опровергаются эмпирическими фактами, то есть являются фактически ложными?», «Какие допускают возможное опровержение, то есть являются содержательными (содержательными в том смысле, что претендуют на описание реального положения дел) собственно теоретическими положениями?». И, наконец, быть может, самый основной вопрос: «Какие положения не могут быть опровергнуты ни при каких условиях и, соответственно, не являются эмпирически содержательными утверждениями?»

Приложение

Типовые вопросы и пределы компетенции лингвиста-эксперта в рамках решения экспертных задач по различным категориям дел

4.1. Пределы компетенция лингвиста-эксперта и типовые вопросы по делам об оскорблении (ст.ст. 130, 297, 319 УК РФ)

4.1.1 Компетенция лингвиста.

В компетенцию лингвиста входит:

1. Установление отнесенности спорного высказывания / текста к конкретному лицу.
2. Установление отсутствия / наличия речевого акта оскорбления.
3. Установление формы передачи информации – приличная / неприличная.

В компетенцию лингвиста не входит:

А) Юридическая квалификация материала.

В лингвистической экспертизе не допускаются выводы о том, что Х намеренно (умышленно) оскорбил У, так как квалификация умысла (прямого или косвенного) является юридической квалификацией и не входит в компетенцию лингвиста-эксперта. Не допускаются также выводы об оправданности / неоправданности речевого поведения инвектора. Такие выводы входят в компетенцию суда, лингвист лишь может указать в качестве экспертной инициативы на факты, которые, по его мнению, значимы для рассмотрения дела по существу. Например, «По существу дела считаем нужным отметить, что речевому акту оскорбления Х-ом У-а предшествовал речевой акт оскорбления У-ом Х-а». Оправдывает ли такое положение дел Х -а, входит в компетенцию суда.

Б) Определение возможного психологического состояния инвектума.

Определение возможного психологического состояния инвектума также не входит в пределы компетенции лингвиста-эксперта. Кроме того, что установление факта психологического ущерба входит в компетенцию психологии и суда (при оценке степени причиненного ущерба), вывод,

сформулированный следующим образом: «Фраза (слово) X способна причинить ущерб (=может быть оскорбительной (=обидной) для лица)», вероятно, бессодержателен. Тот факт, что для X-а фраза может быть обидной не нуждается в обосновании, когда X написал заявление о возбуждении уголовного дела по оскорблению. В принципе данный ответ мог бы быть положительным в том смысле, что способен был нести позитивную информацию, когда были бы установлены ситуации, в которых X не имеет права обижаться, но такой юридический подход к проблеме оскорбления на данном этапе вряд ли возможен (в принципе остается проблемой, насколько он целесообразен).

4.1.2. Типовые вопросы к лингвисту-эксперту:

Выделяются следующие три группы вопросов к лингвисту-эксперту.

1. Первая группа вопросов направлена на установление факта отнесенности (=адресованности) спорного высказывания к конкретному лицу. Данное экспертное задание формулируется, как правило, в следующих вопросах.

А) Содержит ли текст информацию о конкретном X -е?

Б) Можно ли по имеющимся в тексте различным номинациям установить что речь идет о конкретном X -е?

В) Относится ли фраза к конкретному X-у (=адресована ли фраза конкретному лицу?)?

2. Вторая группа вопросов связана с установлением наличия / отсутствия речевого акта оскорбления.

Сюда входят следующие вопросы:

А) Оскорбительна ли фраза X?

Б) Является ли высказывание оскорбляющим честь и достоинство лица, к которому оно обращено?

Б) Представляют ли собой (являются ли) высказывания оскорблением?

Отвечая на вопрос А необходимо учитывать, что его можно понимать двояко: а) как определение психологического состояния инвектума (обидно / необидно) и б) как выяснение наличия / отсутствия речевого акта оскорбления. Целесообразно под этим вопросом понимать квалификацию спорного текста / высказывания с точки зрения наличия / отсутствия в нем речевого акта

оскорбления, в силу изложенных в разделе о пределах компетенции лингвиста соображений.

1. Третья группа вопросов связана с установлением наличия / отсутствия неприличной формы в спорном высказывании (тексте).

А) Имеется ли в тексте негативная оценка личности, выраженная в неприличной форме противоречащей правилам речевого поведения, принятым в обществе?

Б) Имеется ли в тексте негативная (бранная, неприличная лексика)?

В) В какой форме, приличной или неприличной, было высказано суждение в адрес X?

Г) Имеются ли в тексте бранные слова и выражения, словесные конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской?

Д) Носит ли высказывание неприличный характер?

При ответе на вопрос о форме выражения коммуникативного намерения целесообразно учитывать, что концепт «неприличная форма» не имеет в лингвистике определенного содержания и фактически не разработан как концепт, утверждающий что-то о свойствах высказываний или лексем русского языка, но очевидно, неприличными являются:

А) обценные слова и выражения;

Б) непристойные слова и выражения.

В связи с тем, что признак неприличная форма является в уголовно-правовом аспекте квалифицирующим, а именно введен для определения того факта, что деяние относится к разряду преступлений, так как обладает общественной опасностью, при этом моральный вред может быть компенсирован и в гражданско-правовом порядке (ст. 151 ГК РФ) рекомендуется в качестве неприличной формы квалифицировать высказывания, которые содержат два названных выше класса единиц (список лексем и выражений русского языка, которые являются неприличным, приведен в Приложении с...), относительно остальных единиц, которые могут вызвать какие-либо сомнения рекомендуется использовать право отказа от дачи заключения ст. 57. п. 3(6) УПК РФ.

4.2. Пределы компетенции лингвиста-эксперта и типовые вопросы по делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений (ст. 152 ГК РФ) и клевете (ст.ст. 129, 298 УК РФ)

4.2.1. Компетенция лингвиста-эксперта. В рамках данной категории дел предметом исследования является речевое поведение автора спорного текста. **В компетенцию лингвиста входит установление следующих фактов:**

- 1) содержание конкретного спорного высказывания либо конкретной спорной единицы высказывания (текста);
- 2) наличие / отсутствие негативной информации о конкретном лице / субъекте делового оборота;
- 3) отношение (относится или нет?) негативной информации к конкретному лицу;
- 4) способ выражения информации оценочное суждение (мнение, убеждение) / утверждение о фактах.

Таким образом, лингвист квалифицирует речевое поведение в следующих аспектах:

А) автор речевого произведения передает негативную информацию о конкретном лице, негативная информация выражена в форме утверждения о фактах (утверждается наличие ситуаций, имевших / имеющих место в реальности, негативно характеризующих конкретное лицо).

Б) автор речевого произведения передает негативную информацию о конкретном лице, негативная информация выражена в форме оценочного суждения (производится негативная оценка ситуаций, с которыми была связана (или связана в данный момент конкретная личность) или оценка самой личности на шкалах хорошо / плохо, достоверно / вероятно и т.п.

В пределы компетенции лингвиста не входит:

- 1) Юридическая квалификация речевого поведения.

Лингвист не может установить:

- порочат ли спорные сведения честь конкретного лица,

- умаляют ли спорные сведения достоинство конкретного лица;

- наносят ли (способны ли нанести) спорные сведения вред деловой репутации субъекта делового оборота;

2) Юридическая и морально-этическая квалификация выраженной в тексте информации.

Лингвист не может установить:

- содержится ли в тексте информация о нарушении конкретным лицом или субъектом делового оборота действующего законодательства;

- содержится ли в тексте информация о нарушении конкретным лицом или субъектом делового оборота морально-этических норм и принципов.

3) Гносеологические характеристики спорных высказываний.

Лингвист не может установить:

- проверяемо или нет конкретное спорное высказывание на предмет его соответствия действительности.

4.2.2. Типовые вопросы

1. Содержатся ли в статье «...» негативная информация о лице? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация?

2. Можно ли по имеющимся в тексте различным номинациям установить что речь идет о конкретном X -е?

3. Относится ли фраза к конкретному X-у (=адресована ли фраза конкретному лицу?)?

4. Содержатся ли в статье «...» негативная информация о деловой репутации юридического лица / общественной организации / фирмы / учреждения «...» (название)?

5. В какой форме – утверждения о фактах или оценочного суждения – представлена информация?

4).6. Пределы компетенции и типовые вопросы по делам о призывах к экстремистской деятельности, а также возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды (ст.ст. 280, 282 УК РФ)

4.3.1. В компетенцию лингвиста входит:

А) Установление наличия / отсутствия призывов в спорном речевом произведении.

Б) Установление наличия / отсутствия речевых актов оскорбления по отношению к какой-либо группе лиц, объединенных на основе расовых, религиозных, социальных признаков.

В компетенцию лингвиста не входит:

А) Установление содержания призывов:

- являются ли выявленные призывы призывами к насильственному изменению основ конституционного строя РФ;

- являются ли выявленные призывы призывами к нарушению целостности РФ;

- являются ли выявленные призывы призывами, ведущими к нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии

- являются ли действия, к которым автор спорного речевого произведения призывает неопределенную группу лиц экстремистскими действиями и др.

Данные вопросы имеют отношение к сфере компетенции юриста, и не входят в пределы специальных познаний лингвиста, так как последний, не имея юридического образования, не знает, например, могут ли конкретные призывы вызвать действия, которые способны привести к насильственному изменению основ конституционного строя РФ.

Б) Установление реальных (=некоммуникативных) намерений говорящего:

- Направлено ли спорное речевое произведение на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации?

- Направлено ли спорное речевое произведение на возбуждение социальной, расовой, межнациональной розни?

- Можно ли утверждать, что автор сознательно и целенаправленно стремился возбудить ненависть и вражду по отношению к людям той или иной нации, вероисповеданию,

унизить их человеческое достоинство, исходя из национальности, происхождения, отношения к религии, если да, то, что об этом свидетельствует?

Эти вопросы также относятся к сфере компетенции юриста и связаны с установлением формы вины, фактически за этими вопросами стоят следующие вопросы: «Хотел ли говорящий разжечь межнациональную рознь, произнося высказывание X?» или «Хотел ли говорящий, чтобы были захвачены властные полномочия, когда произносил высказывание X?» Лингвист не может ответить на эти вопросы, поскольку язык может использоваться неискренне, таким образом, из наличия призыва не вытекает желание призывать (кто-то, например, может призывать под угрозой).

В) Установление способности призывов побуждать неопределенную группу лиц к конкретным действиям либо установление способности действий, к которым призывают в спорном речевом произведении, приносить ущерб общественным отношениям:

- Способны ли данные действия (призывы к действиям) вызвать социальную, расовую, национальную или религиозную вражду, рознь?

- Какова характеристика речевого произведения в целом с точки зрения возможности, невозможности быть средством разжигания национальной, расовой и религиозной ненависти и вражды?

В компетенцию лингвиста-эксперта не входит оценка возможности / невозможности (а также характеристика возможных) негативных последствий, которые способно повлечь исследуемое речевое произведение. Очевидно, что такая возможность зависит от многих факторов, в том числе, например, и от экономической и политической стабильности в стране. Однако, так как состав преступлений, предусмотренных ст.ст. 280 и 282 формальный, то вопросы группы В избыточны, так как наступление реальных последствий и установление причинно-следственных связей между речевым произведением и этими последствиями не является необходимым.

Типовые вопросы:

1. Имеются ли в спорном речевом произведении высказывания оскорбительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической или социальной группы?
2. Является ли спорное речевое произведение призывом?
3. Создается ли в спорном речевом произведении образ врага?

4.4. Пределы компетенции лингвиста и типовые вопросы по делам, связанным с квалификацией угрозы

Так же как и в предыдущих случаях, в случае установления в спорном речевом произведении наличия / отсутствия угрозы, предметом исследования является речевое поведение автора спорного сообщения.

В компетенцию лингвиста в данном случае **входит** только один вопрос: «Содержит ли спорное речевое произведение угрозы?». Таким образом, лингвист способен установить только то обстоятельство, что говорящий в речевом отношении вел себя таким образом, что высказывал в адрес Х-а угрозы.

В компетенцию лингвиста не входит.

1. Оценка состояния воспринимающего угрозу: лингвист не может установить, воспринимал ли Х угрозу как реальную.

2. Содержание угрозы. Является ли угроза угрозой причинения легкого вреда здоровью или угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья и др.

Эти вопросы носят юридический характер и не могут быть решены лингвистом-экспертом.

Список литературы

Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М. : Норма, 2006. – 480 с.

Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – 320 с.

Апресян, Ю.Д. Идеи и методы структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. – М., 1966.

Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М., 1974.

Артеменко, Н.В., Минькова, А.М. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Н.В. Артеменко, А.М. Минькова // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 13. – М., 1982. – С.10-33.

Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова – М., 1976.

Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова – М., 1988.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

Белкин, Р.С. Курс криминалистики. – Т 2.– М., 1997. – С. 289-345.

Белкин, Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств / Р.С. Белкин. – М., 1966.

Бринев К.И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции / К.И. Бринев // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов./ под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С.232-249.

Бринев, К.И. Реклама в парадигме инвективности / К.И. Бринев // Юрислингвистика 8 : Русский язык и современное российское право: Сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, – Барнаул, 2007. – С.402-405.

Бринев, К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. Оскорбление в метасознании лингвиста [Электронный ресурс] // <http://pusic.ucoz.ru/>

Бринев, К.И. Честный юрист в думе (анализ предвыборной листовки) / К.И. Бринев // Юрислингвистика 7 : Язык как феномен правовой коммуникации: Сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 268-275.

Вежбицка, А. Дескрипция или цитация / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. – М., 1982.

Вежбицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / Вежбицка А. // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С.68-81.

Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 1985.

Вригт, Г.Х. фон Нормы, истина и логика / Г.Х. фон Вригт // Логико-философские исследования. Избранные труды. – М., 1986.

Галяшина, Е.И. Лингвистика против экстремизма / Е.И. Галяшина. – М., 2006.

Галяшина, Е.И. Основы судебного речеведения: Монография / Галяшина Е.И. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.

Галяшина, Е.И. Правовой статус судебной лингвистической экспертизы / Галяшина Е.И. // Цена слова. – М.: СТЭНСИ, 2002. – С. 228-237.

Голев, Н.Д. Антиномии русской орфографии / Н.Д. Голев. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 160 с.

Голев, Н.Д. «Взял для себя все» // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты права и лингвистические аспекты языка: Сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 246-251.

Голев, Н.Д. «...Восстать, вооружиться, победить...»: Шекспир и экстремизм / Н.Д. Голев // Юрислингвистика 8: русский язык и современное российское право Межвузовский сборник

научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 412-416.

Голев, Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы / Голев Н.Д. // Юрислингвистика -3 : Проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 14-29.

Голев, Н.Д. От редактора: Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы / Голев Н.Д. // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 5-14.

Голев, Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении Юрислингвистика: проблемы и перспективы : Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 7-38.

Голев, Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Голев Н.Д. // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 9-46.

Гридина, Т.А., Третьякова, В.С. Принципы лингво-когнитивного анализа конфликтного высказывания / Т.А. Гридина, В.С. Третьякова // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С.55-65.

Доронина, С.В. Залежалый товар / С.В. Доронина // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 271-280.

Доронина, С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки / С.В. Доронина // Юрислингвистика-3 : Проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002, с. 77-85.

Жельвис, В.И. Инвектива / В.И. Жельвис // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 187-195.

Жельвис, В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В.И. Жельвис // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии : Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул. : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 223-236.

Зинин, А.М., Омелянюк, Г.Г., Пахомов, А.В. Введение в судебную экспертизу / А.М. Зинин, Г.Г. Омелянюк, А.В. Пахомов – М., 2002.

Ивин, А.А. Логика [Электронный ресурс] // <http://psylib.org.ua/books/ivina01/index>.

Иссерс, О.С. Свобода слова : две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) / О.С. Иссерс // Юрислингвистика 1: проблемы и перспективы : Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул. : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 40-53.

Кирилин, К.А. Опровержение и ответ как механизм реализации информационных прав личности : «де-юре» и «де-факто» / К.А. Кирилин // Юрислингвистика-3 : Проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 172-188.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 7-е издание, переработанное и дополненное, ответственный редактор - председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

Коряковцев, А.В. Головачева, О.В. К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики / А.В. Коряковцев, О.В. Головачева // Юрислингвистика-5 : юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 216-226.

Кречетов, Д.В. Честь и достоинство (исторический аспект) / Д.В. Кречетов // Юрислингвистика-2 : русский язык в его

естественном и юридическом бытии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 113-117.

Кусов, В.Г. Коммуникативная перверсия как способ диагностики искажения при оскорблении / В.Г. Кусов // Юрислингвистика-6 : инвективное и манипулятивное функционирование языка : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 44-56.

Лакофф, Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о категориях мышления / Дж. Лакофф. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

Лебедева, Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) / Н.Б. Лебедева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.

Матвеева, О.Н. Статья «Комментарий «СК»» / О.Н. Матвеева // Цена слова. – М.: СТЭНСИ, 2002. – С.184-190.

Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» / И.А. Мельчук. – М., 1974.

Наумов, А.В. Практика применения уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий судебной практики и доктринальное толкование. Под редакцией президента адвокатской палаты г. Москвы, заслуженного юриста российской федерации Г.М. Резника / А.В. Наумов // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов / Дж. Остин // Избранное. – М., 1999.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Авт.-сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин; Отв. ред. А.К. Симонов. – М., 1997.

Поппер, К.Р. Историческое объяснение / К.Р. Поппер // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики — М.: Едиториал УРСС, 2006. – С 330-340.

Поппер, К.Р. Логика и рост научного знания / К.Р. Поппер. – М., 1983.

Поппер, К. Нищета историцизма / К.Р. Поппер. – М., 1993.

Поппер, К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К.Р. Поппер. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.

Поппер, К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. / К.Р. Поппер. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с.

Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К.Р. Поппер. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 528 с.

Постатейный комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации под руководством Н.А. Громова // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

Ратинов, А.Р. Экспертиза текстов массовой информации – необходимое условие подлинного правосудия / А.Р. Ратинов // Цена слова. – М.: СТЭНСИ, 2002. – С.. 211-221.

Рассел, Б. Философия логического атомизма / Б. Рассел // Избранные труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-ство, 2007. – С. 121 – 223.

Рассел, Б. Человеческое познание его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев.: Ника-Центр, 1997. – 560 с.

Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – М.: Норма, 2008. – 688 с.

Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986.

Сорокотягина, Д.А., Сорокотягин, И.Н. Судебная экспертиза: Учебное пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 336 с.

Сыпченко, С.В. Из опыта судебной лингвистической экспертизы публицистических произведений (О проблемах лингвистической экспертизы как прикладного направления юрислингвистики). Юрислингвистика: проблемы и перспективы :

Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. – 1999. – С.230-240.

Сыпченко, С.В. О типах инвективных текстов как объекте лингвистической экспертизы / Сыпченко С.В. // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 244-253.

Фомичева, М.А. Угроза как способ совершения преступления (основания криминализации, виды и характеристика) / М.А. Фомичева. – Владимир, 2007. – 176 с.

Цена слова – М.: СТЭНСИ, 2002. – 336 с.

Чернышова, Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста / Т.В. Чернышова // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 236-244.

Чернышова, Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания / Т.В. Чернышова // Юрислингвистика-3 : Проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 42-55.

Шляхов, А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А.Р.Шляхов. – М., 1979.

Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 273 с.

Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 263 с.

Юрислингвистика-5: лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка Сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 354 с.

Юрислингвистика 6: инвективное и манипулятивное функционирование языка / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 419 с.

Юрислингвистика 7: язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006.

Юрислингвистика 8 : русский язык и современное российское право / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007.

Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 454 с.

Нормативные акты и судебная практика:

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] // "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3012.

Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 [Текст] // Российская газета, №191, 30.08.2005

Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 1) [Текст] // Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301,

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532,

Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2007 г. N 41-007-84 [Текст] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

Об утверждении перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях министерства юстиции российской федерации:

Приказ Министерства юстиции РФ от 14 мая 2003 г. № 114 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

О государственной судебно - экспертной деятельности в российской федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 N 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ", 04.06.2001, N 23.

О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ – 2002. – N 30. – Ст. 3031.

О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 года N 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ.– 2006.– N 12.– Ст. 1232.

О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 №3 [Текст] // "Российская газета", № 50, 15.03.2005.

О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2007 г. № 390-п07 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

Список условных сокращений

АПК РФ – арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Научное издание

Константин Иванович Бринев

**Теоретическая лингвистика
и судебная лингвистическая экспертиза**

Монография

Под редакцией Н.Д. Голева

Ответственный за выпуск Л.В. Скорлупина

Подписано в печать 16.01.2009 г.
Объем 15,1 п.л. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Тираж 500 экз. Заказ № 3
Отпечатано в типографии «Концепт», г. Барнаул,
ул. Молодёжная, 85,
т. 36-82-51